

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ОМОНИМИЯ
КАК СИСТЕМНАЯ
КАТЕГОРИЯ
ЯЗЫКА**

Минск
2007

УДК 81'373
ББК 81.2Рус-3

Р е ц е н з е н т ы :

Доцент кафедры славянских языков Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук С. Г. Барбук;

Доцент кафедры интеллектуальных технологий Учреждения образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», кандидат технических наук О. Е. Елисеева

Головня А. И. Омонимия как системная категория языка: монография. – Мн.: БГУ, 2007. – 132 с.
ISBN

В монографии "Омонимия как система" представлена проблема омонимии в компьютерных интеллектуальных и переводных системах в процессе автоматического перевода деловых документов, технической документации и текстов художественной литературы, а также пути и решение ее снятия на входе и выходе ЭВМ.

Рассчитана на студентов специализации "Компьютерная лингвистика" в качестве учебного пособия, а также на инженеров по знаниям, интересующихся переводными и учебными компьютерными системами, филологов-языковедов, научных работников и на специалистов по теории языкознания, а также на преподавателей русского языка как родного, так и иностранного.

**УДК 81'373
ББК 81.2Рус-3**

ISBN

© БГУ, 2007

*Светлой памяти моего учителя
Владимира Александровича
Карпова посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема омонимии стара как лингвистика. В то же самое время она переживает вторую молодость. Сначала автоматическая обработка текстов, далее машинный перевод, а совсем недавно – создание интеллектуальных систем, связанных с использованием естественного языка, – снова выдвинули ее на первый план. Математики-прикладники, создали систему, где машина переводила так: "белорусская язык", "выканаць плацяжы болей чым з 4000 слоікамі" и т.п. Комментарии излишни. Они были вынуждены обратиться за помощью к лингвистам.

В представленной монографии омонимия показана со всех сторон. В анализе присутствует около 30 тысяч фактов, большая часть – собственный материал. Рассмотрена омонимия русского языка и частично белорусского в плане межъязыковой омонимии. А главное, под явление омонимии подведена надежная база в виде симметро-асимметричных представлений.

Математический аппарат в виде энмерных кубов и декартовых матриц, позволяет не просто описать явление, а доказать неизбежность существования этого явления, поскольку его фундаментом является симметро-асимметрия (диссимметрия) – категория, присущая всем материальным и материально представимым объектам. А это значит, что омонимия – пронизывает все предметные области. И тогда она выходит из рамок лингвистической науки и переходит в разряд всеобщих явлений. В кристаллографии ее уже обнаружили благодаря лингвистике.

Кроме теоретической значимости, эта работа представляет фундамент для разворачивания работы в проблемный спецсеминар, ряд спецкурсов и направлений для курсовых и дипломных работ – т.е. прямой выход в преподавание; она может служить системным образцом, так как, отталкиваясь от этой работы, можно получить абсолютно идентичные (в силу системности метода в виде ОТСУ – общей теории систем Ю.А. Урманцева) результаты при исследовании омонимии в любом естественном или искусственном языке.

ВВЕДЕНИЕ

История изучения омонимии как феномена языка за последние полвека, как в капле воды, отражает то, что процесс создания новой лингвистической "парадигмы" как суммы знаний о главном объекте анализа – языке, достигаемой обычным сложением частных исследований, идёт крайне медленно.

При бурном приращении знаний вообще происходит своего рода "затоваривание" научной продукцией, оседающей мертвым грузом на полках библиотек. По данным А.И. Умова, "значительная часть книг крупнейших библиотек мира, в том числе библиотеки им. В.И. Ленина, никогда не затребовалась ни одним читателем" [170: 95]. Философ отмечает, что такие ситуации случались и ранее, и чаще всего угрозы информационного кризиса такого типа преодолевались путем изменения структуры научного знания.

Каким же образом философы и логики науки советуют сегодня выходить из критической, кризисной ситуации? О кризисе в лингвистике прямо нигде не говорят, но ситуация, сложившаяся в такой лингвистической области искусственного интеллекта, как "знания", "работа со знаниями", "приращение знаний", когда эта работа ведется без лингвистов, говорит сама за себя. Позволим себе обширную цитату из Г.С. Поспелова: "Искусственный интеллект – это комплексная научно-техническая проблема, для решения которой необходима совместная слаженная работа математиков, инженеров-электронщиков, программистов, инженеров по знаниям, философов, психологов, социологов и других специалистов по самым разнообразным аспектам жизни человеческого общества" [134: 270]. Лингвисты оказались или в "инженерах по знаниям", или в числе "других специалистов".

Действительно, с одной стороны, сегодняшняя лингвистика не готова к формализации знаний о языке (длительные годы формализации противились, видя в ней игру ума, но не более). С другой стороны, эту формализацию проводить предельно сложно, так как любой выход в другие области знания "карается" самыми разными способами. Попробуйте обойти такое высказывание: "Общепринято, что язык образует систему и структуру, развивающуюся по своим собственным законам" [177: 15]. Можно привести сотни аналогичных положений, не подтвержденных логическими выкладками.

Академик Н.Ф. Овчинников отмечает тенденцию к единству науки, к объединению разрозненных знаний в единые знания. Философы и системологи В.З. Цехмистро, В.С. Тюхтин и ряд других авторов видят способ объединения – принципы симметрии [см. 123; 168; 180].

В лингвистике со времени появления в 1929 году положений С.О. Карцевского об асимметричности языкового знака понятия симметрии/асимметрии время от времени всплывают на страницах работ отдельных авторов, но дальше трактовки того же положения Карцевского не выходят. В этом плане выгодно отличаются от других работы Ю.К. Лекомцева. Но они

глубоко уходят в формальную логику, где симметричность/асимметричность используется как категория теории множеств [см. 102; 103].

В то же самое время идет усиленное освоение симметро-асимметрий физиками, кристаллографами, не в теории, а на практике имеющими дело с сохранением/несохранением, взаимодействиями/взаимонедействиями. Начиная с работ Т. Куна [99], ученые ведут дискуссию о возможности взаимодействия концепций в разных областях знания, о применении методологии и методик одной науки в смежной или даже относительно отдаленной отрасли. Это видно на примере материалов "круглых столов", регулярно публикуемых в журнале "Вопросы философии", названий конференций типа "Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм".

Лингвистам, на наш взгляд, как раз недостает большой обобщающей идеи, позволившей бы им показать фундаментальность их предметной области. Ведь язык как инструмент отражения (система систем) отражает познанный человеком мир и несет в себе в снятом виде свойства отражаемых объектов. Поэтому такой общей идеей, объединяющей разные точки зрения на определенный объект, на наш взгляд, может стать симметрия с ее необходимым дополнением – асимметрией, так как одна может быть выделена только во взаимодействии и на фоне другой.

Наиболее подробно симметрия/асимметрия рассматриваются в рамках работ, представляющих системный подход. Это направление объединяет ученых разных предметных областей – от биологии до геологии и искусствоведения. Удаленность объектов анализа не мешает получению надежных результатов, так как обнаружение изоморфизмов является гарантией высокого научного качества исследований.

Симметрия привлекает своим аппаратом: от аксиом теории множеств до теории групп. Она оперирует наиболее общими понятиями, используемыми в любой науке: 1) объект – носитель симметрии, 2) признаки (вещи, свойства, отношения, явления, процессы), которые при преобразованиях остаются неизменными, или инварианты, 3) операции, или преобразования симметрии, которые сохраняют тождество объекта самому себе по некоторым (инвариантным) признакам, 4) свойство объекта превращаться в самого себя по некоторым признакам после соответствующих изменений [173: 189-190]. Язык как предмет исследования и, в частности, лингвистические объекты (собственно объекты, их признаки, процессы, состояния и т.п.) могут и, значит, должны быть описаны в терминах симметрии/асимметрии, что даст возможность использовать развитый математический аппарат для представления лингвистических знаний. Формализация представлений, в свою очередь, позволит решать прикладные задачи.

В свете указанных философских предпосылок к интеграции разных областей знания, при которой возможно приращение знания, т.е. познание, мы и предпринимаем многостороннее исследование одной лингвистической проблемы – проблемы омонимии.

Традиционно омонимия – это звуковое совпадение двух или более языковых единиц [24]. Омонимия как одно из явлений языка-системы (в терминах симметрии) – это симметро-асимметрия формы и асимметро-симметрия содержания (сохранение одних признаков и несохранение других при некоторых изменениях в системе). Через эти категории омонимия связана с изоморфизмом/полиморфизмом языка-системы, так как неизоморфность плана выражения и плана содержания возможна только на фоне изоморфизма указанных планов [80].

Омонимия как проблема может быть представлена в следующих трех планах:

- чисто теоретическая научная проблема языкознания и философии;
- прикладная проблема: автоматический перевод, автоматическое реферирование текстов, создание разного рода интеллектуальных систем, использующих естественные языки;
- методическая проблема: обучение русскому как иностранному, разработка методических рекомендаций для составления словарей.

Анализ существующих работ по проблеме показал, что исследователи омонимии отмечают:

- отсутствие работ по проблеме системности в омонимике, так как омонимия большинством исследователей считается отклонением в системе языка, нарушением его системности;
- меньшую изученность омонимии на фоне таких смежных явлений лексики, как полисемия, синонимия, антонимия;
- отсутствие единых классификаций и единой терминологии, объединяющих разные уровни анализа;
- слабое отражение проблемы омонимической лексикографии;
- неразработанность (разнобой) описания омонимии на уровне использования терминов;
- отсутствие серьезных работ по омонимии аббревиатур;
- слабую разработанность омонимии на уровне синтаксиса;
- отсутствие формально-логических критериев при выделении омонимии как языкового феномена.

Вышеизложенные положения обосновывают необходимость проведения настоящего исследования таким образом:

- в качестве метода выбран системный подход, уже отлично зарекомендовавший себя при использовании в других разделах науки;
- в качестве исходного материала для анализа избран текстовый материал большого объема и данные словарей (свыше 12 тысяч фактов);
- в качестве классификационных структур используется математический аппарат в виде той его части, которая представляет симметрично-асимметричные структуры.

Синтез указанного метода, материала и структур его представления позволяет надеяться на успешное решение поставленной общей задачи – доказательства системности омонимии как явления.

Работа "Омонимия как системная категория языка" представляет попытку доказать то, что в существующих работах по омонимии показывается, объясняется. Доказательный характер исследования требует математизации представлений и оборачивается при применении философски обоснованной методики приращением знаний в исследуемой области.

Актуальность её определяется следующим: 1. В общепhilosophическом и теоретическом плане выяснение сущности и границ явления послужит доказательством его частной и общей системности для систем одного и того же рода (языковых). Выведение же явления за рамки языка-системы оборачивается обнаружением в языке фундаментальных, общесистемных характеристик. 2. В методическом аспекте выяснение причин появления омонимии позволит создать методику преподавания омонимии в курсе русского языка как родного, так и иностранного. 3. В прикладном плане многостороннее исследование омонимии с выходом на способы ее снятия важно для разработки любых интеллектуальных систем, использующих естественные языки (машинный перевод, экспертные и другие системы).

Работа была связана с общим направлением исследований НИЛ теоретической и прикладной лингвистики Белгосуниверситета, проводившимся с 1988 года по таким общесоюзным и республиканским научным программам, как "Машинный Фонд русского языка", "Информатика", "Информатизация".

Цель и задачи исследования формулируются следующим образом: 1. Собрать необходимый и достаточный материал для исследования. 2. Обосновать применение полных и связных математических структур для классификации и системного описания материала. 3. Доказать системный характер омонимии как явления путем создания логически, математически и предметно совместимых комбинированных классификаций, позволяющих максимум формализации материала. 4. Доказать, что причины появления омонимии в языке являются всеобщими и представляют отдельные или комбинаторные вариации количественных, качественных и относительных изменений (преобразований) в языке-системе. 5. Разработать общеметодические рекомендации для преподавания раздела "ОМОНИМИЯ" в школьном курсе русского языка, разработать программу спецкурса "Системные аспекты омонимии" для вузовского курса обучения.

Научная новизна полученных результатов связывается прежде всего: 1) с созданием философского обоснования появления, существования и развития омонимии как симметро-асимметрии (диссимметрии), или непротиворечивой концепции омонимии; 2) с созданными исчерпывающими универсальными классификациями омонимов русского языка (свыше 20), показывающими практическую полноту развития омонимии в системе на разных уровнях; 3) с созда-

нием словаря омоузлов (словаря омоформ) объемом в 1465 единиц, чего ещё не было сделано ранее; 4) с тщательным анализом омонимии аббревиатур как интегративного уровня – лексики и синтаксиса; 5) с применением системного метода в виде ОТСУ к исследованию омонимии.

Практическая значимость полученных результатов видится в возможности их использования при чтении лекций и проведении семинарских занятий в курсах общего языкознания, русского языка, в спецкурсах и спецсеминаре по этой проблематике, а также в применении их для создания прикладных программ и словарей разного типа.

Система машинного перевода с белорусского языка на русский и с русского на белорусский деловых документов (лингвистическая часть этой работы выполняется НИЛ ТиПЛ), несомненно, будет коммерческим продуктом. С нашей стороны подготовлен дифференциальный словарь русско-белорусских и белорусско-русских грамматико-лексических омонимов и производится кодирование белорусского и русского словаря словоформ.

Это относится непосредственно к исследованиям, связанным с омонимией как проблемой при создании разного рода интеллектуальных систем, использующих русский и белорусский языки (компьютерные учебники, система машинного перевода).

Монография состоит из Введения, Основной части из четырех глав, заключения; списка литературы. Текст Основной части содержит 10 таблиц, 14 матриц и 23 рисунка-графа.

ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ, ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Очерк этапов развития воззрений на омонимию

Проблема омонимии – это не только важнейшая теоретическая проблема, связанная с установлением границ основной единицы языка – слова, но также один из самых сложных вопросов практической лексикографии (от создания чётких школьных методик до снятия омонимии в компьютере при анализе текстов в автоматическом режиме). Существуют различные мнения о значении, месте и роли омонимии в языке. Одни лингвисты считают, что образование омонимов – это обогащение словарного запаса языка, другие называют омонимию "смертельной раной" языка. Как отрицательное явление, как "помеху к пониманию", "дефект языка" рассматривают омонимию А.А. Реформатский, А.Н. Гвоздев и ряд других лингвистов. Другие ученые, например, Л.А. Булаховский, О.С. Ахманова, Р.А. Будагов, хотя и признают, что омонимия в некоторых случаях может затруднять понимание речи и текста, но тем не менее полагают, что она не является "патологией" языка. Поскольку явление омонимии распространено практически во всех языках мира, имеется довольно обширная литература, содержащая как описание данного явления, так и анализ и оценку его в том или ином языке. Особенно увеличилось число работ по проблемам омонимии после известной ленинградской дискуссии по вопросам омонимии [68].

Однако, несмотря на большое количество работ, в которых исследуются важнейшие проблемы омонимии, единого мнения относительно данного явления нет. Кроме того, наблюдается известный разнобой в использовании терминов. В общем языкознании в основном выделяются четыре подхода в оценке самого явления омонимии и соответственно четыре основных точки зрения по вопросу определения понятия "омоним".

Первая точка зрения: омонимы – это слова, имеющие одинаковую фонетическую оболочку, но различное значение независимо от их графического написания. Этой точки зрения придерживаются В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, Л.А. Булаховский, Е.М. Галкина-Федорук, Б. Трнка, Ш. Балли, Л. Блумфилд и др.

Вторая группа лингвистов считает омонимами слова, у которых при совпадении звучания и при различии значений должно быть обязательно одинаковое написание [В.В. Броун, И.В. Арнольд, Н.М. Шанский, М.Х. Ахтямов].

Третья группа лингвистов относит к омонимам одинаково звучащие слова, которые имеют различное значение и различное написание [Х. Огата и Р. Инглотт].

Этим трем пониманиям термина "омоним" противопоставляется четвертое, нашедшее свое выражение в "Этимологическом словаре" В. Скита, который при

определении омонима исходит из принципа графического сходства, пренебрегая звуковым.

Давно уже не является дискуSSIONным утверждение о том, что омонимия может существовать на любых уровнях языка. Так, И.Ф. Вардуль, например, распространяет понятие омонима на все единицы языковой системы – "от морфемы в морфологическом ярусе до предложения и периода в синтаксическом и сообщения в супрасинтаксическом ярусе" [42: 17-18]. Ю.С. Маслов, в частности, пишет: "В теории языка представляется целесообразным исходить из значительно более широкого понимания омонимии и омонима, чем то, которое необходимо сохранить в практике лексикографической работы. Мы будем понимать под омонимией всякое тождество звучания двух (или нескольких) разных означающих как на "уровне" слов, так и на "уровне", с одной стороны, морфем или морфемосочетаний, а с другой – словосочетаний. Внутри определенного указанным образом понятия возможны различные подразделения" [110: 198]. О существовании омонимии на разных уровнях – от морфологического до синтаксического – писали также С. Ульман и Ш. Балли.

При изучении омонимии в любом языке возникает множество проблем. С ней связан широкий круг вопросов, которые до сих пор остаются во многом не выясненными, и разные лингвистические направления, разные лингвисты решают их по-разному. Одной из таких проблем является проблема полисемии как источника омонимии: можно ли считать полисемию источником омонимии или же не признавать существования омонимов, являющихся результатом исторического развития многозначности слова, и как проводить разграничительную линию между полисемией и омонимией. Одни языковеды считают, что омонимы – слова, которые случайно совпали по звучанию на том или ином этапе развития языка, а по происхождению являются разными, ничего общего между собой не имеющими. Такой точки зрения придерживается В.И. Абаев: "Созвучие по омонимии, как созвучие случайное, мыслится как нечто противоположное созвучию, основанному на единстве происхождения. Такое понимание омонимии совершенно правильно, так как только при этом понимании проводится четкая демаркационная линия между омонимией (одинаковое звучание разных слов) и полисемией (разные значения одного слова)" [2: 33]. И далее: "Омонимия возникает не тогда, когда возникает впечатление "разрыва семантических связей", а лишь в случае, если этих связей никогда в истории данного языка не существовало" [2: 42]. Точка зрения В.И. Абаева была поддержана на дискуссии по вопросам омонимии И.Е. Аничковым, К.П. Авдеевым и В.Н. Сидоровым. Некоторые зарубежные исследователи английского языка также придерживаются такой точки зрения на омонимы (О. Эмерсон, Дж. Кеннеди, Дж. Джеггер и др.). Взгляд на омонимы как на слова разного происхождения, отрицание факта образования омонимов из полисемантических слов возможны лишь при абсолютном неразличении синхронии и диахронии.

Большинство же лингвистов считает, что наряду с омонимами этимологическими, исконными, или гетерогенными, т.е. имеющими различное происхождение и лишь случайно на каком-то этапе развития языка совпавшими по звучанию, существуют еще и омонимы гомогенные, исторические, или семантические. Эти омонимы являются результатом исторического развития лексемы, значения которой разошлись так далеко, что на современном этапе развития языка они воспринимаются как отдельные, не связанные между собой лексические единицы. В этом случае источником омонимии является полисемия. Такая точка зрения представлена в работах В.В. Виноградова, который указывает на существование омонимов, обязанных своим появлением "семантическому распаду единой лексемы на несколько омонимичных лексических единиц (типа *свет* "вселенная" и *свет* "освещение")" [45: 10].

Аналогичный подход к явлениям омонимии можно обнаружить и в трудах Р.А. Будагова: "...сами омонимы в ряде случаев возникают из полисемии, подвергшейся процессу разрушения" [39: 46]. Распад полисемии наряду со случайным звуковым совпадением он считает одним из важнейших основных каналов образования омонимов. Факт существования омонимов, явившихся результатом разветвления значений единой лексемы, признают Б.А. Ильиш, Е.М. Галкина-Федорук, С.И. Ожегов, А.Я. Шайкевич и другие лингвисты, исследующие проблему омонимии в русском, английском и других языках. До сих пор в лингвистике не решен вопрос о том, каким образом проводить разграничительную линию между полисемией и омонимией, где кончается полисемия одной единицы и начинается омонимия двух единиц. Разными учеными наряду с чисто субъективными критериями, при которых лингвист опирается лишь на свое языковое чутье (например, подбор синонимов), предлагаются также более или менее строгие методы разграничения полисемии и омонимии, такие, как наличие различных словообразовательных рядов, различие в морфологической структуре словоформ, отнесение словоформ к различным парадигмам, различие в управлении (для глаголов) и т.п. Так считают Н.Ф. Шумилов, О.С. Ахманова, А.Я. Шайкевич.

В некоторых работах делается попытка предложить формальные критерии разграничения полисемии и омонимии, основанные на возможностях сочетаемости слов, на разной синтаксической и лексической валентности омонимичных единиц, на использовании различных операциональных процедур для различения омонимов. Об этом говорится в работах В.В. Коптилова, так считает М.Т. Арсеньева, Т.В. Строева, А.П. Хазанович, М.Е. Цыпышева и др. Однако такие методы, как, например, контекстуальный анализ, не дают существенных результатов для отграничения омонимов от полисемантических слов. Так, М.Е. Цыпышева отмечает: "...контекстуальный анализ показывает, что речевые условия функционирования омонимов и полисемичных слов не отличаются друг от друга и, следовательно, в речи различия между лексической омонимией и полисемией не проявляются" [181: 65]. Не случайно поэтому при попытках

формализовать снятие омонимии (например, для автоматической обработки текстов) понятия полисемии и омонимии отождествляются и применяется одна и та же методика для разграничения и омонимов, и полисемантических лексем. Так считают Н.А. Пащенко, В.С. Чернявский, Е.П. Федоров и ряд других ученых.

Обобщая все операциональные процедуры, существующие для "отождествления в языке тождественного и различия различного (в частности – для различия омонимов)", И.Ф. Вардуль сводит их к трем видам приемов:

1. Дистрибуционный прием. Обращение к окружениям рассматриваемых единиц. Сходные единицы имеют сходное окружение, разные единицы – разное окружение.

2. Трансференционный прием. Обращение к единицам более высокого ранга. Например, использование интонации при различении омонимичных предложений.

3. Трансформационный прием. Единообразная перестройка рассматриваемых единиц. Сходные единицы дают сходные результаты, разные единицы – разные результаты [43: 78].

В работе М.И. Задорожного отмечено уже шесть критериев, разделяющих полисемию и омонимию: многоступенчатое перефразирование, "портретирование", оппозиционный анализ, дихотомическая классификация, выделение "длинного" компонента и параметризация значений [73].

Все названные способы различения омонимичных единиц применимы для разграничения омонимов в самом широком смысле слова, когда омонимия покрывает полисемию, но для разграничения отношений "полисемия – омонимия" они не могут считаться универсальными. Ещё одним из способов описания лексических единиц языка является создание так называемых толково-комбинаторных словарей, которые могут быть использованы для разграничения полисемии и омонимии. Одинаково звучащие слова, не имеющие общих толкований, считаются при этом омонимами. Для ограниченного числа лексем, безусловно, могут быть построены нужные толкования, с помощью которых омонимия и полисемия будут разграничены. Однако для языка в целом эта проблема еще не может считаться решенной, так как принцип построения толкований пока не совсем ясен и во многом зависит от того, чего желает исследователь. Лексикологи считают, что анализ семантики слова должен быть решающим при отграничении омонимов от многозначных слов, но методика этого анализа во многом не ясна. Так, О.С. Ахманова пишет: "Дивергенция словообразовательных рядов, особенности управления и т.п., безусловно, могут и должны использоваться при разграничении полисемии и омонимии. Но они выступают не как самостоятельные критерии или решающие признаки, а лишь как дополнительные, как вспомогательные моменты, подтверждающие и фиксирующие факты, обнаруженные посредством собственно семантического анализа" [22: 112].

Ученые предлагают применять для разграничения омонимов и полисемантических слов множество критериев, и, в частности, такие, как: различные словообразовательные ряды, парадигмы, связи с другими лексическими группами (подбор синонимов, антонимов), синтаксические связи (дистрибутивный метод), различие в управлении (у глаголов). Многие лингвисты считают, что если омонимы можно разграничить, привлекая, помимо семантического критерия, какой-либо еще из указанных, то в этом случае можно говорить о "выраженной омонимии". В тех случаях, когда значение омонимов невозможно различить ни на одном уровне, кроме смыслового, то омонимию следует считать "невыраженной". При разграничении омонимии и полисемии в русском языке определяющими, как полагают ученые, должны быть одновременно три критерия: 1) семантический; 2) лексический (синонимические ряды) и 3) морфологический (словообразовательный). При рассмотрении понятия "омонимы" возникают и другие проблемы, которые неоднозначно решаются разными лингвистами. Так, наблюдаются разногласия по поводу того, из чего исходить при определении омонимов: из графики или из звуковой стороны языка. Согласно одной из точек зрения, к омонимам причисляются либо слова (словоформы или лексемы), совпадающие по написанию и звучанию [Н.М. Шанский, В.А. Ильиш, И.В. Арнольд, М.Х. Ахтямов, В.В. Броун и др.], либо слова, совпадающие по написанию и звучанию или только по написанию [В. Скит], либо же слова, совпадающие по звучанию при обязательном различном написании [Х. Огата, Р. Инглотт]. Большинство лингвистов, отвлекаясь от написания слов, опирается лишь на их фонетический состав и считает омонимами одинаково звучащие слова независимо от их написания, от совпадения или несовпадения их на письме. Среди них В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, Р.А. Будагов, И.С. Тышлер, А.А. Реформатский, П.И. Гладкий, Н.И. Супрун, А.Я. Шайкевич, Л. Блумфилд, С. Ульман, О. Эмерсон и другие.

Так, В.В. Виноградов считает: "Термин "омонимия" следует применять к разным словам, к разным лексическим единицам, совпадающим по звуковой структуре во всех своих формах" [45: 4]. По мнению Г.И. Корчагиной, понятие "омонимы" в равной степени может относиться как к словоформам (лексемам), звучащим одинаково (независимо от их написания), так и к словоформам (лексемам), написанным одинаково (независимо от их звучания), при безусловном различии в значениях как тех, так и других. В первом случае мы имеем дело с омонимами устного варианта языка, во втором – с омонимами письменного варианта языка, и каждый из этих случаев должен быть объектом специального исследования. Другое дело, что при рассмотрении омонимов устного (соответственно письменного) варианта языка мы можем (в частности, при классификации омонимов) учитывать совпадение или несовпадение их в письменной (соответственно устной) форме [96].

Таким образом, целый ряд проблем, связанных с омонимией, остается до сих пор не решенным окончательно и требует специального уточнения приме-

нительно к конкретным задачам исследования. При описании явления омонимии в общем языкознании используются термины "омофон" и "омограф", относительно которых тоже не существует единого толкования и понимания. Омофоны и омографы рассматриваются то как виды омонимов, то как смежные с омонимами единицы. В ряде работ омофон понимается как омоним в его различном толковании. Так, омофонами в одних работах считают слова разного значения и написания, совпадающие только по звучанию. Существует вместе с тем и более широкое толкование термина "омофон", при котором одинаковое звучание предполагает наличие единиц не обязательно одного уровня. Омофония, согласно этому определению, охватывает единицы разных уровней языка и действует на разных уровнях. В.В. Виноградов писал, что "омофония – понятие гораздо более широкое, чем омонимия. Оно охватывает все виды единозвучий или созвучий – и в целых конструкциях, и в сцеплениях слов или их частей, в отдельных отрезках речи, в отдельных морфемах, даже в смежных звукосочетаниях" [46: 297].

Термин "омограф" также широко толкуется в лингвистике. Чаще всего под омографом в лингвистике понимают слова, одинаково пишущиеся, но различно произносящиеся. К таким словам в русском языке относятся: *крУжки – кружкИ, стрЕлки – стрелкИ, вЕсти – вестИ*. Согласно этой точке зрения, омография представляет собой явление, смежное с омонимией. Кроме того, в лингвистике существует точка зрения на омографы как на вид омонимов, либо совпадающих и в написании, и в произношении, либо совпадающих только в графической форме, но различающихся по звучанию.

Пути создания омонимии в языке также полемичны. В лингвистической литературе обычно указываются следующие важнейшие пути возникновения омонимов – источники омонимии, которые представлены во всех языках:

1. Фонетические изменения.
2. Семантическое развитие слова (распад полисемии).
3. Словообразование и другие морфологические процессы.
4. Заимствование слов.

Лингвисты особо подчеркивают роль заимствованных китайских слов в развитии омонимии японского языка. По мнению Т.И. Корчагиной, основным источником омонимии в японском языке являются именно китайские лексические заимствования (канго), составляющие значительную часть современной японской лексики. В германских языках наибольшее число омонимов образовалось в результате словообразовательных процессов и процесса заимствования слов. По данным А.Я. Шайкевича, в английском языке, например, 42% всех лексических омонимов появилось в результате словообразовательных процессов, 27% омонимов возникли в языке в результате заимствования, к появлению 8% омонимов привели различные фонетические изменения, а 5% омонимов возникли в результате распада полисемии. В русском языке выделяют три ос-

новных источника омонимии: заимствования, словообразовательные процессы и расширение многозначных слов, т.е. семантическое развитие слова.

Методологической проблемой преподавания русского языка в нерусской аудитории является межъязыковая (межсистемная) омонимия. Например, И.С. Ровдо всесторонне рассмотрел межсистемные омонимы русского и белорусского языков [143].

1.2. Общие принципы классификации омонимов

Классификация омонимов занимает важное место при исследовании явления омонимии любого языка. Об этом свидетельствует большое число работ, посвященных омонимии, в которых авторы предлагают тот или иной подход к выделению классов омонимов. Вопрос классификации омонимов решается в зависимости от понимания тем или иным лингвистом сущности явления омонимии и определения понятия "омонимы", но поскольку единства взглядов по этим вопросам не наблюдается, в лингвистической литературе вообще нет пока единой общепринятой классификации омонимов какого-либо языка. Русисты и специалисты по западноевропейским языкам при объединении омонимов в группы в основном устанавливают следующее:

- 1) пишутся омонимы одинаково или различно;
- 2) совпадают ли они во всех формах словоизменения или только в части их;
- 3) как соотносятся грамматическое и лексическое значения в омонимах;
- 4) принадлежат ли они к одной или к разным частям речи;
- 5) имеют ли они общее или различное происхождение.

Некоторые лингвисты, определяя омонимы как слова, имеющие различные значения, но совпадающие и по произношению, и по написанию, при классификации омонимов предлагают выделять 3 группы: полные омонимы (или собственно омонимы), к которым они причисляют именно то, что названо омонимами в их определении, затем омофоны, т.е. слова, совпадающие по звучанию, но имеющие различное написание и значение, и омографы, т.е. слова, различные по звучанию, но случайно совпавшие в письменной форме [Б.А. Ильиш, И.В. Арнольд, В.В. Броун, А.Я. Шайкевич]. Такой подход представляется логически неправильным, поскольку 3 полученных класса (собственно омонимы, омофоны и омографы) являются разными классами омонимов, но омофоны и омографы не должны считаться омонимами по определению авторов, так как первые не совпадают в письменной форме, а вторые не совпадают по звучанию. Для устранения этой нелогичности необходимо расширение понятия омонимии.

Существует и другой подход к выделению омофонов и омографов, предлагаемый Н.И. Супруном. Он считает целесообразным делить омонимы на омофоны и омографы, но при этом автор подчеркивает тот факт, что и омофоны, и омографы совпадают по звучанию, однако омофоны имеют разное написание, а омографы одинаковое [159]. В классификации омонимов А.Я. Шайкевича, ис-

ходя из того же соотношения звучания и написания, все омонимы делятся на две большие группы: фонематические и фонетические, исключая из рассмотрения омографы, поскольку "их ни в коем случае не следует считать омонимами" [188]. Подобное утверждение вряд ли следует считать правильным, так как омографы имеют такое же право на существование, как и омофоны. Принцип совпадения омонимов во всех формах словоизменения или только в части их используется почти всеми языковедами, которые занимались вопросами классификации омонимов русского или западноевропейского языков. При этом многие лингвисты различают омонимы и омоформы. Омоформами считают совпадающие по звучанию несколько словоформ. Омонимами же – слова, совпадающие во всех присущих им формах. Этот подход связан с разграничением лексемы и словоформы. Такой классификации придерживаются В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, Е.М. Галкина-Федорук, А.А. Реформатский, Н.И. Супрун, Н.М. Шанский и другие.

Ряд ученых омоформы тоже причисляет к омонимам, подразделяя омонимы на полные и частичные (омоформы они рассматривают как частичные омонимы). Полные омонимы совпадают во всех формах словоизменения, частичные – в части форм. Для английского языка такая классификация впервые предложена А.И. Смирницким [151: 165]. Частичную омонимию рассматривают также В.В. Виноградов, А.Я. Шайкевич, Г.И. Рихтер и др. Так, И.С. Тышлер, опираясь на классификацию А.И. Смирницкого и В.В. Виноградова, выделяет омонимы полные, неполные и частичные, учитывая количество омонимичных словоформ (100%, более 50% или менее 50%) [166: 68].

Объединение омонимов в группы по соотношению их лексического и грамматического значений служит одним из важных принципов классификации, на который опирается большинство языковедов. На различие между лексической и лексико-грамматической омонимией указывал А.И. Смирницкий [151].

В последнее время в лингвистике появились такие термины, как функциональные и контекстуальные омонимы. Оказывается, что некоторые одинаковые группы омонимов получили у разных авторов неодинаковые названия, а разные по своим свойствам омонимы называются одинаковыми терминами. Так, одним термином "грамматическая омонимия" в работах лингвистов называются следующие явления:

- 1) омонимия грамматических форм одного и того же слова;
- 2) омонимия морфем и служебных слов;
- 3) омонимия слов, различающихся только своим грамматическим значением.

С другой стороны, одно и то же явление – конверсионная омонимия – называется в работах лингвистов по-разному. Разнобой в терминологии, связанный с классификацией омонимов, возможно, объясняется тем, что омонимия в разных языках имеет свои специфические черты. Так, для русского языка характерна омонимия производных слов. В английском же распространена в ос-

новном омонимия производных слов. С другой стороны, это объяснимо и неразработанностью теории омонимии. Указанный недостаток затрудняет не только сравнительно-типологические исследования омонимии, но иногда и усложняет задачу раскрытия сущности данного явления в рамках одного языка.

В 1971 году Л.В. Малаховский впервые поднял вопрос о сравнительно-типологическом исследовании омонимов на материале нескольких языков. В дальнейшем им же была предложена методика сравнительно-типологических исследований омонимии и разработаны некоторые принципы универсальной межъязыковой классификации омонимов. Исходя из определения омонимов по Ш. Балли как "двух знаков, имеющих тождественные означающие и разные означаемые", Л.В. Малаховский предлагает использовать для классификации омонимов любого языка (имея в виду только омонимию слов) четырехмерную матрицу, заимствованную им у И.В. Арнольд [20]. Эти принципы были использованы им при классификации омонимов английского языка.

Каковы же принципы универсальной классификации омонимов, предлагаемой Л.В. Малаховским? Матрица выглядит следующим образом [109: 67].

Она построена на четырех следующих принципах, каждый из которых имеет соответствующее буквенное обозначение.

1. Тождество или различие звучания: А или А
2. Тождество или различие написания: В или В
3. Тождество или различие инвариантов лексических значений: С или С.
4. Тождество или различие инвариантов грамматических значений: D или D.

Матрица 1

	A	A	<u>A</u>	<u>A</u>	
<u>C</u>	A <u>B</u> C D	A B C <u>D</u>	<u>A</u> B C D	<u>A</u> <u>B</u> C D	<u>D</u>
<u>C</u>	A <u>B</u> <u>C</u> D	A B <u>C</u> <u>D</u>	<u>A</u> <u>B</u> <u>C</u> D	<u>A</u> <u>B</u> <u>C</u> <u>D</u>	<u>D</u>
C	A <u>B</u> C D	A B C D	<u>A</u> B C D	<u>A</u> <u>B</u> C D	<u>D</u>
C	A <u>B</u> C D	A B C D	<u>A</u> B C D	<u>A</u> <u>B</u> C D	<u>D</u>
	<u>B</u>	B	B	<u>B</u>	

С помощью указанных признаков все возможные словесные пары языка могут быть разбиты на 16 типов, из которых, исходя из определения омонимов, принятого автором, омонимичными являются пары слов, включающих в себя одно из следующих сочетаний вышеуказанных признаков: AC, BC, AD и BD. Этим признакам соответствуют следующие классы матрицы: 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 10 и 11.

Л.В. Малаховский считает: "Полученные девять омонимичных классов представляют собой лишь потенцию языка, которая в разных языках может реализовываться по-разному. В одних языках могут быть представлены все классы, в других – отдельные классы могут отсутствовать, в некоторых языках количественно преобладают омонимы одних типов (или классов), в некоторых другие" [109: 66]. Этот способ классификации омонимов был использован авто-

ром при классификации омонимов английского языка, а также проверен на материале японского языка Г.И. Корчагиной [96] и на материале китайского языка А.А. Хаматовой [179].

Кроме универсальных классификаций, имеются работы, которые проводят классификации в узких рамках. Так, М.Г. Петренко в диссертации посвященной омографии, дает такую классификацию омографов:

- 1) лексические: *пРАвИло, харАктЕрный, пАрИть* и т.п.;
- 2) лексико-грамматические: *бЕлка, дОлга, бУрИ* и др.;
- 3) полиграфические: *смел – смёл, все – всё, надеж – надёж*;
- 4) парадигматические: *гОрода, сИнЕе, рЕкИ* и т.п.;
- 5) стилистические: *кОмпАс, дОбЫча, рЕчУшка* и др. [131]

Существующая генетическая классификация омонимов так же, как и классификация по другим признакам, принимается не всеми исследователями. Большинство ученых, признавая, что омонимами могут быть как слова разного происхождения, случайно совпавшие по звучанию на каком-то этапе развития языка, так и слова, восходящие к одному многозначному источнику, значения которого в современном языке разошлись настолько далеко, что воспринимаются как совершенно не связанные между собой слова, делит омонимы с генетической точки зрения на этимологические (исконные, или гетерогенные) и семантические (исторические, или гомогенные). Существование двух генетических типов омонимов признает большинство лингвистов. Меньшая часть лингвистов считает, что нельзя причислять к омонимам слова, восходящие к одному источнику, т.е. отрицает, что полисемия может быть источником омонимии. Такой точки зрения придерживаются В.И. Абаев, И.Е. Аничков, В.Н. Сидоров и другие.

Таким образом, единого подхода к классификации омонимов, как и единого понимания сути явления омонимии, в языкознании не существует. Разнобой наблюдается как в терминологии (одни и те же группы омонимов называются по-разному: лексико-морфологические и лексико-грамматические омонимы; омоформы и частичные омонимы и т.п.), так и в принципах выделения классов омонимии. Даже в классификации А.И. Смирницкого (считающейся лучшей среди традиционных) отмечены недостатки, не позволяющие использовать ее для омонимии конкретных языков (не учитываются различия между фонематическими и фонетическими омонимами, между "конверсионной" и другими видами "сложной частичной лексико-грамматической" омонимии).

Взросший интерес к проблеме омонимии привел к появлению множества новых классификаций. Все они, в основном, являются дополнениями и модификациями классификации А.И. Смирницкого, выделяющего 3 основных, конституирующих признака омонимов:

- 1) общность звучания (или общность формы);
- 2) различие значения (или общности содержания);
- 3) отнесение омонимов к словам или словоформам.

Классификации, построенные по этим признакам, считаются наиболее существенными и важными. Согласно первому признаку, все омонимы делятся на фонематические и фонетические. У фонематических омонимов состав фонем одного слова полностью совпадает с фонемным составом другого слова: *лук – лук; коса – коса* и т.п.

Фонетические омонимы (омофоны) представляют полное тождество друг с другом по звучанию при различии фонемного состава:

лиса – леса, труд – трут, луг – лук, рос – роз и др.

По признаку различия в значении все омонимы делятся на три неравные группы: лексические омонимы – *горн* (музыкальный инструмент) и *горн* (в кузнице); *жать* (жму) и *жать* (жну) и т.п.; грамматические – *березы* – род.п. ед.ч. и им.п., вин.п. мн.ч.; *нас* – род., вин. и предл. падежи; лексико-грамматические, которые делятся на простые, т.е. относящиеся к одной и той же части речи (*граф* – род.п. мн.ч. от *графа* и *граф* – им.п. ед.ч.), и сложные лексико-грамматические омонимы, т.е. относящиеся к разным частям речи (*дам* – гл. 1-го лица ед.ч. буд.вр. и *дам* – род.п. мн.ч. от *дама*). В зависимости от того, совпадают ли по звучанию отдельные формы разных слов или слова в совокупности всех своих форм, различают омонимы полные и частичные.

Существующие представления о типах омонимов наиболее полно отражены в классификации А.Я. Шайкевича [185]. Предлагаются и более многомерные классификации, основанные на большем количестве признаков. Так, вышеприведенная типологическая классификация А.В. Малаховского основана на 4-х гетерогенных признаках. Если суммировать известные классификации омонимии, то все они основаны на корреляции между формой (звуковой и графической) и содержанием лингвистического знака и представляют собой объединение и сопоставление разноплановых признаков. Но омонимия – прежде всего семантическое явление языка. Принадлежность к ней определяется разными значениями на одном из уровней, что требует, прежде всего, семантической классификации омонимов. До сих пор на различных этапах развития омонимической теории изучались сначала лексические, потом грамматические, а в последующее время и словообразовательные омонимы.

Подытоживая проделанную до нас исследовательскую работу по изучению омонимии, мы приходим к выводу, что существование определенного разнообразия во мнениях на омонимию (а), некоторые незатронутые ее аспекты: отсутствие работ по омонимии имен собственных, аббревиатур, слабую разработку омонимии на синтаксическом уровне (б) и отсутствие философски обоснованной концепции омонимии (в) – дают нам право попытаться, где это можно, свести разные взгляды воедино, получить новые данные и обобщения благодаря представлению омонимии через призму общей теории систем, а именно – через ее системные категории: изоморфизм/полиморфизм и симметрию/асимметрию. В работе мы будем опираться на несколько основных философских, общетеоретических лингвистических работ и исследований по смежным проблемам и на

свой собственный материал. Это избавит нас от излишних цитат и критики, так как критика существующих взглядов на язык и феномен языка в виде омонимии не является нашей прямой целью.

Наша задача состоит:

1) в создании логически, предметно и математически обоснованных классификаций;

2) в погружении в них материала, полученного в большинстве случаев методом сплошной выборки;

3) в исследовании и описании того материала, который ещё недостаточно изучен (омонимия в аббревиации, омонимы и имена собственные и т.п.);

4) в доказательстве связей омонимии и полисемии, омонимии и лингвистической изомерии, омонимии и словообразования, омонимии и словоизменения, омонимии и синтаксиса и других связей;

5) в доказательстве естественности омонимии как феномена, присущности этого свойства объектам другого рода, нелингвистическим, другими словами, системного изоморфизма.

Интерес представляет, прежде всего, выяснение степени отмеченности омонимии в тексте и принципы подачи омонимов в словарях разного типа. Эти вещи находятся в прямой связи.

1.3. Насыщенность текста омонимичными формами

Присутствие в каком-либо типе текстов омонимов, по мнению ряда исследователей, является помехой, затрудняющей восприятие информации. Л.В. Малаховский, обобщая работы по омонимии, предпринимает попытку трактовать омонимию более широко как фактор, приводящий к ухудшению кодовых свойств языка, и посвящает этому два параграфа своей монографии [109: 24-27].

Близкой к его мнению, но уже в связи концептов "омонимия:синонимия" на уровне модели "СМЫСЛ – ТЕКСТ", является трактовка омонимии в работе И.А. Мельчука: "В общем случае одному смыслу отвечает много несущих этот смысл текстов (синонимия), а одному тексту – много смыслов (омонимия)" [114: 31].

Эти положения достаточно полемичны. Во-первых, любой естественный язык за десятки тысяч лет своего существования и использования при появлении в нем чего-то мешающего мог бы избавиться от этой потенциальной помехи естественным путем – отсевом, отбором и т.п. Сравнение только глагольной системы современного русского языка со старославянским демонстрирует исчезновение супина, перфекта, плюсквамперфекта, изменение аориста и т.п. Омонимия же не только не исчезла, она увеличивается в количественных и качественных вариантах.

Второй момент. Для пишущего и говорящего, для читающего и слушающего степень омонимичности текста – различна, но разного рода контексты и внутренние средства языка-системы (ударение, к примеру), а также разнесенность омонимов по разным предметным областям (ср.: *хлопок* и *хлопок* и т.п. – экстралингвистический фактор), снимают остроту проблемы.

На наш взгляд, омонимия становится помехой коммуникации лишь при создании систем автоматического анализа текстов, реферирования, создания систем машинного перевода и других интеллектуальных систем. Но это уже совсем другой уровень коммуникации, он не закладывался как функция системы языка с момента его появления как информационно-регулирующей системы.

С другой стороны, омонимия создает определенные сложности того же типа, но при преподавании языка людям, владеющим качественно иной языковой системой. Так, пары языков "русский:польский" и "русский:английский" различны по степени близости систем, а значит, и омосистем.

И, конечно же, первым вопросом при анализе омонимии должно быть выяснение количественной насыщенности текста разными видами омонимов. Для определения того, насколько часто в художественном тексте отмечаются омонимические формы и лексические омонимы, был проведен эксперимент. В ходе его нами обработаны 10 страниц текста М. Булгакова "Мастер и Маргарита". Оказалось, что на 10-и страницах текста из общего количества в 2898 словоупотреблений (словоупотреблением считалась цепочка символов между двумя пробелами) отмечено 500 омонимичных словоформ, что составляет приблизительно 18% всего отрывка.

При анализе выяснилось, что, как и ожидалось, наибольшая грамматическая омонимия отмечается у существительных (по ОС их 56332), затем у прилагательных (по ОС их 24786) благодаря их объемам в словаре и тексте и развитым парадигмам. Глаголы (по ОС их 37319) внутри парадигмы омонимичны не настолько и не проявили межклассовых омонимичных свойств в анализируемом отрывке. Чаще в тексте встречается омонимия именительного и винительного падежей (180 случаев). Это закономерное явление: по данным словаря Э.А. Штейнфельдт именительный (33.6%) и винительный (19.5%) в сумме занимают почти 53 процента всех употреблений существительных [194: 52]. В тексте эта омонимия снимается, в основном, предлогами (так как именительный падеж не употребляется с предлогами), глагольным управлением и согласованием прилагательного с существительным, например: *...вернулся на балкон* – омонимия снимается управлением и предлогом *на*; *собирал совещание, утверждает приговор* – здесь омонимия снимается только управлением и *объяснение было странное* (глагол "быть" практически не сочетается с существительными в винительном падеже, за исключением существительных со значением времени или эллиптических конструкций – *Булочку будешь?* (есть)).

На втором месте находится омонимия родительного и винительного падежей, чаще всего она связана с одушевлённостью. Отмечено 65 случаев, что

также укладывается в данные Э.А. Штейнфельдт (родительный 24.6%) и винительный (19.5%) в сумме дают свыше 44 % всех употреблений. Снимается эта омонимия: а) предложениями, которые управляют или родительным, или винительным падежами; б) глагольным управлением и в) отрицанием (родительный падеж чаще употребляется с отрицанием, чем винительный).

Следующий тип – это омонимия дательного и предложного падежей (дательный до 5, предложный до 9 %). Комбинаторика остальных падежей менее омонимична.

Второй по количественному составу является омонимия прилагательных (176 случаев). Но здесь омонимия снимается согласованием прилагательного с существительным определенного рода в определенном падеже и числе.

Омонимия местоимений и несклоняемых местоименных прилагательных оказалась редкой (18 случаев) и снимается контекстом предложения.

Остальные омонимичные пересечения классов (частей речи), грамматических позиций и семантик на данном объеме отмечаются в единичных случаях.

Таблица 1

	1	2	3	4	5	6	7
	М.р.	Ж.р.	Ср.р.	Глагол	Имена собственные		
И.е.	пол	пола	поле		Поль	Поля	Пол
Р.е.	пола	полы	поля	поли	Поля	Поли	Пола
Д.е.	полу	поле	полю	полю	Полю	Поле	Полу
В.е.	пол	полу	поле		Поля	Полю	Пола
Т.е.	полом	полой	полем	полем	Подем	Полей	Полом
П.е.	Поле/у	поле	поле		Поле	Поле	Поле
И.мн.	полы	полы	поля				
Р.мн.	полов	пол	полей	полей			
Д.мн.	полам	полам	полям				
В.мн.	полы	полы	поля				
Т.мн.	полами	полами	полями				
П.мн.	полах	полах	полях				

Поскольку внутрипарадигматическая и межпарадигматическая внутриклассовая омонимия в количественном отношении проявила себя наиболее продуктивно (283 примера из 545 существительных), вкратце покажем потенцию омонимии на пересечении всего двух парадигм слов *пол* и *пола* (см. таблицу 1).

Ввод третьей парадигмы (слова *поле*), с которой пересекаются элементы первых двух, выводит нас далее на парадигмы глаголов *полоть* и *полить* и на имена собственные – *Поль*, *Поля* и *Пол*, и мы видим, как "уплотняется" и расширяется круг омонимичных форм. Неомонимичными остаются *полом*, *полов*, *полой*, но форма существительного *полов* уже создает омонимичную пару с деепричастием от глагола *полоть*, а форма *полом* совпадает с редким, но отмеченным в Обратном словаре словом *полом* от глагола *поломать*. При учете имен

собственных *полом* начинает совпадать с *Полом*, а сравнение с прилагательными дает омопару *полой* от *пола* и *полой* от *полый*.

Наличие в русском языке хорошо развитых парадигм у существительных, прилагательных, местоимений и глаголов делает проблему межпарадигматической омонимии предельно важной, так как мы убедились на примерах, что существуют своеобразные "узлы", связывающие парадигмы как одного, так и разных классов. Естественно, что в языках с меньшей развитостью грамматической аффиксации такой тип омонимов будет встречаться реже, уступая первенство лексической омонимии.

Это должно настраивать исследователя омонимии русского языка на достаточно надежный текстовый материал. С этой целью мы расширили объем эксперимента и взяли уже пять разных авторов (по 16 полных произвольно взятых страниц). Этим мы устранили возможность случайности тенденции, описанной выше на тексте М. Булгакова. Сплошная выборка на общем объеме около 23 тысяч словоупотреблений выявила 7303 омонимичных формы. Подтвердилась общая количественная тенденция: при увеличении объема выборки в 10 раз число отмеченных омонимичных слов возросло почти в 15 раз.

Качественные распределения (части речи и совпадающие грамматические позиции) также сходны с вышеописанными. Чаще всего отмечена омонимия форм прилагательных (родительный, дательный, творительный, предложный – у прилагательных женского рода) и существительных (именительный: винительный и родительный:винительный). Эти совпадения отмечены в количествах, превышающих 100 примеров. Остальные совпадения отмечаются уже меньше, доходя до единичных.

1.4. Проблема подачи полисемии и омонимии в современных толковых словарях

Другим источником омонимов для анализа служат различного рода словари: специальные – «Словарь омонимов современного русского языка» О.С. Ахмановой [25], «Словарь омонимов русского языка» Н.П. Колесникова [90] и толковые словари, фиксирующие как чисто омонимичные слова, так и разошедшуюся полисемию.

Проблема толкования слов в качестве омонимичных в больших по объему словарях привлекает интерес тем, что позволяет обнаружить две диалектически объединяемые категории – общее и специфическое.

Рассмотрим «Обратный словарь русского языка». В него вошли с количественными пометами значений (что предельно важно для нас) 4 наиважнейших словаря разных периодов: «Толковый словарь русского языка» в 4-х томах под редакцией Д.Н. Ушакова [1935 – 1940, код У]; «Словарь русского языка», составленный С.И. Ожеговым [1960, код О]; «Словарь русского языка» АН СССР

в 4-х томах [1957-1961, код М]; «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР в 17 томах [1948-1964, код Б].

На сегодня данные «Обратного словаря» являются наиболее полными, охватывающими почти сорокалетний период бытования русского языка. Мы будем их анализировать в последовательности БУОМ – Большой (Б), Ушакова (У), Ожегова (О) и Малый (М), следуя кодировкам Обратного словаря.

В создании этих словарей принимали участие как большие творческие коллективы, так и отдельные авторы. И здесь, естественно, объективизм и субъективизм авторов и даже авторских коллективов не мог не отразиться при отнесении какого-то слова к омонимам (см. таблицу 2).

Таблица 2

Словари	1 2 3 4	Количество			
		Подсистемы	Сущ.	глагол	Прил.
1	+ + + +	183	181	33	397
2	+ + - +	118	274	30	422
3	+ - + +	49	64	15	128
4	- + + +	9	20	5	34
5	- + + +	1	7	2	10
6	+ - - +	154	216	32	402
7	+ + - -	77	91	18	186
8	- - + +	38	37	7	82
9	+ - + -	18	32	3	53
10	- + - +	17	34	5	56
11	- + + -	7	4	4	15
12	+ - - -	527	520	109	1156
13	- + - -	119	100	24	243
14	- - + -	156	154	31	341
15	- - - +	83	143	25	251
16	- - - -	Омонимы отсутствуют			

При 4-х исходных системах (словари-источники) теоретически возможны пятнадцать подсистем как 15 точек зрения общих и специфических, объединенных при этом в целостную систему. Целостность же немислима только на единстве или только на противоположностях, она всегда диалектически связывает то, что мы разрываем нашим сознанием для детального описания.

Поэтому ничуть не странно, что система оказалась полной – в ней все 15 подсистем реально наполнены. Даже подсистема с 4-мя минусами, представляющая те слова, которые уже используются в обиходе, но пока не вошли в словари в силу чисто временного фактора (сбор материала и издание словарей – трудоемкое занятие).

Не меньший интерес представляют и числовые параметры общности и различий. На уровне количества подсистем отмечается преобладание общности

над спецификой: 11 подсистем сходств (от 4-х плюсов до 2-х) и 4 подсистемы различий.

Среди 15-и подсистем целого словаря можно выделить 4 зоны: зона 1 – полной общности, или тождественного толкования (1 подсистема), зона 2 – область градационной общности от трех до двух пересечений (включает подсистемы 2 – 11) и зона 3 – зона специфики, включает 4 подсистемы (12-15).

Зона 1 в виде подсистемы 1 показывает степень идеального совпадения точек зрения авторов всех словарей на 183 существительных, 181 глагол и 33 прилагательных, или в сумме на 397 слов словаря объемом около 125 тысяч слов. Процент полного единства мнений составляет около 0,3%! При этом приблизительно равны количества существительных и глаголов, таких, как: *акция, бабка, судно, такса, хлыст; бродить, жать, чертить, настояться, сдаться* и им подобных.

Зона 2 (подсистемы 2 – 5) представляет преобладание общности над разницей мнений: три совпадают при отказе четвертого признать слово омонимом. Суммарные данные здесь выше, чем в зоне полного единства, но отмечается чуть не вдвое больший перевес в сторону глагольных совпадений. Комбинаторика БУМ довлеет количественно над комбинаториками БОМ, УОМ, БУО, содержащими дважды Б, У и М и трижды О, указывающими, что Ожеговский словарь чаще вступает в противоречие с остальными.

Зона 3 (подсистемы 6 – 11) – это зона равновесия плюсов и минусов, в ней БМ и БУ в сумме преобладают над ОМ, БО, УМ и УО (О – 3, М – 2, У – 2, Б – 1). Здесь возрастает количество существительных и глаголов, и суммарно это самое большое сходство – 794 слова, но лишь попарное.

Зона 4 включает специфику точек зрения (несходства) и представлена подсистемами 12, 13, 14 и 15. Из таблицы явно следует преобладание специфического (особого) толкования омонимии и полисемии Большим словарем, после него идет словарь Ожегова, Малый и Ушакова. В количественном выражении зона специфического толкования суммарно выше количества совпадающих толкований, в отдельности – выше по существительным и чуть ниже по глаголам [Полный список см. Приложение 2].

Наиболее часто расхождения в точках зрения отмечаются в отношении служебных слов. Для иллюстрации приведем лишь малую часть различных определений:

- разве* – БОМ частица, У наречие, УОМ союз
- вроде* – БУОМ предлог, ОМ частица
- тоже* – БУОМ наречие и частица, Б союз
- уже* – БУОМ наречие, БУМ частица
- едва* – БУОМ наречие, БОМ союз
- легато* – БУМ наречие, Б существительное среднего рода
- как-то* – БУОМ наречие, Б частица
- так-то* – У наречие и частица

чисто – УМ наречие, У союз

просто – БУОМ наречие, БУО частица

пусто – Б существительное среднего рода, М наречие

нешто – БМ частица, У наречие

добро – О частица, БУМ наречие, БУО союз

решиительно – УМ наречие, О частица

относительно – БУМ наречие, БОМ предлог

точно – БУОМ наречие и союз, УОМ частица

На наш взгляд, эта ситуация показывает острую необходимость разработки формальных критериев для классификации служебных слов.

Мы не имеем возможности глубже затрагивать эти проблемы, в нашу задачу входило лишь вскрыть ряд характерных системных особенностей подачи материала и показать их с количественной и качественной стороны.

1.5. Представление омонимов в словарях омонимов

Представляет интерес рассмотреть трактовку омонимов и количественные пропорции омонимов относительно трех частей речи уже в специальном – предметном словаре, представляющем лишь омонимы в их типах и подтипах. Для такого анализа мы взяли словари омонимов О.С. Ахмановой и Н.П. Колесникова.

Сопоставим количественные данные Обратного словаря с данными словарей омонимов, сведя их в таблицу 3.

Таблица 3

	Глаг.	Сущ.	Прил.	всего
БУОМ	1877	1556	343	3776
Ахманова	1400	750	150	2300
(приложение)	81	27	4	112
Колесников	1599	1273	353	3225

Разница, как видим из сопоставления, отмечается по всем частям речи во всех трех источниках. При этом наибольшее число омонимов отмечено в БУОМ. В словаре О.С. Ахмановой в отдельное приложение вынесены слова, различающиеся ударением: *кАпЕльный*; *бАкАн*, *зАмОк*; *ворОнИть*, *напАдАть*, *утОнАть*; смешанные типы – *вОльнО* (2 случая); *пОчЕсть*, *прОнАсть* (3 случая). Также отдельным приложением приводятся 137 омонимичных прилагательных и существительных (субстантивов): *подчиненный*, *рассыльный*, *голодный*, *мировой*, *любимый* и т.п. (68 м.р.); *дарственная*, *детская*, *литейная*, *старая*, *чайная* и т.п. (20 ж.р.); *худшее*, *сладкое*, *парадное*, *ночное*, *грядущее*, *горячее*, *будущее* (28 с.р.); *авторские*, *премиальные*, *комиссионные* (20 мн.ч.).

Эти данные также расходятся с данными Обратного словаря, где отмечено 578 субстантивированных прилагательных и причастий: 99 м.р., 98 ж.р., 31 с.р., 21 мн.ч.

Еще одно приложение содержит краткие прилагательные (246 единиц), омонимичные наречиям: *безвыходно, выпукло, гуманно, неуважительно, слепо* (106 случаев) – и краткие прилагательные, омонимичные одновременно наречиям и безличным предикативам: *чудно, опасно, жестко, бессовестно* (103 случая). Остальные 37 случаев приходятся на омонимию частиц, предлогов, союзов, вводных слов в комбинаторике с наречием и кратким прилагательным. Число их от 4 до 1 случая на 17 разных мелких подтипов, например: *точно* (кр. прил.: нареч.:союз:частица:вводное слово).

Отметим, что в анализируемых словарях омонимов отсутствует множество слов, уже давно вошедших в повседневный обиход, таких, как: *венка, венец, кар, кроль, лихач, папочка, рубец, синька* (переснятый чертеж), *табун* (отравляющее вещество), *чек* (рисовый) – и еще ряд очевидных омонимов. Говоря о неполноте источников, мы подчеркиваем лишь то, что это объективное качество любых материальных объектов в отличие от теоретической полноты.

Отметим, что с точки зрения семантики возможных миров в приложении к омонимии реализовались системно многие глагольные потенциальные пары типа: *винил, пропил, метил* (можно надеяться на системное пополнение), *нарвал, ужал* и т.п. Более того, беглый анализ омонимов-аббревиатур показывает, что могут стать реальностью такие слова, как *КЕД = кошачья единица действия...*

На наш взгляд, в словари омонимов следует включать еще несколько явных омонимических типов слов, в их числе:

- а) группу притяжательных прилагательных – *отцов, дедов, купцов* и т.п. (90 единиц);
- б) группу существительных общего рода – *плакса, неряха, дылда* и т.п. (597, включая наш собственный материал);
- в) группу неизменяемых слов – *атташе, пальто, суахили* и т.п., представляющих полную омонимию всех словоформ, слитых в одной. Их, по нашим подсчетам, 541 единица.

Общие выводы данной главы, носящей обзорно-аналитический характер, можно резюмировать в следующем виде.

Проведенный анализ убедительно показал следующие особенности современной лексикографии, а через нее – и омонимии как проблемы, нас интересующей:

- 1) насыщенность художественного текста омонимичными словоформами, как мы это показали в первом разделе, велика. Из этого следует, что при анализе надежной опорой могут быть имеющиеся словарные данные и текстовой материал;

2) существующие источники, при всей их авторитетности, не могут служить надежной базой для толкования омонимии, так как из 3776 слов, в которых усматривается омонимия, 1991 слово (что больше 50 процентов) относится к специфике, т.е. в одном словаре они относятся к омонимам, а в трех других не относятся. Всего 397 слов (около 10 % от всех омонимов и 0,3% от состава словаря) признаются омонимами всеми словарями; 1785 слов (менее 50 %) признаются омонимами одними источниками и не признаются таковыми другими. По существительным-омонимам преобладает специфика отнесения, по глаголам – небольшое преобладание общности. Суммарно же специфика преобладает над общностью толкований.

Мы привели данные только относительно 3-х наиболее простых классов слов: существительных, глаголов и прилагательных. На что опираться в трактовке омонимии учителю школы и даже лингвисту, когда высококвалифицированные составители словарей не едины в своих точках зрения?;

3) данная ситуация вскрывает всю сложность проблемы омонимии и насущную нужду в формализации самого явления омонимии на базе некоторого более общего принципа, чтобы избежать существующего разнобоя. Это придает исследованию актуальность, так как вопрос формализации омонимии с помощью единых классификаций для нас является первоочередным;

4) создание большей, чем имеется на сегодня, фактографической базы также становится задачей дня. Поэтому многие материалы, бегло описанные в работе, вынесены в Приложения. Это дает возможность и далее углублять работу нам и всем, кто пожелает ими воспользоваться;

5) все выявленные при анализе двух разных типов словарей (толковые и словари омонимов) количественные и качественные несоответствия и расхождения показывают многоаспектность и сложность проблемы омонимии и требуют углубленного системного анализа.

В следующей главе мы намерены доказывать системность омонимии как явления и омонимизации как процесса.

ГЛАВА 2. ОМОНИМИЯ КАК СИСТЕМНОЕ ЯВЛЕНИЕ

2.1. Общие предпосылки. Полнота/неполнота лингвистического универсума

Перед тем как перейти к предметному рассмотрению омонимии как языкового явления (хотя мы докажем, что это явление не столько языковое, сколько общесистемное), мы сочли возможным и необходимым вкратце остановиться на некоторых важных для всей работы концептуальных понятиях.

Следуя системному подходу, мы различаем: а) объект-систему как единственный отдельный объект (словоформу); б) объект-систему в системе объектов одного и того же рода (парадигму, корневое гнездо); в) систему объектов одного и того же рода (часть речи как множество парадигм) и г) объекты-системы разного рода (разные части речи).

Размерность систем типа "б" и "в" (объем множеств) вынуждают нас говорить о категориях полноты/неполноты систем любого рода. К этому же нас приводит множественность и разнообразие свойств, отношений, категорий и т.п. Необходимость такого подхода доказана в работе А.В. Лаврененко при рассмотрении языковых явлений на всех уровнях языка-системы [100].

В связи с этой необходимостью отметим, что при описании или исследовании любых систем категория полноты представляет идеал. Полнота теоретического уровня является абсолютной, так как при исчерпывающем списке признаков или свойств некоторых элементов описания мы можем построить конечную систему. Реальное же наполнение таких конечных систем может быть только относительным, т.е. неполным.

Относительную полноту системы лексики легко показать на примере той же омонимии. Лет 30 тому назад слово *пион* (цветок) не было лексическим омонимом при наличии грамматической омонимии (им. и вин. падежи в единственном и множественном числе). Затем, когда физики ввели в обиход термин *пи-мезон*, а затем *пион* как обозначение любых пи-мезонов, в системе русского языка появился новый лексико-грамматический омоним. Этот пример позволяет выдвинуть гипотезу о том, что словообразование увеличивает плотность омонимии в системе при полном совпадении двух парадигм. Заимствованное слово не приобретает или приобретает парадигму (вводится в оборот словоизменения). Здесь можно предположить, что одна из форм новой парадигмы может стать омонимичной с уже существующей в системе языка неомонимичной формой. Покажем это на примере заимствованной лексемы *сель* (каменегрязевой поток). При введении слова в обиход уже как омонимичного (формы им. и вин. падежей в ед. и мн. числе) оно увеличило омонимию системы еще на формы *селИ* (сесть:сель) и формы *сЕли* и *селИ*, *сЕлю* и *селЮ* (сель:селить). Другими словами, плотность омонимичных совпадений возросла количественно и качественно, увеличив лексико-грамматическую омонимию. Явно видно, что

неполнота систем имеет возможности уменьшаться и становится большей полнотой, но не достигает абсолюта.

Нельзя здесь не учитывать и то, что Ю.К. Лекомцев называет "прагматическими ограничениями объекта" в виде ограничений целевыми установками, знаниями исследователя и рядом других ограничивающих полноту факторов [102: 4-5]. Если исследователь не знает слова *нарвал* (морское млекопитающее семейства дельфиновых) или указанного выше *пион* (пи-мезон), он уже может потерять 2 омонимичных представления. Можно предполагать, что тысячи таких узлов будут завязаны при создании единой системы данных русского языка в виде Машинного фонда и его составляющих [112]. Тогда можно было бы решить проблему с полнотой, приближающейся к абсолютной. Компьютер приведет по программе, связанной с симметрично-асимметричными представлениями, к картине всех пересечений (совпадений, наложений) форм слов.

Первой причиной неполноты является объективная реальность: мы не можем сказать, что мир нами познан полностью. Динамическая открытая система всегда находится в развитии, изменяется. Появляются новые элементы, новые структуры, возникают новые отношения, равно как и обратное – выход элементов из системы и в связи с этим утрата отношений.

Второй причиной неполноты является субъективизм того или иного исследователя, если он не пользуется существующим полным списком лингвистических категорий, уровней, списками словоформ и т.п., если это сокращение в некоторых целях не оговаривается специально.

Таким образом, в согласии с общей теорией систем Ю.А. Урманцева (далее везде ОТСУ) использование системного метода позволяет говорить о том:

- 1) что должно быть в системе;
- 2) чего не может быть в системе;
- 3) что может быть в системе [172: 130].

Это и есть в чётком виде своеобразные постулаты полноты и неполноты системного характера.

Теперь краткое замечание об омонимии и системе. По мнению ряда исследователей, омонимия является случайным, несистемным явлением. Так, А.И. Абаев наиболее категоричен в своём отрицании системности омонимии. По его словам, "омонимия никакого отношения к системе не имеет" [1: 73]. Подобные высказывания показывают, что у авторов нет чёткого представления о том, что такое система. Л.В. Малаховский, рассуждая о системности выделяемых им омогрупп, отказывает им в возможности представлять омонимику как систему. Отталкиваясь от положения А.И. Смирницкого о том, что совокупность синонимов языка не образует "реальной группы, частной лексической системы языка", он приходит к заключению, что и "совокупность омонимов языка единой системы не образует" [109: 208]. Это явный парадокс. В ОТСУ доказывается, что любой объект – системен.

В системе языка существуют словоформы, являющиеся элементами той или иной парадигмы (или представляющие непарадигматические элементы системы – предлоги, союзы и т.п.). Множество парадигм представляет систему иного уровня – часть речи как систему уже иного рода. Внутри парадигмы как системы своего рода существует (не существует) омонимия как совпадение форм при несовпадении значений. Аналогичные совпадения/несовпадения отмечаются на межпарадигматическом уровне в двух видах: между парадигмами одной части речи и между парадигмами разных частей речи. Множества таких совпадений и представляют систему омонимии как особой разновидности отношений.

Более того, создание этих отношений и поддержание их существования в системе связано системой словообразования, системой акцентуации и другими системными факторами. Как же при всей этой системности омонимика не может быть системой? Причиной подобных высказываний, на наш взгляд, является отсутствие обобщающего логически и терминологически непротиворечивого определения омонимии. Оно будет доказано в разделе 2.2.1.

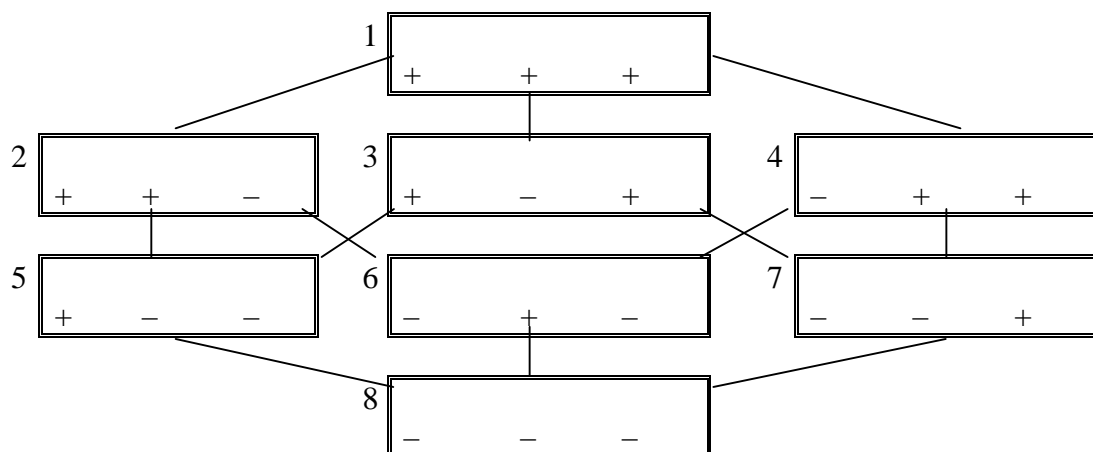
2.1.1. Аппарат представления материала и анализа

Первому постулату необходима поддержка, чтобы избежать субъективизма при описании. Такую поддержку оказывают структуры представления данных в виде графов, или n-мерных единичных кубов [106: 9], или "плюс-минусовых" и "числовых" кубов: двухмерные, двухпризнаковые – квартеты; трехмерные, трехпризнаковые – октеты [80]. Их классифицирующие и прогностические возможности прекрасно зарекомендовали себя в самых разных предметных областях – от кибернетики и математики до генетики и лингвистики.

Опишем вкратце эти структуры и их возможности, так как на протяжении всей работы они будут активно использоваться для различного рода классификаций и доказательств системности.

Любая вершина куба (нумерация вершин будет постоянной на протяжении всей работы) представляет отдельную подсистему целостной системы. В плюс-минусовом выражении она может быть своеобразным абстрактным эталоном подсистемы, что следует понимать так, что вместо плюсов могут стоять какие-то конкретные признаки некоторых языковых единиц, допустим, род, число, падеж и др. Другим значением вершины будет то, что она служит своего рода вместилищем определенной языковой информации, нишей, наполненной конкретным материалом. Поэтому в работе термины "подсистема" и "ниша" будут использоваться как синонимы.

Рис. 2.1. Плюс-минусовой куб

Рассмотренная отдельно как вместилище некоторой информации, подсистема куба будет целостной системой своего рода и может, в свою очередь, декомпозироваться (разлагаться, разбираться) на собственные подсистемы.

Таким образом, через такую структуру сразу же закладывается важнейший диалектический принцип объединения разного в единое и представления единого как разного.

Плюс-минусовые кубы используются при классификации симметрично-асимметричных структур, где плюс показывает сохранение признака или его наличие, а минус несохранение или его отсутствие, что и соответствует симметрии и асимметрии. Здесь важен и количественный аспект: если мы строим классификацию на 3-х признаках, мы заведомо знаем, что теоретически возможное число подсистем целостной системы будет равно 8-ми и только 8-ми. При увеличении числа признаков до 4-х мы знаем, что число возможных подсистем будет равно 16, при 5-ти – 32 и т.д. Это и дает право говорить о том, что должно быть в системе в количественном и качественном отношениях.

При погружении конкретного материала в такую структуру как классификацию мы четко видим, что есть в исследуемом явлении-системе, и видим неполноту заполнения подсистем в виде пустот. Анализ лакун, никак не заполняющихся материалом при увеличении его объема, свидетельствует о том, чего не может быть в системе. Связи подсистем ребрами куба указывают пути поиска причин незаполнения и приводят к достаточно точной интерпретации запрета или причин не взаимодействия языковых элементов конкретного уровня.

Еще одним важным достоинством такой структуры является ее связь с теорией вероятности. Так, данная система состоит из 4-х макросостояний, показывающих различную степень сохранения некоторых признаков или совпадения по некоторым признакам.

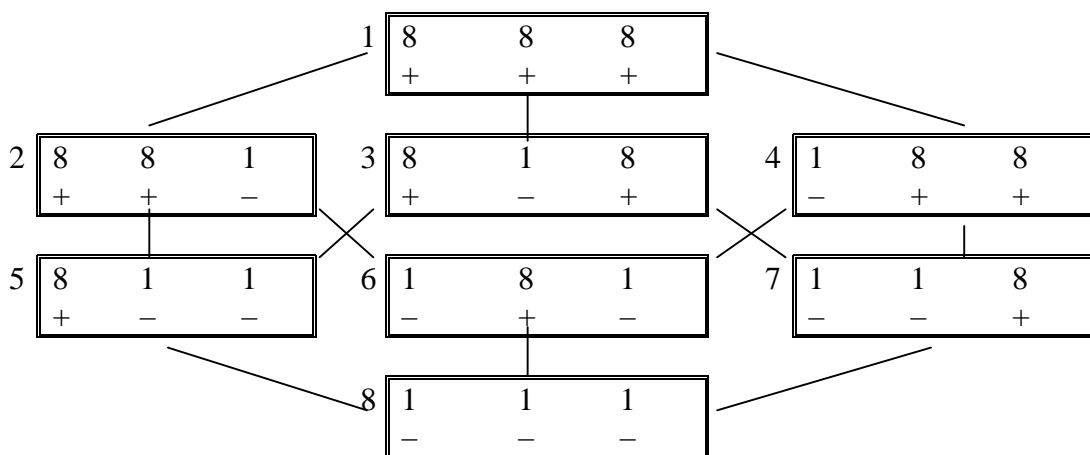
1	2	3	4
---	---	---	---

	+ + -	+ - -	
	+ - +	- + -	
+ + +	- + +	- - +	- - -

Первый вид включает подсистему 1 и имеет одно макросостояние, которое является и микросостоянием, аналогично и 4-й вид, включающий подсистему 8. Второй вид состоит уже из 3-х микросостояний, показывающих меньшую степень сохранения признаков. Третий вид также имеет 3 микросостояния с еще меньшим сохранением. Все это связывается с таким важным свойством, как большая информативность асимметрии по сравнению с симметрией и с легкостью тиражирования (мультиплицирования) симметричных объектов [см. 98: 256-267, 80: 203-217].

Вероятности макросостояний и микросостояний могут сопоставляться по отдельности и суммарно в нужных целях. Заполнение подсистем с размерами большими, чем вероятностное ожидание, или меньшими, или вообще незаполнение подсистем служит для исследователя точным указанием найденного противоречия, что является предельно важным при анализе.

Рис. 2.2. Числовой куб

Числовой куб хорошо иллюстрирует динамику системы (условный прогресс при переходе, допустим, нечетности (111) в четность (888), или условный регресс при обратном переходе). Так, все движения сверху-влево-вниз на кубе имеют разницу в 7 единиц, все движения сверху-вниз имеют разницу уже в 70, и все движения сверху-вправо-вниз выражаются числом 700, что говорит о:

1. неравнозначности переходов в качественном выражении на основании количественных данных;
2. изоморфизме изменений-переходов четверками в связи с тремя направлениями.

Такие изменения-переходы показывают развитие системы и пути развития. Так, начав с подсистемы 8, мы можем достичь вершины развития подсистемы 1

только 6-ю путями: 8-5-2-1, 8-5-3-1, 8-6-2-1, 8-6-4-1, 8-7-3-1 и 8-7-4-1. А это ещё один важный аргумент "за" при использовании таких структур.

Аналогично и в плюс-минусовом кубе эти изменения и движение можно при детализации указывать стрелками. Это очень важный момент при представлении языковой информации.

Оба куба изоморфны друг другу как структуры и отличаются друг от друга степенью абстракции: плюс-минусовой куб более абстрактная структура, каждый плюс может представлять самое разное количество конкретных признаков (род, число, лицо т.п.).

Благодаря симметрично-асимметричной основе и абстрактности кубы дали возможность доказать системный изоморфизм лингвистического и генетического кода, а затем генетического и барионного кода [см. 80, 81].

В главе 1 при представлении омонимов четырьмя словарями мы уже успешно использовали матрицу четырехмерного плюс-минусового куба для доказательства общности и специфики толкования омонимов разными толковыми словарями.

Еще одной структурой с большой разрешающей возможностью являются симметрично-асимметричные матрицы, включающие как декартово произведение, так и другие прямоугольные матрицы.

Простейшая симметрично-асимметричная матрица строится так, что данные первого столбца и первой строки являются одинаковыми, а внутри матрицы будут результаты взаимодействия подсистем, указанных в первой строке и первом столбце.

Матрица 2. Декартова матрица

	Им. п.	Род. п.	Дат. п.	Вин. п.	Твор. п.	Предл. п.
Им. п.	+	+	+	+	+	+
Род. п.		+	+	+	+	+
Дат. п.			+	+	+	+
Вин. п.				+	+	+
Твор. п.					+	+
Предл. п.						+

В такой матрице можно рассмотреть омонимию как внутри одинаковых, так и разных частей речи, например: могут ли быть омонимами два именительных падежа одной парадигмы при противопоставлении единственного и множественного числа существительных одинаковых и разных? И получать одинаковые (+) или разные (-) результаты. А два родительных? Тоже да/нет. Вся диагональ симметрична относительно признаков, и такие слова, как ФИНКА "национальность" и ФИНКА "нож", будут ее заполнять.

При значимом порядке взаимодействий будем иметь 36 подсистем (значимость может иметь характер оппозиций типа "свое: заимствованное", "более

позднее слово: древнее слово" и т.п.). Если это для анализа не имеет значения, матрица может быть треугольной и состоять из 21 подсистемы совпадений по падежу без учета рода и числа ($6 * 6 = 36$. Из 36 вычитается 6 диагональных клеток, так как нас не интересует порядок сопоставления слов. Остаётся 30. $30:2 = 15$. Получаем 15 в левой половине и 15 в правой. $15 + 6$ диагональных = 21).

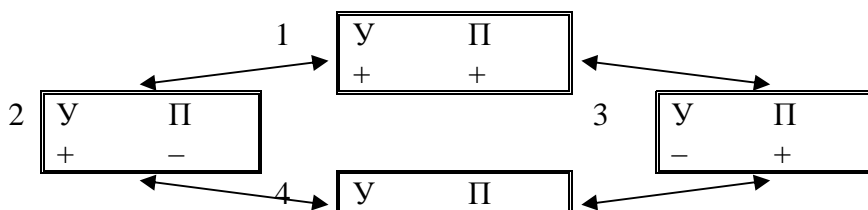
И последнее: работая с языковым материалом, мы с необходимостью связываемся с теорией множеств, так как будем практически постоянно иметь дело именно с ними – множество классов слов в виде частей речи, множество грамматических позиций, обусловленных тем или иным классом, множество корневых матриц. А теория множеств, по П.С. Александрову, связана с аксиомами эквивалентности в виде свойств симметрии, транзитивности и рефлексивности [9: 15-17]. Симметрия форм (совпадение) двух слов по написанию или звучанию и асимметрия содержания (лексического, грамматического, лексико-грамматического) и представляют в общем виде феномен омонимии.

2.1.2. Установление объекта анализа и описания

Вторым важнейшим моментом после описания аппарата анализа является четкое установление объекта анализа. Разделяя и развивая в своем направлении (омонимия) общую концепцию научного руководителя о языке-системе, мы считаем, что исследуем речемыслительную деятельность. Это объект. Но так как эту деятельность как процесс, при котором используется инструмент в виде языка-системы, практически невозможно изучать во время его протекания, мы изучаем систему, выведенную из продукта – множества текстов. Именно эту систему мы называем языком. Речемыслительная деятельность имеет два основных проявления: это устная и письменная формы использования языка.

Введем два признака в виде проявления двух форм речемыслительной деятельности. Этим термином мы пользуемся так же, как синонимом к термину "языковая деятельность", считая первый более точным, потому что он связывает языковую деятельность с мышлением, что, на наш взгляд, крайне важно. Такими признаками являются: устная манифестация использования языка-системы (У) и его письменная форма (П). Теперь есть возможность определить объект нашего анализа. Два признака создают двухмерный плюс-минусовой куб в виде четырех подсистем (квартет).

Рис. 2.3. Система манифестации языка

Подсистема 1 представляет интегративную систему, содержащую проявления двух форм – устной и письменной. Это может быть *"и-" система*, понимаемая как устная форма и письменная форма как отдельности в рамках интегративной системы, но может быть *"в-" система*, понимаемая как "устная форма, присутствующая в письменной". Такое диалектическое раздвоение единого логически непротиворечиво. Примерами проявления такой системы могут быть фонетические и орфографические ошибки в письменной речи, когда пишется то, что звучит, а не то, что должно быть: ремарки автора в тексте пьесы; сочетание авторской речи и диалога в тексте и некоторые другие варианты.

Подсистема 2 представляет устную форму использования языка. По сравнению с письменной формой она в определенном отношении обладает большей спецификой (фонетика, синтаксис).

Подсистема 3 представляет письменную форму проявления речемыслительной деятельности. Мы говорим о разновидностях именно речемыслительной деятельности потому, что считаем, что при "чистом" мышлении мы практически не обходимся без языка, формирующего мысль, выражаемую словесно.

Подсистема 4 по данным признакам пуста. Значит ли это, что мы имеем дело с нуль-системой? Такие системы предполагаются в рамках ОТСУ, и лингвисты уже давно и иногда успешно пользуются категорией лингвистического нуля, сошлемся хотя бы на работы только одного автора [см. 102, 103]. Более того, по мнению Ю.К. Лекомцева, "Понятие лингвистического нуля сложнее и неопределеннее понятия математического нуля" [102: 160]. На наш взгляд, эту подсистему с двумя минусами может представлять еще одна форма речемыслительной деятельности, а именно, – язык жестов. Таким образом, мы можем уверенно говорить о том, что язык как полная система проявления форм существования при двух заданных признаках состоит из четырех подсистем.

Мы основательно исследуем в своей работе только подсистему 3 и связанную с ней ребром подсистему 1, обращаясь в ряде случаев к другим подсистемам исключительно как к фону. Отметим только, что язык жестов, так же, как и естественный язык, может иметь омонимы: один и тот же жест может обозначать разные ситуации. Так, у турок и болгар кивание головой (как знак согласия/несогласия) отличается значением от подобного жеста у других славян; у нас большой палец, поднятый вверх, при сжатом кулаке означает "хорошо", "порядок", а у англичан и американцев это неприличный жест. Жестикуляция как информационная система своего рода у каждого народа имеет общность и свою специфику.

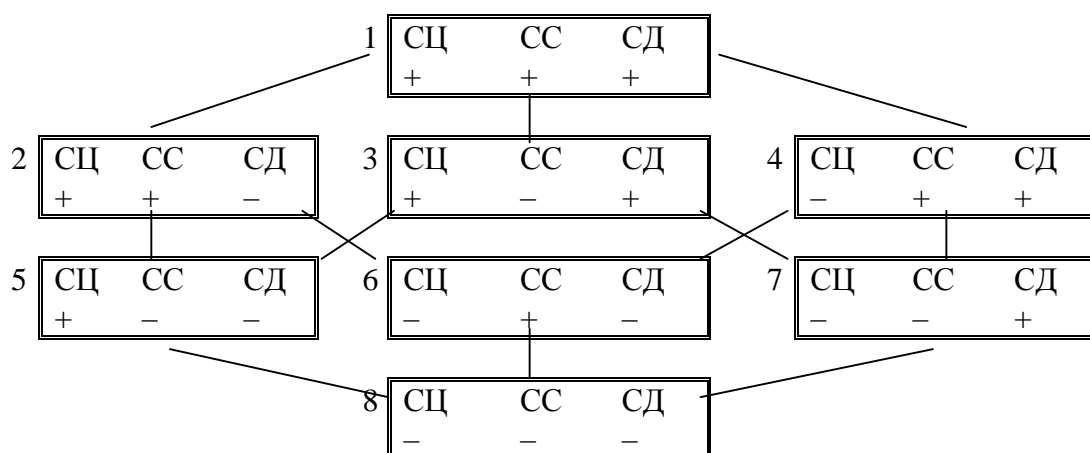
Таким образом, в анализе мы будем опираться на данные письменных текстов и словарей.

2.2. Концептуальное поле омонимии

Принципиально важным моментом анализа является проблема выяснения концептуального поля омонимии. Так, автор монографии "Теория лексической и грамматической омонимии", тщательно изучивший ранее созданные работы по омонимии (что видно из его первых публикаций 1966 года до цитируемой работы 1990 года) и аккумулировавший весь положительный опыт в своем труде на базе английского языка, считает, что "Из признания универсальности омонимии следует, что омонимия не может рассматриваться как "дефект" или "болезнь" языка, а представляет собой одно из его фундаментальных свойств, которое должно приниматься во внимание во всех теоретических концепциях языкознания, а также при решении различных прикладных задач" [109: 15]. Это первое серьёзное заявление о том, что омонимия – естественный феномен.

Мы разделяем его позицию по поводу "бездефектности" и фундаментальности омонимии как свойства, но не согласны с тем, что это свойство лишь языка/языков. Это узкое понимание омонимии.

Рис. 2.4. Система поведенческого акта

Для построения концептуального поля омонимии воспользуемся графом, доказывающим системность поведенческого акта [80: 231 – 238]. Модернизируем его добавлением к каждому элементу кода Ц – цель, С – средства, Д – действия еще одной кодировки – С – системная/ый/ые. Подсистема 5 представляет нашу цель – системное, всестороннее исследование омонимии как явления и омонимизации как процесса.

Подсистема 6 должна представлять системные средства.

Подсистема 7 должна представлять системные действия.

Подсистема 2 – интегрированные цели и средства.

Подсистема 3 – интегрированные цели и действия.

Подсистема 4 – интегрированные средства и действия.

Подсистема 1 должна интегрировать цели, средства и действия все под системным требованием, т.е. это системный идеал.

Подсистема 8 должна представлять системный результат. По кодам это не цель, не средство, не действие, но ребрами куба эта ниша связана с ними. При рассогласовании результат корректирует цели, средства и действия по отдельности или в комбинаторике. Мы начинаем от подсистемы 8 как от результата предыдущего анализа омонимии, который нас в ряде позиций не устраивает. И хотим изменить методы анализа и действия, сделав их по мере сил более системными.

Теперь мы можем вернуться к построению концептуального поля омонимии, связывая воедино две изоморфные системы. Частично это изложено в работе [62: 427-428].

Омонимия как языковое явление связана, прежде всего, с понятиями формы и содержания. Формой занимаются грамматика, фонетика, морфология, а содержанием – лексикология. Поэтому мы говорим о двух концепциях чисто лингвистического плана, представленных в традиционном и нетрадиционном подходах, или о лингвистической концептуальной компоненте.

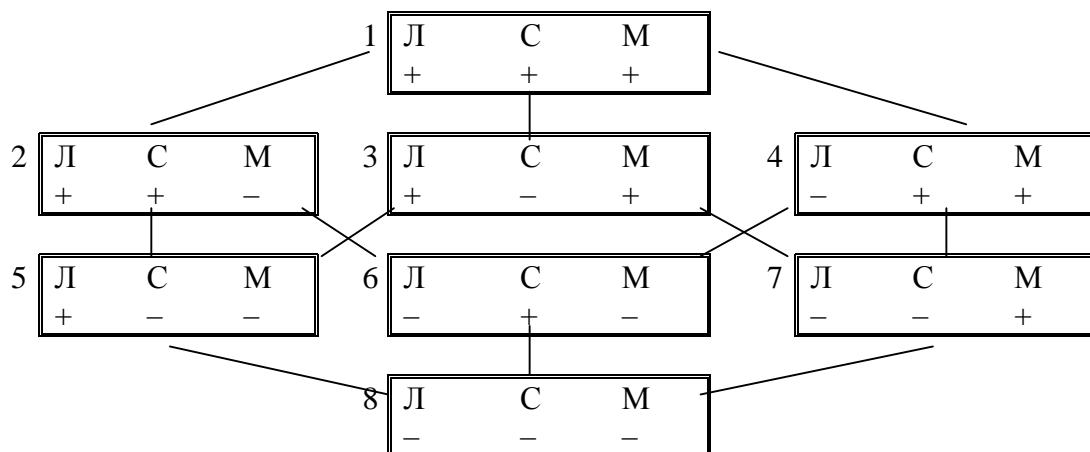
Средство представляют материал и метод. Наш метод – системный подход – изложен в монографии Ю.А. Урманцева "Симметрия природы и природа симметрии" и ряде других его работ о симметрии/асимметрии, демонстрирующих сохранение/несохранение каких-то объектов по некоторым признакам. Это уже вторая концепция, также расщепляющаяся на 2 (симметричная и асимметричная сторона явления) в информационном плане. Это системная методологическая концептуальная компонента.

Проблемы машинного перевода, создание человеко-машинного интерфейса (цель научно-исследовательской лаборатории теоретической и прикладной лингвистики) выдвигают третью концепцию, а именно – моделирующую компоненту.

Таким образом, имеются 3 взаимосвязанных концепции, именно в их свете мы будем решать проблемы, связанные с омонимией. Обозначим лингвистическую концепцию как (Л), системную (симметро-асимметричную) как (С) и моделирующую как (М). Полносвязная система, построенная на этих 3-х исходных базовых концепциях, и будет представлять концептуальное поле омонимии. В нем будет 8 подсистем разной степени отдельности и интеграции.

Подсистема 5 содержит чисто лингвистические воззрения на омонимию [Малаховский, Соболева, Арнольд и др.]. Частично они нашли отражение в обзоре литературы. Далее мы будем чаще сталкиваться с концепцией Л.М. Малаховского как наиболее полной и последовательной из существующих в работах по омонимии.

Рис. 2.5. Система концептуального поля омонимии

Подсистема 6 представляет методологически более общие, общесистемные, т.е. фундаментальные, подходы. Из разных вариантов общей теории систем мы остановились на подходе, представленном в ОТСУ (общая теория систем Ю.А. Урманцева), базирующейся на многообразии симметрии/асимметрии как неуничтожимых атрибутов любых материальных или материально представимых систем.

Ниша 7 представляет моделирующую концепцию. Это и есть действия в чистом виде. Но алгоритмические действия будут лишь в подсистеме 4, где они будут интегрированы с методом-средством.

Подсистемы 2, 3, 4, 1 представляют уже более высокий уровень интегрированных подсистем, более содержательных благодаря их конкретике, взаимосвязям.

Подсистема 2 представляет лингвистико-системную концепцию, т.е. ту, где доказательством частных и более общих симметрично-асимметричных свойств омонимов они выведены на общесистемный уровень (концепция В.А. Карпова).

Подсистема 3 представляет лингвистико-моделирующие концепции, содержащиеся в ряде работ и связанные как с построением моделей языка и его подсистем, так и различными системами: модели "СМЫСЛ – ТЕКСТ", машинная модель русского языка, машинный перевод [см. 138; 114; 126; 148; 149].

Подсистема 4 представляет системно-моделирующую концепцию. Мы активно строим и будем строить классификационные модели симметрично-асимметричного типа в виде систем одного и разных родов: одного по структуре и разных по наполнению конкретикой. Другими словами – придерживаться системного изоморфизма.

Концепция подсистемы 1 уже учитывает и связывает воедино все 3 исходных концепции. Это наш идеал, которому должны соответствовать конечные выводы всей работы.

Вот практически смоделированный, или доказанный, план нашей дальнейшей работы и целого исследования. В последующих разделах работы и будут доказываться и развиваться подсистемы 2, 3, 4, 5, 6, 7.

2.2.1. Связь омонимии с симметрией/асимметрией

Использование для представления материала и его анализа симметрично-асимметричных структур требует четких определений симметрии и её антипода – асимметрии.

Введем определение симметрии/асимметрии по Ю.А. Урманцеву: "Симметрия – это категория, обозначающая сохранение признаков П объектов О относительно изменений И. Так как относительно другой совокупности изменений И рассматриваемое множество признаков П не будет инвариантным, то необходимое дополнение любой симметрии – соответствующая ей асимметрия. Асимметрия – противоположность симметрии; это категория, обозначающая несохранение признаков П объектов О относительно изменений И. Так как относительно другой совокупности изменений И существуют инвариантные признаки, то необходимое дополнение асимметрии – соответствующая ей симметрия" [173: 195]. В "Эволюционике" Ю.А. Урманцев как вариант дает определение симметрии как совпадения объектов по признакам, а асимметрии как несовпадения объектов по признакам [172: 35]. Первое определение касается динамики систем, второе – статики систем. Мы будем использовать оба: статику при различного рода классификациях омонимов, а динамику – при описании системы развития омонимии.

На базе этих определений введем в рабочем порядке определение омонимичного "узла". Омнимичный узел могут теоретически представлять слова различной длины (асимметричный момент), различного значения (асимметричный момент), имеющие общее начало из одной, двух и более букв или даже полностью совпадающие все буквы (симметричный момент по качеству и симметрично-асимметричный по количеству). Таким образом, по данному определению омонимичный узел представляет собой симметрично-асимметричный объект-систему, а омонимия являет собой симметро-асимметрию.

Мы сознательно не пользуемся представленными в работе Л.В. Малаховского терминами "омонимический ряд", "омосегмент", "омокомплект", "омогруппа", "глоссема", "гиполексема", "гиперлексема" (всего 19 разных терминов), так как считаем их недоказанными и неопределенными [109: 212-217]. Неопределенность понятий "ряд", "группа", "комплект" и других как множеств разного рода задана разной степенью представленной связанности элементов.

Мы остановились на понятии "узел". В нем явным образом задано понятие "связности" и "связанности" элементов, составляющих эту систему. В этом мы руководствовались точным замечанием по поводу определений: "Что значит

дать "определение"? Это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое" [см. 104: 149].

Подводя понятие омонимии как более частное под более широкое (практически всеобъемлющее) понятие симметрии/асимметрии, мы: 1) представляем связи омонимичного узла как симметрично-асимметричные со всеми вытекающими из этого новыми свойствами (большая информативность асимметрии, большая тиражируемость симметрии, большая надежность симметрии и меньшая – асимметрии при реконструкции недостающих деталей системы и т.п.);

2) выводим явление омонимии из круга чисто языковых феноменов и вводим его в круг фундаментальных, так как симметрия/асимметрия охватывают все стороны объектов материального мира и затрагивают все области человеческого познания. Интуитивно и традиционная лингвистика в неявном виде пользуется именно этими категориями, но не хочет этого признавать.

Робко, всего один раз, автор назвал омокомплекты "симметричными" (в кавычках как метафорическое название) без углубления в сущность симметрии [109: 148-149]. При этом восемь его главных таблиц и рисунки (5, 6, 7, 8) в тексте работы представляют симметрично-асимметричные объекты (частично мы это покажем ниже на таблице 4).

В узел входят формы представления омонимичных слов, сами они неомонимичны или омонимичны, это исход (а), и пересекающиеся омонимичные формы их парадигм (б). Представим на схеме простейшие примеры таких узлов:

Матрица 3

	исход	1	2	3	4	5	6	7	8	9
а.	село	селО	селО	селаА						селЕ
б.	сесть	село	село	сЕла	сЕли	сЕли				
в.	селить				селИ	селИ	селЮ			
г.	сель				сЕли	сЕли	селЮ	сель	сель	сЕле

Матрица 4

исход	1	2	3	4	5	6	7	
есть	ели	ели	Ели	ели			есть	глагол
ель	ели	ели	Ели	ели	Елей	Елей		существ-ое
елей					елЕй	елЕй		существ-ое
есть							есть	междом-е

Вся схема-матрица представляет пример омоузла. В нем имеются строки и столбцы, показывающие горизонтальные и вертикальные оппозиции. Горизонтальные омонимические формы представляют внутрипарадигматические омонимы, мы будем их называть в рабочем порядке омонимичными слоями, или омослоями. Вертикальные оппозиции могут быть как между парадигмами одного класса (существительных, глаголов), так и межпарадигматическими. Мы будем называть их омонимичными связками, или омосвязками, так как они связывают парадигмы разных частей речи и одной части речи. Исход – это формы

представления омоузла в словаре. Он сам может быть омонимичным и неомонимичным, но как минимум представлять точечную симметрию. Любую двойку, тройку, "энку" элементов слоя или связи, противопоставленную по каким-либо отношениям, мы будем называть омопарой (5 терминов вместо 19).

Так, омоузел матрицы 3 содержит 4 формы исхода, или 4 омослоя (а, б, в, г), 7 омосвязок и 14 омопар (1а:2а, 4г:5г, 7г:8г, 1а:1б, 2а:2б, 3а:3б, 4б:4в, 4б:4г, 4в:4г, 5б:5в, 5б:5г, 5в:5г, 6в:6г и 9а:9г).

Как видно из примеров, узлы обладают различной конфигурацией (горизонтальные пересечения, вертикальные, горизонтально-вертикальные); различной мощностью, что может означать и преобладание одного из видов омонимии над другим в системе, и специфику, неявную и явную. Отметим, что более длинные слова менее омонимичны в грамматическом отношении, а на короткие приходится большая часть омонимов.

Узел может расширяться. Так, до введения в систему заимствования *сель* и всей его парадигмы (последняя строка матрицы 3) в омоузле как целостном объекте-системе было меньше составляющих его объектов-элементов на 4 вертикальных и 2 горизонтальных омопары.

Для сравнения представим структуры подачи материала в цитируемой работе Л.В. Малаховского.

Вся структура представляет омогруппу. Строки А, Б, В названы у Л.В. Малаховского омосегментами (субстантивный, глагольный и адъективный). Столбцы 1, 2, 3 представляют гиперлексемы [109: 89-102]. Схема по горизонтали и вертикали представляет 5 значений одной упаковки "BEETLE": столбец 1-й имеет вертикальную связь словообразовательного характера, а 3-й (если считать причастие связанной глагольной формой, а не отдельным образованием) – словоизменительную связь.

Таблица 4

	1	2	3
А	BEETLE n трамбовка кувалда	BEETLE n жук	–
Б	BEETLE v трамбовать	–	BEETLE v нависать
В	–	–	BEETLE a нависший

Данное представление, на наш взгляд, логично:

а) для английского языка, так как подобная омонимичная "плотность", когда в одной форме сливаются разные уровни, классы и семантики, характерна лишь для аналитических языков; в русском языке процентное соотношение изменяемых и неизменяемых слов типа *пальто*, *бра*, *беж* невелико, и сами они почти неомонимичны;

б) для представления словарного омокомплекта;

в) для утверждения, что эта таблица представляет собой симметрично-асимметричный объект-систему (значимая симметрия строк, значимая асимметрия столбцов; значимая симметрия заполняющих таблицу элементов вместе с такой же значимой симметро-асимметрией их значений). Но у Л.В. Малаховского этого нет.

Развивая далее идеи симметрично-асимметричных представлений, содержащиеся пока в рукописи "Философия языка", построим систему омонимии как симметрично-асимметричной системы на базе 2-х понятий-признаков [Карпов, 1995:рукопись].

Совпадение первой буквы пары слов, или однобуквенную симметрию, можно в рабочем порядке назвать точечной, не вкладывая в это определение смысла существующего термина "точечная симметрия", применяемого в геометрии, физике, кристаллографии [см. 160; 191; 173], а полагая, что одна буква в слове может приравняться к точке. При этом мы имеем в виду массовое языковое явление на уровне словоформ – точечно-начальную симметрию. Примерами такого вида симметрии служат пары *с-литок* и *с-оль*, *с-лить* и *с-оль*, *с-имметрия* и *с-одержание* и сотни тысяч других. Этот принцип симметрии используется при распределении всего множества слов по алфавиту в обычных и в обратных словарях.

Совпадение 2-х, 3-х или большего числа букв (но не всех) В.А. Карпов называет линейной симметрией, полагая, что несколько точек-букв представляют линию. Примерами такого вида симметрии будут: *ку-хня* и *ку-лак*, *куп-ить*, *куп-ля* и *куп-орос*, *купа-ться*, *купа-льник*, *купа-ние* и *купа-ж*, *купал-ся*, *купал-а*, *купал* и *купал-ись* и десятки тысяч им подобных. Они будут образовывать пары, тройки, четверки, "энки". При этом с увеличением длины совпадающего отрезка число таких пар, троек, четверок и т.п. будет уменьшаться.

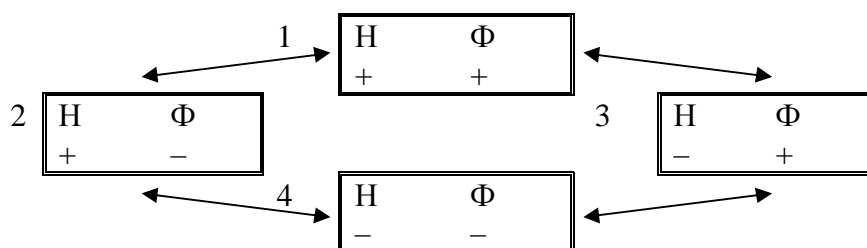
У словоформ могут совпадать не только начальные части, но и финальные. Совпадение также может быть точечным и линейным. Так, словоформы *пры-жо-к*, *сту-к* и *возни-к* обладают точечной финальной симметрией. Она может быть значимой (1 и 2 существительные) и незначимой (1 и 3, 2 и 3). Примеры линейно-финальной симметрии: *д-осок*, *с-осок* и *осок*, *ч-итал*, *п-итал* и другие – показывают уже большую значимость совпадений.

Используя исходные признаки: количественно-качественные типы симметрий как коды – начальная Н (точечная и линейная) и финальная Ф (точечная и линейная), – построим полную количественно-качественную систему исходной базы омонимии в виде квартета.

Подсистема 2 будет представлять начально-точечную и начально-линейную симметрии, подсистема 3 – финально-точечную и финально-линейную симметрии. Наиболее интересны подсистемы 1 и 4. Подсистема 1 представляет слияние двух видов и четырех типов симметрий и может быть названа конечной симметрией. При более тщательном анализе конечной симметрии в ней обнаруживаются новые, свойственные ей асимметрии. Так, формы

сОлью и *сольЮ* отличаются ударением, формы *ковш* и *Ковш* (фамилия) отличаются графикой и т.п.

Рис. 2.6. Исходная база омонимии как симметро-асимметрии

Ниша 4 представляет полностью асимметричные в отношении начальной и финальной симметрии объекты-системы. Это означает, что ниша 4 представляет вход в систему, и здесь находятся рассыпанные на словоформы художественные тексты, представляющие русскую литературу от Пушкина до наших дней. Или лингвистический универсум, подвергаемый дальнейшей классификации. Объем универсума мы признаём потенциально бесконечным, так как все время появляются новые тексты и снова рассыпаются на словоформы. С этой точки зрения подсистема 4 является постоянным потенциальным источником будущей омонимии. Пока же омонимия не вскрыта, так как не сделана симметрично-асимметричная классификация. Существование же этой подсистемы в рамках целостной системы обязательно, так как только на фоне множества асимметричных словоформ можно говорить о симметрии.

При этом будем помнить одно условие: каждая словоформа в универсуме представлена тысячами и сотнями дублей и, значит, по разным типам симметрии может присутствовать в разных подсистемах целостной системы в парах, тройках и т.д. сопоставлений множество раз.

Подсистема 4 связана ребрами-переходами с подсистемами 3 и 2. Проследим движение материала из подсистемы 4 в эти ниши.

В подсистему 2 устремятся все словоформы, совпадающие в первой начальной букве и последующих, олицетворяющих точечную и линейную симметрии. Там будет 30 алфавитных подмножеств точечной симметрии (с буквами Ъ и Ь в начале нет слов, Е=Ё). Число подмножеств линейной симметрии подсчитать без помощи компьютера и полного словаря словоформ пока невозможно.

Линейную симметрию, когда в словоформах совпадает уже не одна, а несколько букв (от 2-х до n, но не все), представляют формы *пл-ен, пл-ах, пл-оть, ..., пл-юну; пле-сти, пле-мянник, пле-н, ..., пле-ть; душ-ем, душ-ой, душ-ить, душ-но, душ-а, душ-у* и т.п. В ряде случаев линейная симметрия будет приводить к конечной симметрии *плети* (от *плеть* и *плести*), *души* (от *душ, душа* и *душить*), и тогда эти формы перемещаются в подсистему 1. В других случаях линейная симметрия не приводит к конечной симметрии, а значит, и к омони-

мии. Здесь могут быть семантические неомонимичные гнезда, где отмечается значимая линейная симметрия: *стол-ик, стол-овая, стол-ешница* – и им подобные, остающиеся в подсистеме 2.

Матрица 5

ж-ечь	ж-гут	ж-ир	ж-ру	ж-ар	ж-ни	ж-ук	ж-ом	–	–	...
л-ечь	л-гут	л-ир	–	–	–	л-ук	л-ом	–	–	...
п-ечь	–	п-ир	п-ру	п-ар	п-ни	п-ук		п-ядь	п-ыл	...
т-ечь	–	т-ир	т-ру	т-ар	–	т-ук	т-ом	–	т-ыл	...
–	–	м-ир	м-ру	–	м-ни	м-ук	–	–	м-	...
с-ечь	–	с-ир	–	–	–	с-ук	с-ом	с-ядь	–	...
–	–	–	–	б-ар	–	б-ук	б-ом	–	был	...
...

В подсистему 3 должны устремиться все словоформы, обладающие точечной или линейной симметрией финальной части. Объединим эти представления в матрице 5, где имеется точечная симметрия начал строки при асимметрии последующей части и точечная асимметрия начал столбцов при последующей линейной симметрии. Матрица с начально-линейной симметрией и финально-точечной симметрией строится аналогичным образом.

Если подсистема 2 имеет дело со строками матрицы, то подсистема 3 – с её столбцами.

Начальная симметрия является необходимым исходным этапом для появления/непоявления омонимии. Поэтому в подсистеме 2 и будут разные слова – *жечь* и *жгут*, которые совпадают в форме *жгут*, перемещающейся в подсистему 1. Формы *лечь* – *лгут* не создают конечной симметрии, хотя исходный симметрично-асимметричный формализм одинаков в обоих случаях. Если в содержимом подсистемы 2 мы возьмем для скорости пары *е-хать: е-да, е-сть: е-ль, м-ять: м-нить, с-лить: с-оль, в-ошь: в-шить* и аналогичные, то они дают возможность убедиться в том, что точечная симметрия может развиваться в конечную – *ехать:еда* совпадут в форме *ЕдУ*, *есть:ель* в форме *ЕЛЛ*, *м-нить* в форме *мни*, *слить:соль* в форме *сОльЮ*, *вошь:шить* в формах *вшей, вОшьЮ* и т.п. Они и заполняют нишу 1 с конечной симметрией. Таким образом, мы доказали непустоту ниш 4, 2, 3, 1 и их связи.

Мы можем проделывать эту классификацию и чисто механически. Представим подсистему 4 в виде огромного полиэтиленового мешка, куда мы будем опускать руку и наугад брать несколько словоформ, проще всего парами. Подобная операция со множествами описана [см. 156: 59].

Допустим, нам попались словоформы *слить* и *соль*. По признаку начально-точечной симметрии мы помещаем их в подсистему 2. Эта симметрия может оказаться симметро-асимметрией, потому что в первом случае *с-* является префиксом с определенным значением, во втором оно является начальным соглас-

ным корня. При сопоставлении пары *с-бить* и *с-лить* мы имеем дело с двойной симметрией. Симметро-асимметрия прямо связана с омонимией [80].

Во второй раз мы, допустим, вытащим словоформы *п-илить* и *ум-илить* и должны поместить их в подсистему 3 как имеющие линейную финальную симметрию.

В третий раз нам попались словоформы *идти* и *слать*. Они не обладают сами ни одной из симметрий, поэтому остаются в подсистеме 4, доказывая тот факт, что отсутствие Н-, Ф-симметрий у исходных форм не служит в ряде случаев признаком будущей неомонимичности, т.к. *идти* – *шли* и *слать* – *шли* в этих формах парадигм омонимичны и обладают конечной симметрией. Вторым аналогичным примером заполнения подсистемы 4 будет пара *слать* – *шлем* и *шлем* – *шлем*.

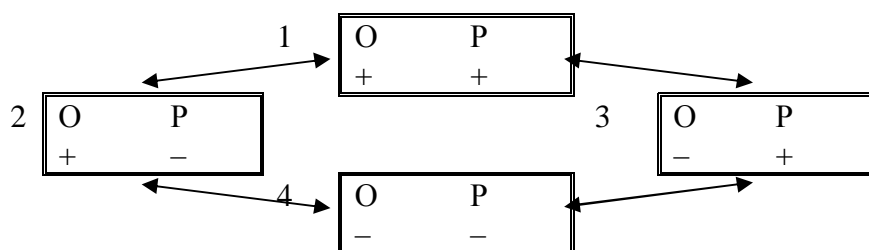
Теория Ю.А. Урманцева и здесь помогает разобраться в причинах такого феномена. Любая асимметрия имеет собственную свойственную ей симметрию. И формы *идти* и *слать* ею обладают на грамматическом уровне – это два инфинитива. Здесь мы сталкиваемся уже с другой симметрией – симметрией классов слов.

Эти операции будем проделывать до тех пор, пока все словоформы универсума не будут размещены в нишах 2, 3 и 1.

Развиваемая нами теория о связях и видах симметрии и омонимии важна при формальном автоматическом выделении корпуса омонимов, так как этот формализм позволяет отсеять огромное число асимметричных словоформ и строить омонимичные узлы. После построения таких узлов на базе контекстуального анализа можно получить омонимические матрицы. Для этого нужна программа, различающая грамматические формы [см. 32].

Среди линейной симметрии в омонимичных узлах могут быть как однокоренные лексемы (О), так и разнокоренные (Р), что позволяет построить более развернутую (декомпозированную) систему линейной симметрии в виде двухмерного куба (квартета).

Рис. 2.7. Однокорневая и разнокорневая омонимия

- 1) однокоренные и разнокоренные – *село:селить:сесть:сель* (в одном омониме и те, и те), *соль:солить:соль (нота):слить*;
- 2) однокоренные – *змея:змея, лирик:лирика, кум:кумА* и т.п.;
- 3) разнокоренные – *туш:туше:тушь:туша:тушить* и им подобные;
- 4) подсистема линейной симметрии на базе других признаков.

Таким образом, мы доказали, что:

1) исходная симметрия как база для существования или развития последующей омонимии форм не может быть ниже точечной и имеет пределом конечную (начально-финальную) симметрию. Как редчайшие отклонения от этого принципа примеры типа *слать: идти (шли)*, *слать:шлем (шлем)* указывают на фонетико-морфологические процессы, которые привели к такому состоянию;

2) все 4 подсистемы целостной системы реализуются: подсистемы 4, 3, 2 – неомонимичные и представляют базу для развития омонимии; подсистема 1 представляет омонимию разных видов: однокоренную/разнокоренную, внутрипарадигматическую/межпарадигматическую в разных вариативных подвидах и типах;

3) рассмотрение системы симметро-асимметрия = омонимия в вероятностном варианте дает возможность видеть общий предел омонимии при четырех подсистемах.

	+ -	
+ +	- +	- -
1/4	2/4	1/4

Омонимичная подсистема 1 показывает, что теоретически возможная степень омонимичности целостной системы не может быть выше 1/4 от объема всех подсистем словаря. Это важный параметр.

4) линейная симметрия может иметь различную длину от 2-х букв (*уха:ухо*), 3-х букв (*пар:паром*) до совпадения всех букв (*Атлас:атлас, нОдать:подАть, пальто* и т.п), что означает переход к омонимии на базе разошедшейся полисемии и другие случаи.

5) в количественном отношении можно говорить о мощности узлов в связи с числом слоёв в столбце исхода:

- парных – *тест:тесто, часть:пал, рожь:родить, ноша:носить*;
- тройных – *полк:полка:полок; вести:веда:весть*;
- четверных – *сесть:селить:село:сель, мор:море:мора:морить*;
- пятерных – *пол:пола:поле:полоть:полить*;
- шестерных – *мел:мести:месть:мета:мель:молоть*;
- семерных – *бур:бур:бура:буря:бурить:бурый:бурят* и более редких с большим числом слоёв.

2.3. Причины появления омонимии

В предыдущем разделе мы показали, что симметрия и асимметрия служат базой для существования и выделения омонимии в ряду других неомонимичных объектов.

В двух работах последних 30-ти лет четко ставится вопрос о причинах появления омонимии в связи со словообразованием. Это обширные статьи

П.А. Соболевой и Е.Л. Гинзбурга. Первая строит свою типологию омонимов в связи со словообразованием и получает 8 типов омонимов, подтвержденных различными словообразовательными цепочками шаумяновского типа [153: 5-33]. В статье почти монографического объема Е.Л. Гинзбург детально рассматривает одноименность однокоренных производных и доказывает, что деривация порождает омонимию [54: 36-136]. Задачи решались разными способами, но решены ли они системно? Как это понимать? Во-первых, не указаны количественные параметры деривационной омонимии. Указан лишь процесс, при котором возникают омонимические отношения, но процесс – это не единственная причина. Связь со словообразованием здесь весьма прозрачна. Достаточно глянуть на ряд – *физик:физика, ..., лирик:лирика*. Во-вторых, в работах отсутствует философское объяснение или доказательство неизбежной необходимости существования и развития омонимии как феномена. Таким образом, для выяснения основных причин нам надо рассмотреть несколько фундаментальных положений теории, а именно: Предложения 7, 8, 23, 21, 3 ОТСУ.

Предложение 7 действует на уровне закона и говорит о том, что изменение числа "первичных" элементов в системе происходит за счет 3-х способов: прибавления, вычитания и прибавления и вычитания вместе [172: 63-64]. Из этого следует, что увеличение числа омонимов в системе и – как результат – возрастание омонимии должно происходить или за счёт внутрисистемного словообразования, или за счет вовлечения в систему элементов извне, что мы и показывали на примерах, когда заимствования увеличивают число омонимов и, тем самым, омонимичность системы.

Предложение 8 говорит о системах с точки зрения "входа" и "выхода". Согласно этому Предложению, возможны системы только 4-х родов: "1) без входа и выхода" – некибернетические; 2) со входом и выходом – "кибернетические"; 3) со входом, но без выхода и 4) с выходом, но без входа – "полукибернетические" [172: 65-66]. По этому Предложению язык-система является открытой системой со входом и выходом. Это связывает предложения 7 и 8, так как заимствования могут свидетельствовать о входе в систему, а устаревание грамматики и лексики и выход из употребления – о выходе словоформ из системы.

Предложение 21 касается полиморфизма: "Полиморфическая модификация есть объект-система, полиморфизм – система объектов одного и того же рода" [172: 80], а Предложение 23 относится к изоморфизму: "Системный изоморфизм есть система объектов одного и того же рода, изоморфическая модификация – объект-система" [172: 87].

В работе "Эволюционика" Ю.А. Урманцев доказывает, что такие фундаментальные категории, как изоморфизм/полиморфизм, присущи любому виду систем-объектов и связаны напрямую с понятиями развития и изменения [174: 60-73]. Что же представляют из себя лингвистические изоморфизм и полиморфизм? Нельзя забывать о том, что по отдельности изоморфизм и полиморфизм существуют лишь в нашем сознании, мы не можем одновременно показать то и

другое, но это две стороны одного явления – симметро-асимметрии. В самом общем виде об изоморфизме и полиморфизме применительно к языку как целостной системе можно говорить как о единообразии многообразия и многообразии единообразия. Такова диалектика.

Так, часть речи на понятийном уровне представляет нечто единое, состоящее из многих элементов (с разной степенью сходства и различия). Единство части речи поддерживается единством функций, форм слов при, опять же, множестве таких функций и форм.

С другой стороны, множество частей речи – это многообразие, где единым является вхождение этого многообразия в конкретный, данный язык. Еще большая детализация: форма именительного падежа – одна из 6-ти форм категории падежа. Одна из множества. Эта одна форма имеет множество способов формального выражения в зависимости от категории рода – все согласные у мужского рода, гласные *a* и *я* для женского, *o*, *e* – для среднего. Всё это многообразие на этом уровне становится меньшим, но всё еще многообразием на другом уровне: формы множественного числа именительного падежа – окончания *и*, *ы*, *а*, *я*. Мы смело можем полагать, что любой объект любого уровня представляет собой соединение чередований одного изоморфизма со свойственным ему полиморфизмом, и далее чередование полиморфизма с уже новым изоморфизмом, и так до тех разумных пределов, когда уже нет смысла выделять еще один уровень.

Омонимы как система объектов одного и того же рода (противопоставленные объектам иного рода – синонимам, антонимам) представляют, с одной стороны, изоморфизм (как совпадение, одинаковость, тождество форм), с другой стороны – полиморфизм как множество несовпадающих лексико-грамматических и морфологических значений. Изоморфизм связан с симметрией, а полиморфизм с асимметрией, а точнее – с диссимметрией (частичное несовпадение).

Несложно убедиться в том, что определенная выше система изополиморфизма, или поли-изоморфизма, аналогична системе омонимии, представленной в работе [80: 122, 219] в виде квартетов формы и значения и декомпозированных лексического и грамматического значений.

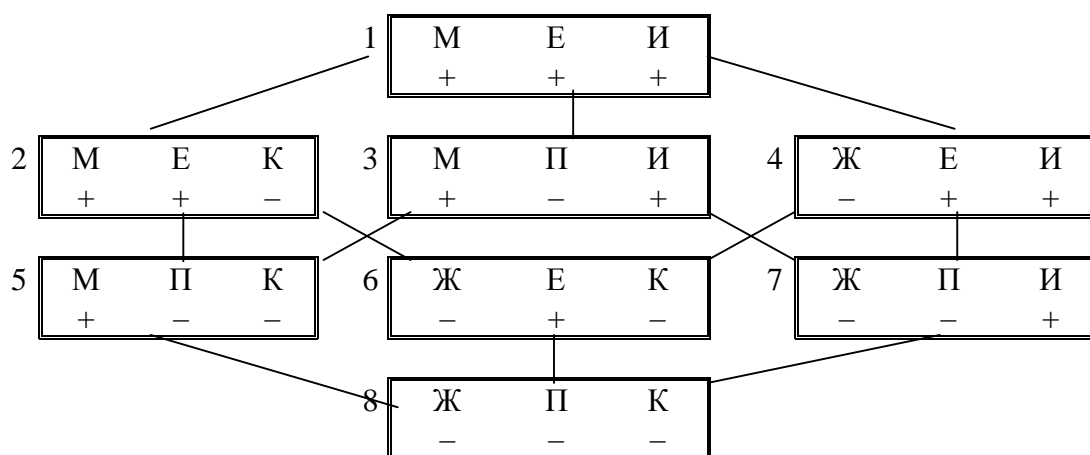
Покажем эту динамику несколько иным способом. А именно: соединим в одной системе словообразование (1), словоизменение (2) и заимствование (3) как три взаимосвязанных, но структурно и функционально разных процесса.

Обозначим мужской род как (М), единственное число как (Е), именительный падеж как (И), женский род – (Ж), множественное число – (П) – от *pluralia*, чтобы не было двух одинаковых символов (М), и косвенные падежи как (К). Построенный 3-мерный куб будет представлять 8 подсистем омонимии внутри существительных и переходы от подсистемы к подсистеме. Так, переход от подсистемы 1 к подсистеме 8 означает развитие системы с параметрами "муж-

ской род, единственное число, именительный падеж" до параметров "женский род, множественное число, косвенные падежи".

Рассмотрим формы парадигм всего лишь 2-х однокоренных слов *змеи* и *змея*. Восемью форм из потенциальных 24 как полного идеала различения оказалось достаточно, чтобы наполнить систему и обнаружить следующие омонимичные оппозиции: *змеи* МЕИ:ЖПК 1:8; *змея* МЕК:ЖЕИ 2:4; *змею, змее* МЕК:ЖЕК 2:6; *змеи* МПК:ЖЕК 5:6, МПИ:ЖПИ 3:7, ЖЕК:ЖПИ 6:7; *змеям, змеями, змеях* МПК:ЖПК 5:8. Наиболее омонимичной оказалась форма "змеи".

Рис. 2.8. Межродовая омонимия

Как видим, создание родовых пар на базе одного корня (словообразование) при наличии в системе шести падежей как форм изменения создает восемь подсистем омонимии. Теперь рассмотрим однотипные, но разнокоренные слова *чум* и *чума*. До заимствования в русский язык слова *чум* не было межпарадигматической омонимии. Существовало 4 подсистемы – 4, 6, 8, 7. После введения слова мужского рода *чум* возникает полная система оппозиций: *чум* МЕИ:ЖПК 1:8, МЕИ:МЕК 1:2, МЕК:ЖПК 2:8; *чума* МЕК:ЖЕИ 2:4; *чуму, чуме* МЕК:ЖЕК 2:6; *чумы* МПК:ЖЕК 5:6, ЖПК:ЖПИ 7:8, МПК:ЖПИ 5:7; *чумам, чумами, чумах* МПК:ЖПК 5:8. Примеры показывают, что и у разнокоренных омонимов система полна с минимальной разницей противопоставлений, что связано в первом случае с одушевленностью. Более того, омонимия имеется и внутри некоторых подсистем вида МЕК, МПК, ЖЕК. Неомонимичными являются лишь формы творительного падежа – *змеем/змеей, чумом/чумой*.

Первый пример доказывает, что словообразование даже при создании родовых пар типа *лирика:лирик* при развитой системе словоизменения служит базой для омонимии, второй – что заимствования (как способ пополнения словаря), не являющиеся словообразованием, способствуют созданию и развитию межпарадигматической омонимии на базе наложения парадигм и совпадений или несовпадений их элементов. Процент же заимствований в омопарах достаточно велик. Всё это системные параметры.

Ещё одним доказательством системности омонимии будет следующее. Построим таблицу, где по горизонтали будем откладывать число букв в словах с конечной симметрией – омонимией, а вертикальный столбец будет показывать данные линейной симметрии как базы для развития/неразвития конечной симметрии. Удлинение словоформы при изменении существительных, прилагательных и глаголов имеет вид +1, +2, +3 знака (ср. *стол – стол+а – стол+ам – стол+ами*; *красив – красив+ы – красив+ым – красив+ыми* и т.п.).

В реальности при сопоставлении словоформ оказалось, что в силу морфологических особенностей омонимичных форм число элементов развития конечной симметрии по сравнению с исходной может достигать до 5 (ср. *свить* и *совий*, имеющие начальную точечную симметрию и совпадающие в конечной симметрии мерностью 5 – *сОвьЮ*).

Таблица 5

Конечная симметрия (число букв)														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	...
1	+	-	+	+	+									
2		+	+	+	+	+								
3			+	+	+	+	+							
4				+	+	+	+	+						
5					+	+	+	+	+					
6						+	+	+	+	+				
7							+	+	+	+	+			
8								+	+	+	+	+		
9									+	+	+	+	+	
...														...

Мы не приводим в таблице данных линейной симметрии с длиной более 9 букв. Во-первых, с увеличением длины словоформ омонимия начинает вырождаться, так как более длинные слова – это наиболее современные, новообразования, чаще всего сложные слова. В них омонимия лишь внутривариантная. Во-вторых, само число длинных слов начинает уменьшаться. Средняя длина слова в словаре имеет размер 8, а в текстах – до 12 букв [182: 930-931]. В-третьих, к этому нас вынуждает недостаток места и то, что детальное исследование этого направления не является нашей прямой задачей, мы доказываем лишь тенденцию, или закономерность, иллюстрируя её минимумом примеров.

1. *а:а; еда:ехать – ЕдУ; тереть:трут – трут; слить:соль – сОльЮ;*

2. *на:на; дать:дама – дам; дать:даль – дали; послать:пойти – поили; обойма:объять – обОймУ;*

3. *бра:бра; пар:пара – пАрЫ; висок:виски – вИскИ; пар:паром – пАрОм; белка:белок – бЕлкАм, бЕлкАми;*

4. *фрау:фрау; вИска:вИски – вИски; издать:издали – ИздАли; кружка:кружок – крУжкАм, крУжкАми;*

5. *манто:манто; блесна:блеснуть – блесну; стрелка:стрелок – стрелки, стрелкам, стрелками;*

6. *пенсне:пенсне; воротить:воротила – воротил, воротила; землячка:землячок – землячка, землячкам, землячками;*

7. *намолоть:намолотить – намолот, намолоты; проволочь:провода – проволочка, проволочек, проволочкам, проволочками; гвоздик:гвоздика – гвоздик, гвоздику, гвоздикам, гвоздиками; коробочек:коробочка – коробочкам, коробочками, коробочку, коробочке;*

8. *засыпать:засыпать; приходите:приходите; холостячок:холостячка – холостячка, холостячкам, холостячками;*

9. *разрезать:разрезать; статистик:статистика – статистикам, статистиками.*

Как видно из таблицы, увеличение длины линейной симметрии (данные вертикали) находится в прямой связи с увеличением длин конечных симметрий (данные горизонталей). Эта взаимосвязь имеет прямое отношение к формообразованию (склонению, спряжению и т.п.) и к словообразованию. При этом – мы рассмотрим это чуть ниже – омонимия связывается с дивергенцией/конвергенцией.

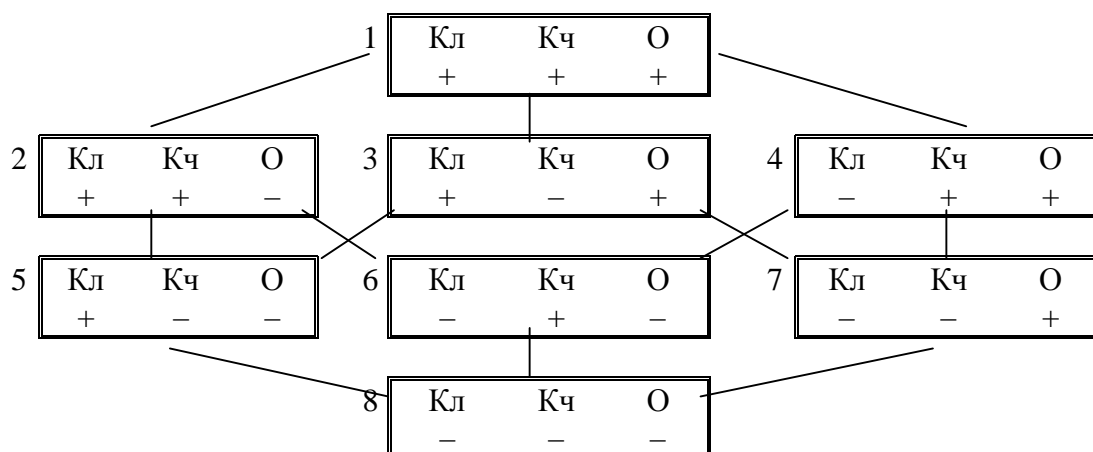
2.3.1. Изменения в системе языка и изменения в системе омонимии

Предложение 3 ОТСУ о семи типах преобразования в системе мы приводим уже в лингвистической интерпретации. Являясь подсистемой языка как целостной системы, омонимия претерпевает в рамках системы те же самые изменения, что и система в целом. Это же относится и к ее развитию. Докажем это, воспользовавшись кубом, приводимым в работе "Язык как система" для доказательства языковых изменений и трансформаций, но уже связывая изменения в языке с омонимией [80: 93, 139].

Целостная система изменений представлена 8-ю подсистемами, каждая из которых на своем уровне является целостной автономной системой. Количественные изменения представлены сокращением "Кл", качественные "Кч" и относительные "О". В указанной работе доказано, что изменения в языке-системе могут происходить за счет всех 8-ми способов. Плюс означает сохранение, минус – несохранение признака/признаков.

Теперь вернемся к омонимии. Подсистема 1 демонстрирует сохранение количества, качества и отношений словоформы. Это аналог тождественного преобразования, когда объект-система покоится, не претерпевает никаких изменений. Наличие этой подсистемы в целостной системе обязательно, так как только на фоне сохранения объектов и их свойств можно говорить о 7-ми типах изменений в системе.

Рис. 2.9. Система изменений (преобразований)

Количественные изменения (подсистема 4) в системе касаются следующих основных моментов: ввод (вхождение) новых элементов в систему или выход элементов из системы. Вхождение словоформ в систему является одним из основных способов увеличения омонимичности языка, особенно при заимствовании неизменяемых слов, где в одной форме (для существительных) существует 6 или 12 форм, различаемых лишь контекстуально, ср. *меню, жюри, атташе* и т.п. По данным Обратного словаря, в языке функционирует 542 неизменяемых существительных и 35 – прилагательных [119: 942]. Появление новых омонимических узлов увеличивает омонимическую плотность системы лексики. Системное словообразование внутри системы также увеличивает число словоформ и является базой для создания омонимичных отношений. Выход слов из системы может снимать омонимию, если забывающееся, выходящее из употребления слово было омонимичным.

Качественные изменения (подсистема 3) касаются изменений качественного порядка, например, субстантивации, когда одна из форм прилагательного начинает употребляться без существительного, которое подразумевается – *мастерская, кондитерская, сельтерская* и т.п. Такое явление означает появление нового омонима. Создание имен собственных на базе нарицательных мы относим к этому виду преобразований, а это также ещё одна разновидность омонимов.

Относительные изменения (подсистема 2) заключаются в изменении отношений между объектами системы. Так, изменение ударения в системе – показатель изменения отношений. Появление нового ударения может служить показателем вариативности (ср. *атОмный* и современное *Атомный*) или обозначать развившуюся омонимию, снимаемую ударением, поэтому мы считаем эту подсистему связанной с омонимией и омонимизацией. Так как эта подсистема связана с подсистемами 5 и 6, то и в них уже потенциально заложена омонимичность.

Комбинаторика 3-х основных типов изменений дает 4 новых интегративных системы изменений. Они могут рассматриваться как собственно интегративные, так и перечислительные, т.е. в языке есть и количественные, и качественные, или количественно-качественные преобразования.

Количественно-качественные изменения (подсистема 7) предполагают сохранение отношений и могут при изменяющемся количестве и качестве означать:

а) развитие неизменяемым словом форм изменения, при этом интенсивность омонимичности падает до нескольких форм вместо всех омонимичных. Особенно хорошо это видно у дериватов, созданных на базе неизменяемых слов, ср. *кофе* – неизменяемое слово, *кофеёк* уже изменяется и имеет 2 омонимичных формы, прилагательное *кофейный* имеет еще больше омонимичных форм;

б) при заимствованиях слов, которые начинают изменяться после входа в систему, ср. *прима* – *прИму* (балерина), *Прима* (сигареты) и *принять* – *примУ*, слово *умереть* не имело омоформ до появления слова *умра* (малый хадж – *совершить умру*);

в) появление новых омонимичных пар имеет место:

1. При обычном суффиксальном словообразовании. Так, если слова *лес* и *леса* (часть удочки) были омонимичны, то логично предположить, что и их дериваты теоретически могут создавать омонимию – *лесок:леска*, что и отмечено в реальности, и это не единичный случай;

2. При словосложении: форма глагола *ползала* не была омонимичной до появления сложного слова *пол/зала*, когда эта пара возникла;

3. Слово *бобслей* до создания усеченной разговорной формы *боб* имело только внутрипарадигматическую омонимию; после создания такой формы оно стало омонимом слову *боб* (растение и плод), т.е. развилась межпарадигматическая омонимичность;

4. При регулярном процессе словообразования, когда имеет место родовое противопоставление вариативное (*коробОк:корОбка*), или родовое:родовое (*морЯчОк:морЯчка*), или место:процесс (*садок:сАдка*), или продукт:процесс (*валОк:валка*) и т.п.

Отмечено снятие омонимии при создании словосочетания и сжатия его до новой формы. Так, слово *полк* и *пОлка* были омпарой. Создание сочетания *командир полка* оставило омонимию незатронутой, но сжатие сочетания до *комполка* снимает омонимию полностью. Отметим, что в ряде случаев происходит обратный эффект. На месте снятой омонимии одного рода появляется омонимия другого рода. Так, слова *комиссия*, *комитет*, *комиссар*, *командир*, *коммунистический* при линейной симметрии не были омонимичными между собой. Создание на их базе сложных слов привело к омонимизации морфем: ср. *комбат*, *испол-ком*, *воен-ком*, *ком-партия* и т.п., где морфема *-ком-* омонимична – скрыта принадлежность к части речи, к семантике. Появление новых сложных

слов типа *гор/ком/имущество, ком/порты* (*ком-* – от *коммунальный* и от *коммуникативный*) еще более увеличивает число омонимичных морфем в сложных словах.

Как видим, в рамках одного и того же способа мы наблюдаем сосуществование двух противоположных тенденций, что говорит о диалектике развития системы омонимии.

Количественно-относительные изменения (подсистема 6) предполагают сохранение качества словоформ. Примером таких изменений могут служить предлоги и аббревиатуры: *с* – предлог и *с* аббревиатура (формальная, знаковая), появление неизменяемых слов типа *су* (монета) и имен собственных *Су* (от фамилии авиаконструктора *Сухой*) и т.п. Это не настолько мощный тип изменений в отношении омонимии, но и он присутствует в языке-системе.

Качественно-относительные (подсистема 5) изменения происходят без изменения количества словоформ. При этом виде изменений увеличение количества словоформ может связываться с изменением отношений, а значит, и с омонимией. Так, использование форм типа *Серезж, Петь, Маш, Коль, Нин, Вер* и т.п. в таком, например, контексте: *Марусь, а Марусь*, – это новая форма, не означающая род. пад. множ. числа. Это своего рода звательный падеж (по крайней мере, форма обращения), получившийся усечением исходной формы *Маруся*.

Количественно-качественно-относительные изменения (подсистема 8) представляет, на наш взгляд, аббревиация, создающая омонимию. Это наиболее мощное преобразование, так как оно затрагивает синтаксис, словообразование и словоизменение. Аббревиация изменяет:

- а) количество словоформ в системе;
- б) качество словоформ, так, *высшее учебное заведение* представляет слова среднего рода, тогда как *ВУЗ* – уже существительное мужского рода;
- в) отношения. Так, *учебное заведение построено* согласование по среднему роду, а *вуз построен* – уже по мужскому роду.

Таким образом, доказано, что из 7-ми типов изменений (преобразований), предлагаемых ОТСУ без учета тождественного преобразования, с омонимией и омонимизацией системы как процессом связаны все 7 подсистем целостной системы преобразований. При этом видны переходы из подсистемы в подсистему, что важно для интерпретации динамики системы.

В связи с этим доказательством мы вынуждены остановиться на трактовке Л.В. Малаховским таких признаков системности, как "органичность" и "неорганичность". По его мнению, базирующемуся на упомянутых признаках в интерпретации И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина [33], омогруппа не удовлетворяет определению органичной системы. По Л.В. Малаховскому:

- 1) система органична, когда: а) имеет связи структурные и генетические;
- б) отношения субординации; в) свойства частей определяются структурой цело-

го, части не способны к самостоятельному существованию; г) целое обычно активнее элемента.

2) система неорганична, если: а) связи только структурные; б) отношения координации (взаимодействия); в) свойства частей определяются их внутренней структурой, части могут существовать самостоятельно; г) элемент часто активнее целого [109: 210].

Если омонимия может быть у однокоренных слов типа *голубок: голубка*, значит, есть и генетические связи. Сам распад полисемии, приводящий к омонимии, – также свидетельство пусть и исчезающих, но генетических связей. Если у группы слов, созданных по одной структурной модели, есть омонимия (ср. *рыбачок:рыбачка, морячок:морячка, чудачок:чудачка* и т.п.), значит, у омонимии есть и структурные связи. Отношения субординации при словообразовании, приводящем к омонимии, доказаны в работах Е.Л. Гинзбурга и П.А. Соболевой [54, 55 Гинзбург; 152 Соболева]. Почему же омогруппу нельзя считать органичной системой?

На наш взгляд, язык как целостное образование являет собой результат сознательного изменения системы с целью достижения необходимой точности отражения действительности. Поэтому речь следует вести не об органичности/неорганичности системы, а о случайности/ детерминированности, и то не по отдельности, а в комбинаторике. И при этом говорить о соотношении экстралингвистических и лингвистических факторов. Так, создание словообразовательного гнезда – это сознательный человеческий акт, целенаправленное действие отражения изменившейся реальности, потребовавшей создания нового слова. Сама причина – экстралингвистическая, а вот уже выбор средств детерминирован средствами, имеющимися на этот момент в языке-системе. Словоизменительная парадигма – это также продукт целенаправленной языковой деятельности. Поэтому возникновение новой омопары в результате словообразования или заимствования – это результирующий процесс случайно-детерминированного характера. Сама случайность при более пристальном изучении может оказаться детерминированной по ряду признаков. Так, сам факт заимствования термина *crawl* (стиль плавания) из английского языка, а, к примеру, не из японского, может считаться на первый взгляд случайным. Но само обилие спортивных терминов английского происхождения, музыкальных терминов итальянского и т.п. говорит о неязыковых по сути, экстралингвистических факторах, с одной стороны, и языковых реализациях проявления, с другой. Фонетическое оформление английского слова с конечным твердым согласным в русском языке как мягкого привело к омонимии *кроль* (кролик) и *кроль* (стиль плавания).

2.3.2. Омонимия и дивергенция/конвергенция

Термины "дивергенция" и "конвергенция", пришедшие в лингвистику из биологии, используются в языкознании в более узком значении. Так, понятие дивергенции распространяется лишь на уровень фонологии и фонетики и на язык (распадение языка) как целостную систему [24: 133–134]. Аналогично и с понятием конвергенции: оно используется для фонетического уровня и для целой языковой системы [24: 202]. О связи омонимии с дивергенцией/ конвергенцией в словаре не упоминается.

В работе Л.В. Малаховского эти термины применительно к омонимии используются в указанном узком (фонетическом) плане. Автор считает, что основной причиной появления омонимов служит фонетическая конвергенция, носящая случайный характер [109: 10-12]. Но случайность и регулярность – это разные понятия.

Определение омонимии как симметро-асимметрии или как сохранения (совпадения) некоторыми объектами некоторых признаков при некоторых изменениях, а асимметрии – как несохранения (несовпадения) позволяет более широко рассмотреть омонимию через призму двух указанных явлений эволюции и взаимодействий объектов.

Что представляет из себя словоизменение как процесс-система? – Создание новых грамматических форм на базе имеющейся формы по некоторым имеющимся в системе образцам. При этом в большинстве случаев стандартного словоизменения, не осложнённого фонетическими причинами, отмечается:

- а) сохранение (симметрия) корня, ср. *детектор* – *детектор+а* и т.п.;
- б) сохранение (симметрия) эталонных окончаний как целостной системы окончаний существительных мужского рода неодушевленных с твёрдой основой;
- в) несовпадение (асимметрия или полиморфизм) окончаний внутри парадигмы как системы своего рода.

Расщепление лексемы на грамматические значения, или отпочковывание от исходной формы новых форм, представляет собой лингвистическую дивергенцию (создание новых форм на базе старой). Она соответствует внутрипарадигматической и межпарадигматической омонимии.

Словообразование при таком подходе также представляет собой симметрично-асимметричный процесс, при котором имеют место сохранение/несохранение, ср. *лазер* – *лазер/ный* – *лазер/щик* и им подобные. Словообразовательный инвентарь также представляет собой систему своего рода. Вновь созданная лексема чаще всего приобретает парадигму и вступает во внутрипарадигматические или межпарадигматические отношения.

Разошедшаяся полисемия, приводящая к удалению значения от значения исходного слова, – яркий пример дивергенции в чистом виде. Примеры же омонимии типа омоузла *бур-1. – бур-2. – бура – буря – бурый – бурить – бурят*, где

совпадают формы семи разных лексем (*бур, бУрУ, буре, бУрЮ, бУрА, бУрИ, бУрОй, бурят*), доказывают мощь происходящего процесса омонимизации.

Два симметрично-асимметричных процесса, происходящие в системе, накладываясь друг на друга, не могут дать иного результата, кроме новых симметрично-асимметрий. Если же словоизменение и словообразование носят системный характер, значит, результаты этих процессов, приводящие к омонимии, не могут быть несистемными. Выше был доказан симметрично-асимметричный характер омонимии как совпадения форм при несовпадении их значений.

Таким образом, дивергенция (словоизменение и словообразование как два главных направления количественно-качественно-относительных изменений в языке-системе, рассматриваемой на уровне лексики) и конвергенция как результат действия этих процессов, приводящих к омонимии, оказываются взаимосвязанными именно через омонимию.

Более того, Ю.А. Урманцев в разделах, связанных с эволюционикой, говорит уже не только о конвергенции (сходстве как результате), а о конвергенции (схождении) как процессе, приводящем к совпадению, даже полному сходству [172: 67, 97]. Это сходство (совпадение) может быть как на базе родства (для лингвистики это означает один и тот же корень), так и по причинам, обязанным одинаковым условиям существования (для лингвистики – функционирования языковых объектов).

2.3.3. Омонимия и рефлексивность

Поскольку элементы омопар принадлежат одному и тому же множеству или разным множествам (частям речи), имеет смысл рассмотреть их отношения через призму аксиом эквивалентности теории множеств. Чисто математическая формулировка содержится в работе [9: 15], мы же воспользуемся их лингвистической интерпретацией по работе "Язык как система"[80: 116-125], задающей направления отыскания их языковых аналогов. Из трех аксиом эквивалентности: рефлексивности, симметрии (взаимности) и транзитивности – нас интересует рефлексивность, понимаемая как эквивалентность элемента самому себе. Эквивалентность элемента самому себе, на наш взгляд, – это тождество по одному или ряду признаков объектов анализа.

Доказано, что для выведения рефлексивности как свойства нужны минимум 2 объекта: рефлексивный и антирефлексивный (нерефлексивный), так как наличие какого-то свойства у одного объекта лучше всего выявляется при его отсутствии у другого объекта. Здесь мы с необходимостью приходим к двум основным видам проявления речемыслительной деятельности – говорению и письму (см. Граф 3 в разделе 2.1.2).

Рассмотрим фразу *Гас, как газ, город опустелый...* [87: 481]. Звучит *гас* как *гас*, пишется *гас* как *газ*. Возникает омофония, которая при незнании системы

языка, а не из-за оппозиции "язык:речь" может реализоваться на письме и считаться ошибкой.

Рассмотрим уже другой пример – две фразы: *Я, наконец, одолел СТО* и *Страниц сто не одолел*. Имеем оппозицию *СТО* и *сто*. В ней обнаружим:

- нерелексивность на уровне букв в 2-х словах с точки зрения их значимости. *С* = специальная, *с* означает первую букву множества словоформ. *Т* = теория, *т* отмечена в середине множества словоформ. *О* = относительности, *о* – отмечена на множестве словоформ в конце, может иметь разные значения. Здесь – флексия именительного или винительного падежа числительного;

- нерелексивность на уровне структур. Первое – аббревиатура как результат сжатия словосочетания определенной модели, второе – обычное слово;

- нерелексивность значений целого слова: первое – существительное, второе – числительное;

- нерелексивность размера букв;

- релексивность звуковой формы. Имеем 4 несовпадения при одном совпадении – разновидности омонимов, омофоне.

Возьмем третий пример: *Это – порог*, *Это – порок*. При написании не возникает проблем. При произнесении возникает омонимия как нерелексивность звукового и письменного образа слова.

Таким образом, омонимия как феномен языка с его двумя видами использования связана напрямую с понятиями релексивности/ нерелексивности, определяющими свойства объектов самых разных предметных областей. Это ещё одно доказательство того, что омонимия – явление, свойственное не только языку-системе.

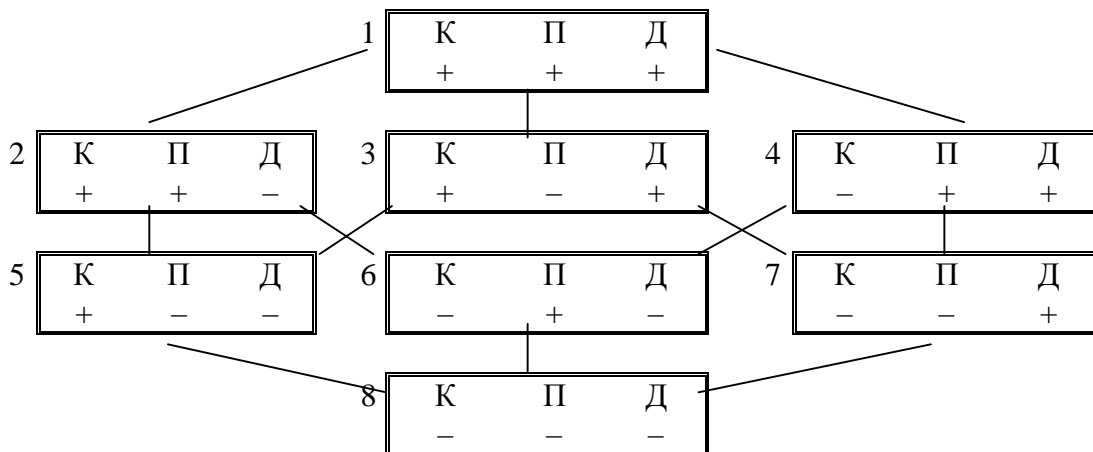
2.4. Место омонимии в языке-системе

При формальном анализе, базируясь на трёх наиболее общих признаках, характерных для любого письменного языка, использующего буквенный алфавит: качество букв в словоформе (К), порядок следования букв в словоформе (П) и длина словоформы (Д), – были выведены восемь подсистем и среди них две интересующие нас – подсистема 1 и подсистема 4 [80: 57 – 63]. Формализм вывода здесь имел следующий характер: мы знаем значение словоформ, но не пользуемся им при дальнейшем построении других систем. Такое разрешение нам дают логики: "Итак, чисто формальной относительно анализа (философского или метатеоретического) будет языковая система, анализ которой не опирается на семантическое содержание системы. Не опираться на семантическое содержание можно либо потому, что его вообще нет, либо потому, что оно, вообще говоря, имеется, но никак нами не используется" [132: 62–63].

Подсистему 1 должны наполнять словоформы, имеющие одно и то же качество составляющих их букв, расположенных в одном и том же порядке, и имеющие одинаковую длину. Такими элементами будут многократные или од-

нократные вхождения словоформ типа *печь, печь,...*, *печь; смолы, смолы; плачу, плачу; план, план; рублю, рублю* и т.п. Омонимы в этой подсистеме формально могут быть выделены только через различное окружение и разные матрицы симметрично-асимметричного типа. То же относится и к полисемии.

Рис. 2.10. Формальная система омонимии

Построим такую матрицу, куда в столбцы будем вносить слова, имеющие линейную симметрию (размерностью 3) или одинаковые начала, сохраняющие эту одинаковость при увеличении длины слова на 1 знак, на 2 знака и на 3. В строки будем вносить слова, различающиеся начальной буквой, но сохраняющие остальные.

Столбцы при таком условии будут иметь начальную симметрию и конечную асимметрию. Строки будут иметь начальную асимметрию мерностью в 1 знак и последующую симметрию.

Матрица 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9
жар	пар	фар	дар	бар	вар	кар	нар	чар
жара	пара	фара	дара	бара	вара	кара	нара	чара
жару	пару	фару	дару	бару	вару	кару	нару	чару
жаре	паре	фаре	даре	баре	варе	каре	наре	чаре
жаром	паром	–	даром	баром	варом	каром	наром	–
жарой	парой	фарой	–	–	–	каррой	–	чаррой
–	пары	фары	дары	бары	–	кары	нары	чары
–	парах	фарах	дарах	барах	–	карах	нарах	чарах
–	парам	фарам	дарам	барам	–	карам	нарам	чарам
–	парами	фарами	дарами	барами	–	карами	нарами	чарами

Матрица может и дальше расти по горизонтали и вертикали. Так, в 10-й столбец можно будет внести элемент *таре*, в 11 – *шаре*, в 12 – *харе*, далее – *заре*, *ларе*, *царе*, что даст возможность вносить по вертикали *заря*, *зарей* и далее

со сменой гласных – *зори, зорь, ларь, царь* и т.п. (своего рода гомологические сдвиги по В.А. Карпову).

Мы сознательно идем на симметризацию матрицы, зная, что формы *фар* и *дар* имеют разное грамматическое значение, т.е. в этом плане они асимметричны, а во втором столбце пересекаются формы 3-х лексем: *пар, пара* и *паром*. Формально же можно говорить только о полноте-неполноте системы и типах заполнения матрицы, предполагающих, что разница в заполнениях обязательно должна обнаруживать при содержательном анализе семантико-грамматическую разницу.

При 12-ти потенциальных формах глубина матрицы имеет размер 10, что уже предполагает омонимию как совпадение форм при несовпадении значений. В случае *пАрОм* мы имеем два ударения, что также может свидетельствовать об омонимии. При этом мы имеем 5 типов заполнений:

- тип 1 – вырожденный, неполный – 6-й столбец (5 форм);
- тип 2 – вырожденный, неполный – 1-й столбец (6 форм);
- тип 3 – с одной "-ом"-дыркой – 3 и 9 столбцы (9 форм);
- тип 4 – с одной "-ой"-дыркой – столбцы 4, 5, 8 (9 форм);
- тип 5 – полный – столбцы 2, 7 (10 форм).

Формально можно говорить о полноте-неполноте системы и неформально – о разной степени совпадений-несовпадений форм и семантик в рамках симметрично-асимметричной матрицы:

1. *жар:жара* родовая, один корень;
2. *пар:пара:парОм* родовая, разные корни;
- 3, 4, 6 нет омонимов межпарадигматических (наложений), есть внутрипарадигматическая омонимия;
5. *бар:бары* (господа) разные корни, нет родового противопоставления;
7. *кар:кара:карЕ* родовая, заимствованное:свое, изменяемое: неизменяемое, разнокоренные;
8. *нар* (гранатник):*нары* разнородовые (мужской род противопоставляется нулю рода), разнокоренные;
9. *чара* (сосуд): *чары* разнокоренные, разнородовые (женский род противопоставлен нулю рода).

Из 9 столбцов матрицы только в 4-х нет межпарадигматической омонимии, остальные столбцы предельно омонимичны.

Подсистему 4 рис. 2.10 при условии, что вариантом разного качества букв может считаться их размер – *к:К*, также наполняют омонимы типа *Лада* (автомобиль) и *лада* (лад), *газ* и *ГАЗ* (Горьковский автозавод) и т.п. Среди таких слов мы видим омонимичные противопоставления уже другого вида – обычное слово: аббревиатура, имя нарицательное:имя собственное и другие типы.

Такое симметрично-асимметричное представление уже задает направления исследования омонимии:

1. внутрипарадигматической:межпарадигматической в рамках одного класса и разных классов;
2. однородовой:разнородовой также в рамках одного и разных классов;
3. однопадежной:разнопадежной;
4. одночисловой:разночисловой;
5. своё:чужое;
6. обычное слово:аббревиатура.

Симметрия/асимметрия, как мы доказали выше, служат фундаментальными категориями для выделения омонимии как общего свойства объектов одного рода и разного рода.

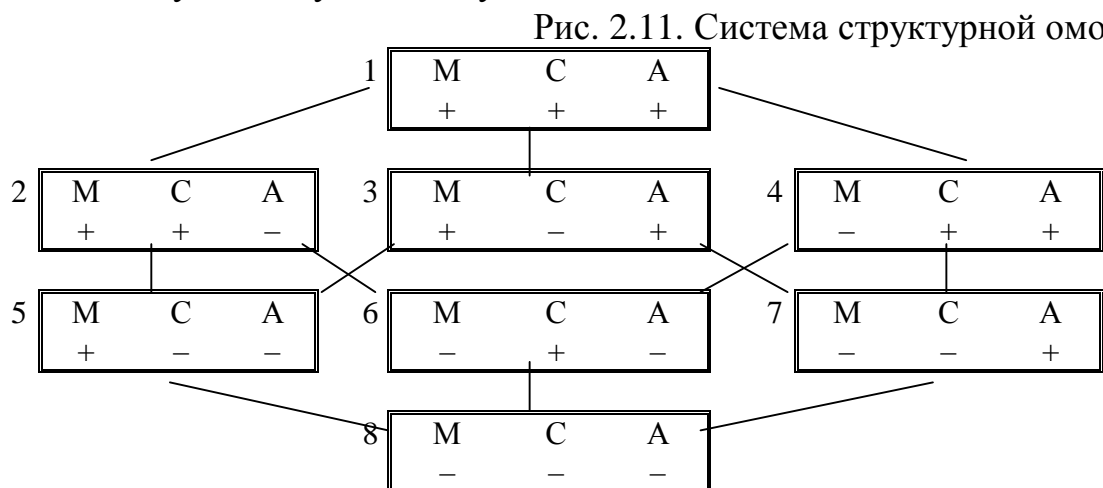
Две подсистемы из восьми октета КПД содержат омонимы, т.е. даже при таких признаках формального рассмотрения словоформ рассыпанного на словоформы универсума можно говорить о 25-процентной теоретически возможной омонимии на уровне подсистем словоформ.

Это важно – теоретически предсказать минимум и наблюдать в дальнейшем его сохранение/несохранение или убывание/возрастание. Наиболее важный итог этого раздела: омонимия заложена в системе, и ее теоретически предполагаемый минимум выражается 25-ю процентами.

2.4.1. Структурно-морфологическая сторона омонимии

Все словоформы русского языка могут быть рассмотрены с точки зрения их структуры. Наиболее общие типы создания слов сводятся к морфологическому (аффиксации), словосложению и аббревиации. Насколько морфология пронизывается омонимией? Другими словами, имеется ли связь между степенью омонимичности слова и способом его создания (скрытая структура), или количеством (число омонимов среди слов определенного типа) и качеством (структура слова)?

Обозначим буквами "М" префиксально-аффиксальный способ (чисто морфологический), буквой "С" – словосложение, буквой "А" – аббревиацию и построим целостную связную систему в виде 8-ми подсистем.

Мы выделяем словосложение и аббревиацию из аффиксации по той простой причине, что при словосложении связываются 2 или более семантик и последняя из них может иметь суффикс, а в аббревиации имеет значение и синтаксис сжимаемых до слова моделей. Отсутствие суффикса здесь осложняет процесс словоизменения – редкие аббревиатуры склоняются.

Подсистема 8 будет содержать слова-омонимы, введенные в систему всеми остальными способами: заимствования, разошедшуюся полисемию, метафорические – т.е. не предполагающие аффиксацию, словосложение, аббревиацию, так как на это указывают минусы в коде подсистемы-ниши. Например: *бюро*, *пюре*, *кюре* – неизменяемые, заимствования, представляющие полную омонимию – все падежные формы – в одной (их свыше 500).

Подсистема 5 будет содержать все разновидности аффиксальной омонимии: беспрефиксные (*пол:пола:поле; бур:бур:буря*), префиксально-суффиксальные (*запал* от *запалить* и *запасть*, *пришли* от *прийти* и *прислать*, *повести* от *повесть* и *повести* и многие другие; омоузлов такого типа отмечено в анализе свыше 1400). Число внутривариативных омонимов существительных можно определить в минимуме как 56332, прилагательных как 24786. По данным БУОМ (ОС), 3776 лексико-грамматических омонимов, совпадающих в исходной словарной форме, 587 слов общего рода (мужской и женский). Это максимально нагруженная омонимией подсистема.

Подсистема 6 представляет омонимию внутри сложных слов на уровне омонимии морфем, ср. *нар-суд* (народный суд) и *суд-пром* (судостроительная промышленность), *ком-бат* (командир батальона) и *парт-ком* (партийный комитет) и т.п. По предварительным подсчетам, таких морфем около 100. Выяснение полного списка омонимичных морфем на базе имеющейся в НИЛ ТиПЛ картотеки сложных слов объемом свыше 50 тысяч единиц – это отдельная специальная работа.

Подсистема 7 будет содержать омонимы межаббревиатурные, такие, как ДЛП = *демократическая лейбористская партия* и ДЛП = *деревянный легкий парк*, ДК = *дизельный кран*, ДК = *дегазационный комплект*, ДК = *диспетчерский контроль*, ДК = *дом крестьянина*, ДК = *Дворец культуры*, ДК = *дыхательный коэффициент*, ДК = *десантный корабль* и другие (свыше 6 тысяч случаев).

Подсистема 2 содержит омонимические оппозиции между морфологическими и сложными словами: *пол/зала* и *ползала*, *волком* и *вол/ком* (волостной комитет), *полочка* и *пол-очка* (всего 7 случаев), но подсистема не пуста. Более тщательный анализ сложных слов ещё ждёт исследователя, но большого увеличения вряд ли стоит ждать. Подсистема 3 содержит омонимы типа *рву* (рвать), *рву* (ров) и РВУ=*радиовещательный узел*, *сна* (сон) и СНА=*союз народов Анголы* и т.п. Местами создается своего рода системная морфология при создании названий автомобилей: *ЛАЗ* и *лаз* (1 и 2), *ПАЗ* и *паз*, *ГАЗ* и *газ*. Пока мы насчитали около 150 случаев.

Подсистема 4 должна содержать омонимию сложных слов и аббревиатур. Пока мы не смогли найти примеров её заполнения. Но в качестве гипотезы о причинах неполноты целостной системы мы выдвигаем следующую: незаполнение этой подсистемы обязано дисгармонии (невзаимодействию) двух разнонаправленных процессов. При словосложении резко увеличивается длина буквенного слова, при аббревиации ещё более резко сокращается длина сжимаемого буквенного словосочетания (ср. сложные слова, второй элемент которых содержит формант *-ние* – *горо/образование, капитал/вложение*, и РВС (революционный военный совет). При этом отмечается еще один вытормаживающий фактор – аббревиатуры часто в фонетическом отношении не соответствуют фонетическим рисункам обычных слов и словосложений.

Подсистема 1 должна представлять омонимию аффиксальных слов, словосложений и аббревиатур. Она также пуста по вышеизложенным причинам, усугубляемым ещё и тем, что к предполагаемой омонимичной оппозиции добавляются еще и слова, созданные с помощью аффиксации. Таким образом, система заполнена на 75 процентов. Как видно из наполнения, не все подсистемы содержат одинаковое количество омонимов, что показывает зависимость степени омонимичности слов от их структур.

Омонимия аббревиатур и ее связи с другими подсистемами будут рассмотрены в отдельной главе.

2.5. Общая классификация омонимов в письменных и устных текстах (детализированное и избыточное представление)

Общая классификация письменных видов омонимии, доказавшая существование для русского языка 8-ми типов омонимов, сделанная с учетом части речи, или класса слов (К), грамматической позиции словоформ (П) и корневой матрицы (М), имеется в работе "Язык как система" [80: 223-225]. Там доказывается главным образом симметрично-асимметричный аспект проблемы омонимии, указываются направления исследований. Но это не законченная работа, а лишь толчок к дальнейшему анализу, так как в ней не рассмотрен ряд важных моментов: а) количественный аспект проблемы, б) не развита идея связи омонимии и полисемии, в) не детализированы подсистемы в плане более мелких категориальных особенностей (рода, числа, падежа, лица и т.п.).

К описанным выше трем исходным признакам: класс (К), позиция (П), матрица (М), – введем четвертый признак – тождество графического и фонетического слова, или знаковое единство (З) при плюсе и отсутствие его при минусе. Этим мы перекинем мостик между письменной и устной манифестацией речемыслительной деятельности и просто расщепим каждое из восьми описанных В.А. Карповым подмножеств на 2 подподмножества и получим 16 связанных подсистем омонимии.

Из-за громоздкости куба, демонстрирующего переходы, связи, контражность 16-ти подсистем, коды и примеры мы выносим в изоморфную матрицу 7, которая сохраняет контражность подсистем в отличие от матрицы 4 Л.В. Малаховского [109: 67]. Кстати, подобный тип матриц в лингвистике не нов, они использовались А.Е. Михневичем [115: 41-43, 67], В.А. Карповым [78: 274-275 с формульным выводом], П.А. Соболевой [152], Ю.К. Лекомцевым [103: 44, 68] и другими авторами.

В отличие от результатов Л.В. Малаховского, где на английском материале при 4-х признаках было получено 9 подсистем омонимов и 7 неомонимичных подсистем, что уже критично, данная матрица даёт 8 типов признаков антиподов. Собственно омонимичных антиподов у Л.В. Малаховского всего 2 пары: омофон/омограф и лексическое/грамматическое: + – – + FAIR = *ярмарка* и FARE = *плата за проезд* – омофоны чисто лексические; – + + – USE – *польза* и *использовать* – омографы чисто грамматические; + – + – PRACTICE = *практика* и PRACTISE = *практиковать* – омофоны чисто грамматические; – + – + BOW = *лук* и *поклон* – омографы чисто лексические.

Вывод: если логика противопоставлений верна, все остальные оппозиции также должны представлять омонимы, или наоборот, если 5 омонимичных подтипов противопоставляются 5-и неомонимичным подтипам, то и остальные 4 должны противопоставляться неомонимичным. Мы оставляем эту непоследовательность автору, считая, что такое несоответствие уже показывает неравновесность признаков, взятых для классификации, и неучет системных (симметрично-асимметричных) параметров.

Матрица 7

№ п/п	Набор признаков	Примеры
	К П М З	
1	а. + + + +	полька, финка, канадка, подвести
	б. + + + –	нарЕзАть, прОволОчка, попАдАть
2	а. + + – +	папка, папочка, мочка, соль, пион
	б. + + – –	мУкА, АтлАс, пирОгА, пАрИть, спАлА
3	а. + – + +	лирика, физика, графика
	б. + – + –	кУмА, жАрА, рУкИ, нОгИ
4	а. – + + +	кондитерская, придворный, запевала
	б. – + + –	жАркОе, мАстерскАя, вЕртЕл
5	а. + – – +	кома, замочка, мни, вели
	б. + – – –	пАрОм, чУмА, дЕлИ, пИлИ, пАлИ
6	а. – + – +	распил, надел, пух, простой
	б. – + – –	намОлОт, дорОгА
7	а. – – + +	тепло, зло, добро, верхом, ночью, вой
	б. – – + –	клАдИ, тОпИ, гОстИ, мЕстИ, пЕклА, нОшУ
8	а. – – – +	уж, три, при, ушей, полей, неволю
	б. – – – –	пОтОм, ИздАли, мОлИ, ИзвестИ

В нашей матрице 7 все 16 подсистем разделены на 8 пар антиподов, и во всех подсистемах находятся омонимы.

Среди них 8 типов одноклассовых и 8 – разноклассовых омонимов, 8 типов однопозиционных и 8 – разнопозиционных омонимов, 8 типов однокоренных и 8 – разнокоренных, 8 типов графических и 8 – фонетических омонимов. Из 16 подсистем лишь подсистемы 1а и 1б представляют вместе омонимию и полисемию. При этом подтип "б", где слова имеют различное ударение, уже может считаться неполисемичным. В подсистеме 1а необходим более углубленный этимологический анализ. С его помощью можно выработать надежные критерии раздела.

Мы не можем за неимением места посвятить отдельный раздел установлению границ омонимии и полисемии, кроме указанного отсечения с помощью данной классификации, отметим только, что методы, указанные М.И. Задорожным: операционное определение, разложение на семантические составляющие (многоступенчатое перифразирование, "портретирование", оппозиционный анализ, разбиение множеств) и другие методики, – достаточно громоздки и практически все неформальны, базируются на предварительном знании семантики, а это знание субъективно [73]. Классификации с меньшим числом базовых признаков являются более общими и универсальными, каждый новый введенный признак начинает быть избыточным. Докажем этот вывод об избыточности признаков деления построением матрицы, базирующейся на использовании 5-и признаков.

Признаки класса, позиции, матрицы мы сохраняем как базовые, добавляя по отдельности как новые признаки "сохранение графического слова" и "сохранение фонетического слова". При 5-ти признаках мы должны получить 32 подсистемы.

Таким образом, выведен 21 тип омонимов из 32 теоретически заложенных матрицей, что более чем вдвое превышает число типов (9) у Л.В. Малаховского. Отмечены 4 типа вариантов слов и 3 типа разных слов:

2. + + + + – омонимия *прОволОчка* и *пЕтлЯ* (акцентуальные варианты)

3. + + + – + *столБ:столП*, *аБсида:аПсида* (графические варианты)

15. + + + – – *Галоша:Калоша*, *лжа:ложь* (орфографические варианты)

22. + – + – – *идиом* и *идиома* (орфо-акцентуальные варианты)

27. + – – – – *лоДка:лоТка* (*лОтка*) (разные слова)

28. – + – – – *вижу сороК (40) книг* и *ловлю сороГ* (разные слова)

Четыре подсистемы с кодами 32 (– – – – –), 21 (+ + – – –), 25 (– + + – –), 29 (– – + – –) пусты.

Разная графика и разное звучание вместе приводят к разным словам, как это видно из 8-и подсистем с двумя последними минусами. В 4-х случаях оказалось невозможным даже подобрать примеры, чтобы определить тип этих подсистем.

Матрица 8

	К П М Г Ф		Иллюстрации наполнения подсистем
1.	+ + + + +		канадка (нация и куртка), подвести
2.	+ + + + -	*	прОволОчка и пЕтлЯ
3.	+ + + - +	*	столБ:столП, аБсида:аПсида
4.	+ + - + +		папка, спал
5.	+ - + + +		лирика, дочери, солдат
6.	- + + + +		запевала, вышибала, воротила
7.	+ + - - +		труД:труТ, моГ:моК, порОГ:пОрОк:пАрОк
8.	+ - - + +		кома, замочка, леса, пошли(пойти:послать)
9.	+ - + + -		кУмА, рУкИ, кОробкА, трАвЫ
10.	+ + - + -		мУкА, АтлАс, плАчУ (платить и плакать)
11.	- + - + +		надел, пила, задел, раздел
12.	- - + + +		тепло, добро, зло; бряк, скрип
13.	- + + + -		вЕртЕл, жАркОе, ИзвЕрг
14.	- + + - +		Благодатный:благодатный, Чудный:чудный
15.	+ + + - -	*	Галоша: Калоша, лжа:ложь
16.	+ - + - +		бедняГ:бедняК (от бедняга и бедняк)
17.	- + - + -		сЕлО, намОлОт
18.	- - - + +		при, три, трону,дох, сох, сосну, блесну
19.	+ - - + -		пАрОм, чУмА, сОрОм, дОмЕн, мУкИ
20.	+ - - - +		ноГ:ноК, ноЖ:ноШ, труБ:труП, мыЗ:мыС
21.	+ + - - -		
22.	+ - + - -	*	идиом и идиома, клавиш и клавиша
23.	- - + - +		
24.	- + - - +		молоД:молоТ, гаЗ:гаС
25.	- + + - -		
26.	- - + + -		кЛАДИ, нОшУ, стОрожУ, стУжУ, бЕгОм, вЕрхОм
27.	+ - - - -	*	лоДка:лоТка (лОткА)
28.	- + - - -		вижу сОрок(40) птиц: ловлю сорОк
29.	- - + - -		
30.	- - - + -		ИздАли, мЕстИ, дОмА, вЕршУ, слЕзУ
31.	- - - - +		запруД:запруТ, болиД:болиТ, сосудД:сосуТ
32.	- - - - -	*	полностью различные слова

Подтверждением достаточности трех базовых признаков для достаточно надежной и в то же время фундаментальной классификации служат результаты исследования триплетных кодов (код состоит из 3-х элементов более низкого уровня) Р.Г. Баранцева и В.А. Карпова. В работе первого из авторов "Системные триады и классификация" содержится философское обоснование отхода от привычной дихотомии к политомии [30]; в работе второго доказываемся изоморфизм таких фундаментальных триплетных систем, какими являются генетический код, барионный код, языковой код и код кристаллов [81].

Наиболее общие выводы второй главы относятся к тому, что:

- симметрия/асимметрия служат базой для появления омонимии;
- эти принципы, заложенные в аппарате классификации, позволили вывести непротиворечивые логико-содержательные классы омонимов;

– изменения в системе языка в виде трех основных (количественные, качественные, относительные) и их комбинаторики затрагивают как систему в целом, так и систему омонимии как часть целостной системы;

– фундаментальные явления конвергенции/дивергенции и свойства рефлексивности/ нерефлексивности распространяются и на омонимию, выводя это явление за рамки языка.

ГЛАВА 3. ВНУТРИКЛАССОВАЯ, МЕЖКЛАССОВАЯ И МЕЖСИСТЕМНАЯ ОМОНИМИЯ

3.1. Внутриклассовая омонимия существительных

На наш взгляд, самый мощный пласт грамматической омонимии должна представлять внутриклассовая омонимия. Эта гипотеза основывается на том простом основании, что наиболее мощные по объему части речи: существительные, прилагательные и глаголы – имеют хорошо развитую систему словоизменения. Сопряжение же двух систем – системы словоизменения с системой словообразования при ограниченном числе финальных букв (32) может приводить к совпадению форм, или омонимии.

Наиболее продуктивной частью речи по наличию омонимичных форм является класс существительных. Достаточно упомянуть регулярное неразличение именительного и винительного падежей у неодушевленных существительных мужского рода и тех же форм у существительных среднего рода, а также суффиксальных *-еть/ -ость* существительных женского рода. Еще больше совпадений у прилагательных мужского и среднего рода, полное совпадение парадигм прилагательных всех 3-х родов во множественном числе.

Если внутрипарадигматическая омонимия столь системна и велика, можно предполагать существование межпарадигматической омонимии, связанной уже не столько со словоизменением, сколько со словообразованием.

Для иллюстрации внутриклассовой омонимии существительных построим треугольную декартову матрицу 9, используя 6 падежей в форме единственного числа.

Матрица 9

	И – Е	Р – Е	Д – Е	В – Е	Т – Е	П – Е
И – Е	мУкА пОрА	бЕлкА лУкА	гОрЕ пОлЕ	физика дочь	сором зАлОм	гОрЕ пОлЕ
Р – Е		зАмкА мОчИ	мышь ночи	физика вепря	рабочей гостиной	мышь ночи
Д – Е			кАрЕ мУкЕ	бЕлкУ лЕсу	кАрЕ прОбОю	бЕлкЕ саду
В – Е				зАмОк АтлАс	гЕнОм зАлОм	лесу пОлЕ
Т – Е					мУкОй АтлАсом	кУпЕ
П – Е						бЕлкЕ лЕсе

Треугольная матрица представляет 21 подтип теоретически возможных пересечений (совпадений) форм существительных. В формах единственного числа

вся матрица заполнена. Этот факт однозначно свидетельствует о том, что на классе существительных отмечена предполагаемая теоретически симметрично-асимметрия формы и содержания, или омонимия. Она имеет как внутрипарадигматическую, так и межпарадигматическую реализацию. Поскольку в примерах присутствуют иллюстрации существительных всех 3-х родов, то можно лишь предполагать и далее рассматривать омонимию, связанную с категорией рода. Форма же единственного числа не препятствует существованию омонимии.

Если в отношении оппозиции "именительный:именительный" и остальных клеток диагонали омонимов-существительных, по данным Обратного словаря, содержится 1556 единиц (вся диагональ содержит 9336 омопар), то далее по строкам, где идут оппозиции типа *лук:лука, белок:белка, гора:горе, физик:физика, сор:сором, пол:пола:поле* и им подобные, мы уже только доказываем факт заполнения клетки, но не его количество, так как для получения точных данных необходим просмотр всех 120 тысяч слов во всех словоформах. Это не входит в цели работы и не под силу одному человеку. В рамках работ НИЛ теоретической и прикладной лингвистики готовится программа машинной выборки всех омонимичных узлов на полном словаре словоформ.

При построении аналогичных матриц с учетом форм множественного числа обнаружилось, что из 21 одной теоретически возможной подсистемы пересечений реализовано лишь 9. Этот факт говорит о том, что категория множественного числа является определенным тормозом для развития омонимии. Этот "тормозящий" момент заключается: а) в меньшем разнообразии окончаний множественного числа; б) в меньшем совпадении благодаря различной морфологии, ср.: *пар–пары и паром–паромы, ген–гены и геном–геномы* и т.п.

Отметим, что несклоняемые существительные могут занимать каждую клетку из 21 теоретически возможной. Свой вклад вносит и вариативность окончаний (ср.: *в доме и в лесу, в бою и о бое*). Последний пример показывает возможность выделения в рамках предложного падежа двух качественно различающихся – чисто местного падежа и собственно предложного (падежа темы).

3.1.1. Межкатегориальная омонимия (родовая)

Части речи как классы слов формируются на базе тех или иных видов категориальной общности с минимумом различий внутри категорий. Согласно ОТ-СУ, общность может быть непротиворечивой (1) и противоречивой (2). Лингвистическую непротиворечивость можно представить как невозможность противопоставления по какому-либо категориальному или другому признаку, взаимодействие представителей двух классов слов (предлога и союза и т.п.). При взаимонедействии нельзя ожидать каких-либо результатов. Противоречивость общности обязательно связана с взаимодействием, взаимовлиянием одного элемента на другой. В результате взаимодействия и возникает противоречие

в виде неопределенности грамматического, лексического и синтаксического плана.

Категория рода – одна из мощных категорий, связывающих разные части речи: существительные, прилагательные, местоимения, отчасти глаголы (в прошедшем времени).

Межкатегориальная родовая омонимия предполагает два вида:

1) имеются однокоренные и разнокоренные формы родовых парадигм типа *жар:жара* или *чум:чума*, и в них обнаруживается внутрипарадигматическая и межпарадигматическая омонимия;

2) неизменяемые существительные, относимые в ряде случаев к одному и только одному роду, в других же случаях – двуродовые и даже трехродовые и неизменяемые прилагательные типа *экстра*, *беж*, *хаки* и другие.

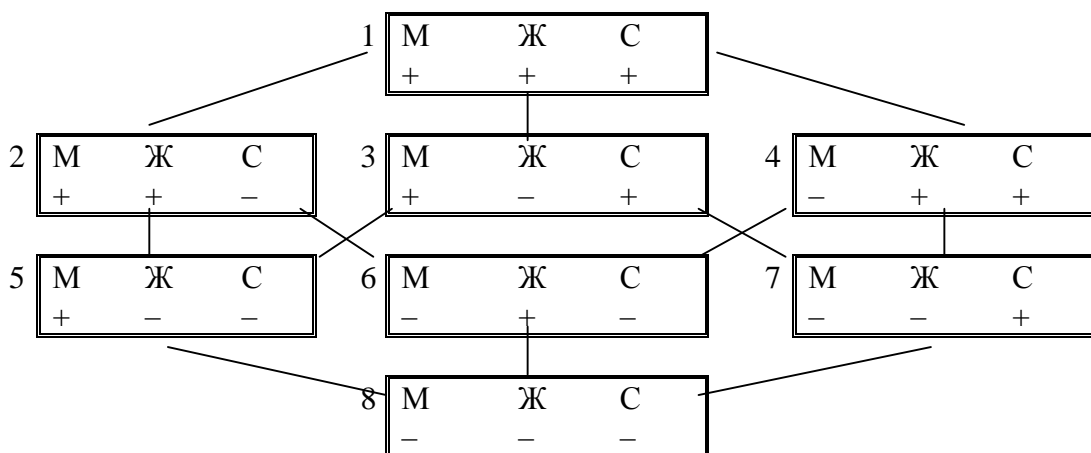
Рассмотрим первый вид. Несложно обнаружить омонимичные пересечения форм 8-и типов при 3-х исходных признаках – мужской род (М), женский (Ж) и средний (С).

1) омонимия между парадигмами слов всех трёх родов – *туш:туша:туше*; *мор:мора* (размер в стихе):*море*; *пол:пола:поле*, *ник:ника:нике*; *кар:кара:каре* и им подобные. Эта подсистема невелика, она может пополняться за счет перехода слов из подсистем 2, 3 и 4 при появлении пересекающихся форм;

2) омонимия между парадигмами слов мужского и женского рода – *бур:бура:буря*; *банк:банка*; *бор:бора*; *баз:база*; *бит:бита*; *бочок:бочка*; *белок:белка*; *балок:балка*; *бард:барда*; *барк:барка* и т.п. – как однокоренных, обусловленных системой морфологии, так и случайных, разнокоренных;

3) омонимия между парадигмами слов мужского и среднего рода – *тест:тесть:тесто*; *тир:тире*; *век:веко*; *тавр:тавро*; *делец:дельце*; *донец:донце*; *день:дно*; *сель:село*, *чад:чадо*; *суд:судно* и т.п., – здесь уже преобладают разнокоренные слова.

Рис. 3.1. Внутрикатегориальная (межродовая) омонимия

4) омонимия между парадигмами слов женского и среднего рода – *вина:вино; гора:горе; уха:ухо; железа:железо; ложа:ложе; руна: руно; игла:иглу* и т.п.; как правило, разнокоренные слова.

5) омонимия внутри парадигм слов мужского рода и между парадигмами разных слов одного рода: *пАром* и *парОм*, *хорь* и *хорей*, *баск* и *басок* и т.п.;

6) омонимия внутри парадигм слов женского рода и между парадигмами разной степени регулярности: *нОги:ногИ*, *рУки:рукИ*, *трАвы:травЫ* и т.п. Более регулярная омонимия в примерах типа *мУкА*, *лейка*, *такса*, *байка*, *шайка*, *пайка* и им подобных;

7) омонимия внутри парадигм слов среднего рода (*окно* – именительный и винительный падежи совпадают) и тысячи подобных;

8) омонимия между парадигмами слов или словами, не обладающими категорией рода или не противопоставляемыми в случаях совпадения по этой категории как признаку, ср. *пИщу:тищУ*; *сАжу:сажУ*, *мОю:моЮ*; разнокоренные и однокоренные разноклассовые слова.

Как видим, существование точечно-начальной и линейной симметрий связано с внутрикатегориальной (3 подсистемы) и межкатегориальной (4 подсистемы) омонимией на фоне подсистемы омонимии качественно иного рода (подсистема 8).

Кроме того, если считать, что принадлежность к разным родам может создавать омонимию, то ещё одна разновидность родовой омонимии как неопределённости представлена существительными, которые относятся и к женскому, и к мужскому роду: *хлебала*, *вышибала*, *обирала*, *задирала*, *зубрила*, *ловчила* – и им подобными, совпадающими с соответствующими родовыми формами глаголов прошедшего времени, т.е. междуклассовой омонимии, но это будет рассмотрено позже. Сейчас рассмотрим омонимию как внутриклассовую, различающуюся родом существительных. Сюда относятся слова мужского и женского (общего) рода, такие, как: *растяпа*, *недотёпа*, *шушера*, *задира*, *сирота* (полный список см. в Приложении 4).

Неизменяемые существительные и прилагательные представляют максимум омонимии, так как в единственной существующей форме представляют все потенциально возможные для имён 12 число-падежных форм. Рассмотрим эту разновидность на том же рис. 3.1, но с новым наполнением.

Подсистема 8 представляет слова русского языка, не обладающие категорией рода. Лишь на фоне такой подсистемы и в обязательной связи с ней (на что указывают ребра куба) можно говорить о роде как языковой категории. С другой стороны, эта подсистема содержит омонимы, не противопоставляемые по категории рода.

Подсистема 5 наполнена неизменяемыми словами, относящимися только к мужскому роду; по данным Обратного словаря, их 127: *чичероне*, *крупье*, *мсье*, *атташе*, *реферери*, *какаду* и т.п.

Подсистема 6 содержит неизменяемые слова, относящиеся только к женскому роду, их 40 по ОС: *леди, мадам, кольраби, медресе* и ряд других.

Подсистема 7 наполнена неизменяемыми словами, относящимися только к среднему роду: *ампула, суфле, пенсне* (360 по ОС).

Подсистема 2 содержит неизменяемые слова, относящиеся к мужскому и женскому роду (их 7) – *ультра, удэхе, визави* и др.

Подсистема 3 наполнена неизменяемыми словами, относящимися к мужскому и среднему роду (29) – *га, альпага, алкали* и др.

Подсистема 4 пока пуста. Словарь не отмечает на сегодня неизменяемых слов, относящихся к женскому и среднему роду. И это объяснимо. Мужской и средний род коррелируют по ряду окончаний, женский и средний – крайне редко. Подсистема 1 наполнена неизменяемыми словами, относящимися сразу к трем родам; таких слов 5 по ОС: *протеже, растрепе, виски, гну, цирлих-манирлих*.

И здесь видим, что целостная система рода несклоняемых существительных полна, за исключением одной подсистемы. Пути развития системы омонимии этого вида соответствуют движению вверх от подсистемы 8: 8-5-2-1, 8-6-2-1, 8-5-3-1, 8-7-3-1. Два пути вытормаживаются отсутствием в системе неизменяемых слов женского и среднего рода.

3.1.2. Род, одушевленность и омонимия

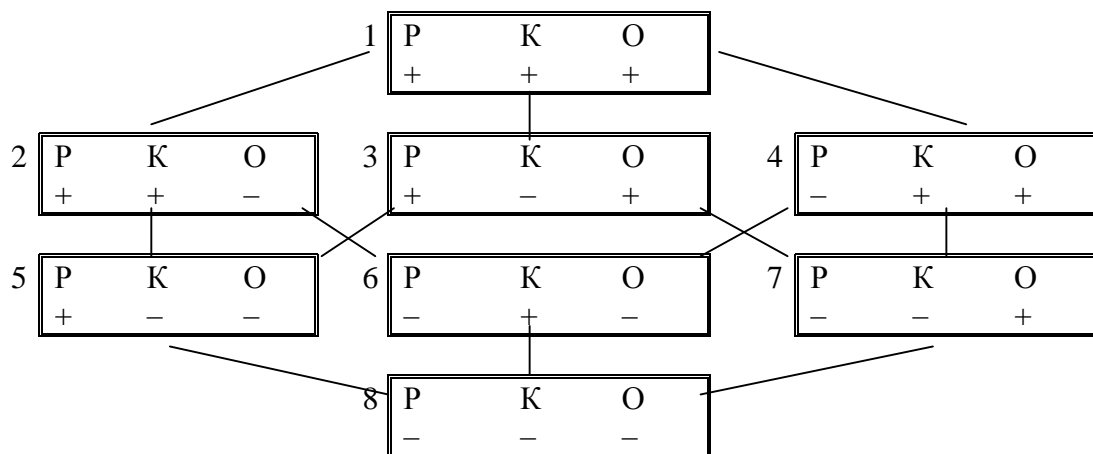
Наличие большого числа омонимичных родовых пар (*чум:чума, кум:кума, тир:тире, тест:тесто, пол:пола:поле* и т.п.), где противопоставляются однокоренные и разнокоренные слова, вынуждает рассмотреть в связи с категорией рода и категории одушевленности : неодушевленности.

Одушевленность как категория связана формальным признаком (выделяемым) чаще с мужским родом, но противопоставление выраженной и невыраженной одушевленности для омонимии не помеха. Обозначив совпадение пар в роде через Р (+), совпадение по корню через К (+) и наличие признака одушевленности у обоих членов или хотя бы у одного через О (+), а все несовпадения знаком (–), построим систему-классификацию межкатегориально-лексического типа омонимов-существительных в виде октета.

Все теоретически предполагаемые подсистемы оказались заполненными, что говорит о том, что 3 исходных признака находятся в теснейшей логико-грамматико-семантической связи.

Подсистема 8 представлена парами *чум:чума, пятка:пяток, проба:пробой, тир:тире, тест:тесто, хор:хоромы* и т.п. – разнородовыми (или не противопоставленными по роду), разнокоренными и неодушевленными существительными.

Рис. 3.2. Комбинированная система омонимии

Подсистема 5 иллюстрируется омопарами *пар:паром*, *атлас:Атлас*, *полк:полок*, *зал:залом* и т.п. – однородовыми, разнокоренными и неодушевленными существительными.

Подсистема 6 представлена словами *глотка:глоток*, *ложка:ложок*, *сосок:соска*, *возок:возка* и т.п. – разнородовыми, однокоренными, неодушевленными.

Подсистема 7 заполнена парами *фат:фата*, *рак:рака*, *вол:воля*, *бард:барда* и им подобными – разнородовыми, разнокоренными и одушевленными (попарно или хотя бы одно) существительными.

Подсистема 2 иллюстрируется парами *ген:геном*, *Отруб:отрУб*, *прОволочка:проволОчка*, *сеча:сечь*, *суша:сушь* и т.п. – однородовыми, однокоренными, неодушевленными существительными.

Подсистема 3 представлена парами *фантом:фант*, *соня:сонь*, *хорь:хор*, *хорь:хорей*, *баск:басок*, *посол:посол* (от "послать" и "посолить") и т.п., где омонимичными будут однородовые, разнокоренные и одушевленные (хотя бы одно) существительные.

Подсистема 4 представлена парами *кум:кума*, *голубок:голубка*, *рыбачок:рыбачка*, *морячок:морячка*, *внучок:внучка* и т.п. Морфология создания таких пар системна, поэтому эта подсистема заполнена больше других.

Подсистема 1 иллюстрируется пока единственным примером – *господин:господь* (*гОспода*). Но и она не пуста, хотя ограничения в виде 3-х плюсовых признаков – это очень сильный тормоз, здесь должны быть однородовые, однокоренные и одушевленные существительные. При этом – омонимы. Но здесь же будут находиться все формы одушевленных существительных мужского рода, омонимичные в родительном и винительном падежах. Это значит – десяток тысяч пар противопоставлений.

Степень заполняемости подсистем неодинакова. Меньше всего заполнены подсистемы 3 и 7, видимо, требование разных корней при одушевленности является очень сильным.

В связи с этим рассмотрением отметим, что лексико-грамматическая омонимия среди этого вида омонимов предельно высока. Она поднимается от 4-х омопар до 18-ти в рамках двух парадигм. При этом точно так же убывает число неомонимичных форм в парадигмах. При двух неомонимичных формах – это почти всегда формы творительного падежа.

Омопар		Неомонимичных форм	
<i>хор:хоромы</i>	4	10	(<i>хором</i> и <i>хоромами</i>)
<i>ген:геном</i>	6	15	(<i>геном</i> и <i>геномом</i>)
<i>пар:паром</i>	6	15	(<i>паром</i> и <i>паромам</i>)
<i>пробой:проба</i>	8	13	(<i>пробоем</i> и <i>пробой</i>)
<i>гора:горе</i>	10	10	(<i>горем</i> и <i>горой</i>)
<i>внучок:внучка</i>	15	2	(<i>внучком</i> и <i>внучкой</i>)
<i>фат:фата</i>	18	2	(<i>фатом</i> и <i>фатой</i>)
<i>голубок:голубка</i>	18	2	(<i>голубком</i> и <i>голубкой</i>)

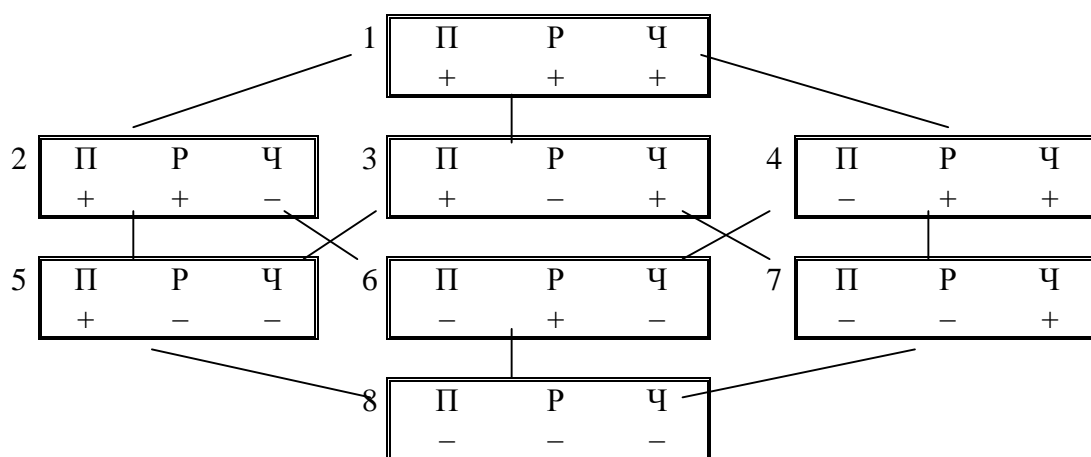
Но если сопоставить 18 омопар в реальности с 66 теоретически возможными типами идеальных противопоставлений (все формы двух парадигм противопоставляются всем), то это будет где-то около одной трети от идеала. Этот количественный вопрос мы оставляем открытым до получения полного словаря всех пересекающихся словоформ, что требует больших усилий и времени.

3.1.3. Обобщение омонимии существительных

Имя существительное характеризуется категорией рода, числа, падежа и частично одушевленности. Мы детально рассмотрели категорию рода и омонимию в чистом виде и в связях рода с одушевленностью/неодушевленностью и составом корня. Теперь нужно обобщить род и число-падежные категории.

Используя три исходных признака: падеж (П), род (Р) и число (Ч), – построим систему внутриклассовой, внутрипарадигматической и межпарадигматической омонимии существительных из 8-и подсистем в виде трёхмерного куба (см. рис. 3.3).

Рис. 3.3. Комбинированная грамматическая омонимия

Плюс означает непротивопоставление одной формы по признакам или комбинаторике признаков, понимается как "одна и та же форма падежа, родовая отнесённость, форма числа", минус – противопоставление: "разные падежные формы, отнесенность к разным родам, разные формы числа".

Все 8 теоретически предполагаемых подсистем целостной системы оказались заполненными, что говорит о том, что между исходными признаками существуют теснейшие взаимосвязи лексико-грамматического характера.

Подсистема 1 заполняется лексико-семантическими омонимами типа – *мУ-кА, пОрА, хлОпОк, зАпАх* (от "*пАхнуть*" и "*запахнУть*") и подобными.

Формально здесь представлена как омонимия на базе разошедшейся полисемии, так и омонимия, получившаяся при заимствовании слов из других систем, но получивших оформление по фонетико-морфологическим законам русского языка.

Подсистема 2 не содержит примеров изменяемых слов. При включении в список омонимов неизменяемых существительных: *купе, кюре, пюре* и т.д. – она без труда заполняется ими.

Подсистема 3 заполнена разнородовыми омонимами, у которых совпадают падеж и число: *прыгают бЕлки и белкИ полезны, летают воздушные змеи и некоторые змеи – ядовиты* и т.п.

Подсистема 4 заполняется омонимичными существительными, у которых совпадают род и число, но не совпадает падеж: *люблю ночи и ночи восхитительны* и т.д.

Подсистема 5 содержит слова, совпадающие по падежу, но различающиеся родом и числом: *синтезировали белОк и вижу бЕлок* и т.п.

Подсистема 6 заполняется словами, совпадающими по роду, но различающимися формами падежа и числа: *думаю о ночи и стоят тёмные ночи, люблю тёмные ночи* и т.д.

Подсистема 7 заполняется разнородовыми примерами, где падеж разный, а число одно: *бЕлки скачут и получаю белкИ*. Сюда же входит множество слов с суффиксами *-ОК* и *-КА*, как однокоренных, так и разнокоренных.

Подсистема 8 заполнена примерами, где не совпадают ни падеж, ни род, ни число – *стрЕлОк, бЕлОк, солдат, сук, змей* и т.д.

Полученные восемь подсистем образуют три большие подсистемы. Грань 1-2-5-3 представляет подсистему сохранения падежа, её антипод – грань 4-6-8-7. Грань 1-3-7-4 представляет подсистему сохранения числа, её антипод – грань 2-5-8-6. Грань 1-2-6-4 представляет подсистему сохранения рода. Её антиподом является грань 3-5-8-7, показывающая несохранение рода. Такое гранное обобщение в интегрированные подсистемы важно в следующем отношении. Несохраниение рода означает, что, кроме системы словоизменения, в этой целостной системе (ПРЧ) присутствует система словообразования, когда от одного корня или от разных корней образуются пары, создающие почти регулярно омонимичные отношения: *душок – душка, сучок – сучка, пушок – пушка* и т.п. В эту

подсистему попадают и случаи, когда нет противопоставления по признаку рода. Это существительные *Pluralia tantum*, не имеющие категории рода: *мощи, духи, очки* и им подобные. Сюда же попадают и названия парных предметов: *брюки, ножницы, трусы* и т.п., – также не имеющие рода. Формально они могут быть отнесены к множественному числу, но называют единичный объект (ср.: *нет трусов* и *не люблю трусов*).

Как видим, при классификации существительных по 3-м базовым признакам (падеж, род, число) внутриклассовая омонимия во всем своем разнообразии (внутрипарадигматическая, межпарадигматическая, внутрикатегориальная, межкатегориальная, однокорневая и разнокорневая) доказана в соответствии с теоретической полнотой.

Внутриклассовая омонимия глаголов предельно низка. Её можно свести к трём наиболее типичным случаям: 1) омонимия категории вида – *нарЕзАть, наСЫнАть* (десяток корней и несколько десятков дериватов); 2) омонимия форм настоящего времени и повелительного наклонения, более частая – *вОдИте, хОдИте, сАдИте, нОсИте*; 3) омонимия лексическая – *ворОнИть, перепАдАть* и т.п.

Среди прилагательных регулярна омонимия грамматическая, однокорневая. Случаи разнокорневой омонимии типа *однотонный* (одного тона и весом в тонну) редки. Регулярные же омоформы не представляют в синхронии интереса в силу нормативности. Но именно в силу нормативности они могут создавать междуклассовые регулярные по структуре омонимические пары (ср.: *сега* и *серый (серой)*, *дорога* и *дорогой (дорОгОй)*, *бура* и *бурый (бУрОй)* и т.п., где омонимичной формой является творительный падеж существительного и творительный/дательный/предложный прилагательного (но везде – женского рода).

Наречия не имеют развитой парадигмы, поэтому практически не имеют внутриклассовой грамматической омонимии, но благодаря корневой связи с прилагательными могут создавать междуклассовую омонимию.

Местоимения и числительные в малой степени представляют внутриклассовую омонимию, исчисляющуюся десятком примеров.

3.2. Междуклассовая омонимия

Доказательство внутриклассовой омонимии разных видов служит базой для предположения существования междуклассовой омонимии, так как имеются категории, объединяющие разные части речи: род, число, падеж.

Если мы возьмём шесть знаменательных частей речи, то можно построить декартову матрицу и рассчитать по ней теоретическую пересекаемость форм. По треугольной матрице таких совпадений/пересечений, предполагающих омонимичные отношения, может быть ровно 21 тип. Если же порядок будет иметь значение (в плане порождения одной части речи от другой, ср.: *утро* и *утром*,

дом и *дОма*), то теоретически возможное число совпадений форм будет равно 42-м типам.

Матрица 10

	Сущ.	Глаг.	Прил.	Мест.	Нар.	Числ.
Сущ.	зАмОк клЕщИ дОвОд	шАлИ мОрЮ ДвИнУ	зло весь косой	Ты Вам (име- на)	зло дОмА утром	сОрОк семЬЮ сот
Глаг.		есть зреть спАлА	смела милую спЕлА	сей мОЮ мой	ИздАли почитай домой	три трём двОИ
Прил.			вЕдОмый пАрнАя одной	его её их	уже хо- рошо бы- стро	третий первый второй
Мест.				его её их	сколько столько несколько	сколько столько несколько
Нар.					зАрАз пОкАтом	двадцатью девятью
Числ.						два стола (им. и вин.)

Из матрицы 10 видно, что из 21 теоретически возможного типа омонимии реализованы все. Среди них имеются 6 типов внутриклассовой омонимии (диагональ таблицы) и 15 типов межклассовой. Внутриклассовая омонимия подробно рассмотрена на существительных, она наиболее характерна для этого класса.

Междуклассовая омонимия чаще всего является продуктом словообразования. Словообразование имеет матричный характер, базирующийся на симметрии/асимметрии [см. Карпов 80, Лаврененко 100]. Мы проиллюстрируем лишь примером:

сечь	печь	течь	речь	–
сечка	печка	течка	–	–
сечение	печение	течение	речение	лечение
–	пекарь	–	–	лекарь
...

Пустоты в матрицах (вертикальные столбцы) могут занимать слова из других матриц (*речка, лечь*). Этот факт показывает, что в фонеморфологическом отношении система стремится к симметричной плотности. Иногда такое уплотнение и вызывает омонимию. С другой стороны, можно рассматривать в ряде случаев такие конвергентные ситуации как показатель корневой (этимологической) близости. Представляет интерес рассмотреть более подробно однокорен-

ные омонимы на фоне разнокоренных, так как они связаны с рядом системных процессов.

3.2.1. Межклассовые пересечения разнокоренных и однокоренных слов

Выбрав из 6-и частей речи 4 наиболее развитые в отношении словообразования на базе одного корня и разных корней (местоимения и числительные наименее разнообразны в этом отношении), построим симметрично-асимметричную матрицу 11 межклассовых омонимичных пересечений.

Матрица наглядно показывает, что с уменьшением числа плюсовых признаков в кодах системность омонимии возрастает, так как для пересечения 4-х частей речи необходимо большее число корней (очень сильное требование), тогда как для внутриклассовых оппозиций достаточно матричного словообразования на базе одного корня.

Рассмотрим сначала однокоренные омонимы. Тип этой омонимии – явление, заложенное в системе существованием хотя бы одной матрицы и множестве моделей словообразования.

Разнокоренная омонимия поддерживается существованием множества разных матриц и тем же множеством моделей словообразования. При таком состоянии в системе появляется возможность возникновения межматричных (межкорневых) омонимов, относящихся к разным частям речи (классам).

Как показывает анализ, отношения между частями речи неравнозначны: в одних случаях пересечения форм связаны только с одной корневой матрицей, в других – с несколькими:

1) подсистема С–С реализует однокоренную и разнокоренную омонимию – *финка*, *кум:кума*, *лирик:лирика*; *кара:каре:кар*, *туша: тушь:туше:туш*, *гора:горе*; *пола:поле:пол*; *век:веко* и др.;

2) подсистема С–Г также реализует оба типа омонимии – *печь, сечь, течь* и т.п. Здесь преобладает системное образование существительных от глаголов и наоборот: *дробь – дробить*, *скорбь – скорбить*, *явь – явить*, *рябь – рябить*, *гладь – гладить*. Особенно велика группа существительных, созданных от глагола: *било, мыло, рыло, вышибала* и т.п. Разнокоренные примеры отмечены реже: *даль и дать*, *сель и сесть*, *ель и есть* и ряд других.

3) подсистема С–П представляет в основном однокоренную омонимию, демонстрирующую процесс субстантивации от кратких прилагательных до полных – *зло, добро*; *мастерская, прачечная, кондитерская* и т.п. Разнокорневые омонимы редки: *дорога и дорог (дорогой)*, *косой* и т.п.;

4) подсистема С–Н представляет системные словообразовательные связи (адвербиализацию), где отсутствует разнокоренная омонимия: *зло, добро, дома, верхом, утром, зимой, пиано, модерато* и т.п.;

5) подсистема Г–Г в основном представляет однокоренную омонимию: *срЕзАть*, *насЫпАть* и подобные. Случаи разнокоренной омонимии редки: *засыпАть* (*спать* и *сыпать*), *шли* (*слать* и *идти*).

6) подсистема Н–П показывает системную омонимизацию, вызванную совпадением кратких прилагательных и наречий: *зло*, *добро*, *мелко*, *крепко* и т.п. Разнокоренные совпадения – единичны, ср.: *ужЕ* и *Уже* (узкий);

7) подсистема Г–Н дает немногочисленные примеры одно/разнокоренной омонимии: *пОшлО*, *глупей* (глупеть) и *глупей* (глупо); *тупей* (тупеть) и *тупей* (тупо), *смЕлО*, *ИздАли*;

Матрица 11

№	С Г П Н	Иллюстрации типов и подтипов
1.	+ + + +	смета:смести:смелый:смело
2.	+ – + +	уж:узко:ужЕ
3.	– + + +	пошлить:послать:пойти:пошлый:пошло
4.	+ + – +	почта:пОчЕсть:почти
5.	+ + + –	пуща:пустить:пущий
6.	+ + – –	соль:слить; роса:расти
7.	+ – + –	коса:косой; пята:пятая; вещь:вещий
8.	+ – – +	пот:потом; домА:дОма; чаща:часто
9.	– + + –	миловать:милый, целовать:целый
10.	– + – +	издАли:Издали
11.	– – + +	малО:мАло
12.	– – – +	вольнo, ровнo, точнo
13.	– – + –	гАвАнский, однoтoнный, бОльшИе
14.	+ – – –	фат:фата, посол:посол, АтлАс
15.	– + – –	мнить:мять, тереться:трусить
16.	– – – –	40:сорОк, 3:три, при:переть

8) подсистема Н–Н представлена несколькими случаями типа *зАрАз*, *пО-кАтом* их скорее можно считать вариантами, но словари отмечают их как разные слова;

9) подсистема П–П представляет в основном разнокоренную омонимию: *пАрнАя*, *гАвАнский*, *однoтoнный*. Случаи внутрипарадигматической омонимии (*бОльшИми* и т.п.) – редки;

10) подсистема Г–П показывает отсутствие однокоренных омонимов: *смела* (смести) и *смела* (смелая), *целую* (целовать) и *целую* (целая), *спела* (спеть) и *спела* (спелая);

11) подсистема Ч–Ч демонстрирует отсутствие разнокоренной омонимии: *двух* (род. и предл.), *пяти* (род., дат., предл.);

12) подсистема Г–Ч показывает преобладание разнокоренной омонимии: *три* (3) и *три* (тереть), *трём* (3) и (тереть), но *двои* (2) и *двои* (двоить);

13) подсистема Ч–С демонстрирует отсутствие однокоренных омонимов: *сорОкА*, *семью* (семь и семья);

14) подсистема П–Ч заполняется порядковыми числительными, которые генетически связаны с числом, но по форме являются прилагательными – первый, второй и т.п.;

15) подсистема Н–Ч заполнена немногочисленными однокоренными числительными, совпадающими с образованными на их базе наречиями: *пятью, шестью* и т.п.

Как видно из примеров, не всюду существует однокоренная омонимия, наиболее системно она проявляется у глаголов, существительных, прилагательных и наречий. Числительные ввиду специфичности как части речи меньше участвуют в процессе омонимизации.

Одноматричная омонимия обнаруживает связи с омонимией более системного, процессуального характера (субстантивация, адвербиализация), тогда как разноматричная омонимия является гарантией реализации потенциальных возможностей совпадения форм при словоизменении и словообразовании.

Полнота матрицы служит убедительным доказательством:

а) существования хорошо развитой межклассовой омонимии (подсистемы 1 – 11 и 16);

б) существования внутриклассовой омонимии (подсистемы 12–15);

в) существования взаимосвязей двух указанных типов омонимии.

Теперь более детально рассмотрим омонимию существительного и глагола и лишь обзорно – часть остальных взаимодействий.

3.2.2. Омонимия существительного и глагола

В этом разделе мы продемонстрируем, как можно рассчитывать простейшую вероятную омонимию существительных и глаголов. Аналогичным путем ее можно рассчитывать и в других случаях.

Из 33 букв алфавита лишь 20 омонимичны в силу присущих этим частям речи последних букв. Это означает 1/33 теоретической вероятности на уровне полного алфавита и 1/20 в реальных финалях.

Анализ показал, что из 20 теоретически предполагаемых типов совпадений реально отмечены 19, что доказывает плотность омонимии, её неслучайный характер.

прошедшее время

И:И *дать* – *дали* и *даль* – *дали*,

А:А *бить* – *била* и *било* – *била*,

Р:Р *замереть* – *замер* и *замёр*,

С:С *спасти-спас* и *Спас*,

Г:Г *смочь* – *смог* и *смог*,

настоящее и будущее простое

У:У *пицать* – *пищу* и *пища* – *пищу*, Ю:Ю *рубить* – *рублю* и *рубль* – *рублю*,

Т:Т *переть* – *прут* и *прут*,

О:О *сесть* – *село* и *село* – *село*,

Л:Л *пасть* – *пал* и *палить* – *пал*,

П:П *осипнуть* – *осип* и *Осип*,

Х:Х *запахнуть* – *запах* и *Запах*,

Б:Б *ушибить* – *ушиб* и *ушиб*

М:М *рыть* – *роем* и *рой* – *роем*

повелительное наклонение

Й:Й *бить* – *бей* и *бей*,И:И *селить* – *сели* и *сель* – *сели*,Б:Б *гладить* – *гладь* и *гладь*

инфинитивные формы

Б:Б *сечь*, *течь*, *печь*,И:И *вестИ*:*вЕсти* *местИ*:*мЕсти*.

Рассмотрим теперь связи глагола и существительного в рамках возможной детализации. Возьмем формы 6-и падежей существительных и 6 форм глагола. Эта экономия позволяет построить компактную матрицу, достаточно показательную для выяснения общей тенденции к омонимизации языка-системы.

Матрица 12

	Им.	Род.	Дат.	Вин.	Твор.	Предл.
1 л.	поём гну	дам гну	трону клею	рОжУ тУшУ	чаем сОльЮ	гну
2 л.	+	*	суете прИмЕте	+	+	гнете калИТе
3 л.	трут хамит	бурят минут	*	прут трут	*	*
Пр.в.	надел ИзвЕрг	Вил сох	ели стали	вЕртЕл пух	*	прибыли дали
Инф.	вЕстИ свОлОчь	мЕстИ пОвестИ	ИзвестИ	пАстИ	*	напАстИ
Пов.н.	бей ОтрубИ	сОлИ полей	волоките кОрИ	клей рой	дОлЕй	граните сорите

Из 36 теоретически заложенных подсистем реально существуют 27, что представляет свыше 66 процентов, т.е. пересечения форм не случайны. Незаполнение 9-и подсистем легко объяснимо. В клетки, где вместо примера стоит "+", можно ввести пример несклоняемого существительного среднего рода *живете* (старое название буквы Ж). При этом условии будет заполнено ещё 3 подсистемы (если не учитывать разницу в написаниях *живёте* и *живете*). В 6-и остальных клетках стоит знак (*), означающий запрет, невзаимодействие словоформ ввиду несовместимости окончаний. У глагола во 2-м лице единственного числа окончания *-ешь/-ишь*. Такие буквосочетания на конце слов отмечены всего у 39 слов (существительные, союзы, частицы, наречия, междометия) на объеме 125 тысяч слов Обратного словаря.

Аналогично с окончаниями глагола *-ут/-ят/-ит/-ет* в 3-ем множественном и единственном. Они не совпадают с окончаниями дательного, творительного и предложного падежей существительных (в терминах симметрии – неизоморфны).

Как видно из матрицы, у существительных все формы, кроме форм творительного падежа, одинаково омонимичны. В разделе 3.1.2. при анализе внутриклассовой омонимии существительных мы отмечали аналогичную картину. Но зато формы творительного падежа более омонимичны при сопоставлении с на-

речиями, образованными на их основе. У глагола наиболее омонимичны формы повелительного наклонения. В качестве причины этой активности можно предположить то, что они древнее всех других глагольных форм. У глагола минимум омонимичности приходится на формы 2-го лица, но оно омонимично внутри глагольной парадигмы (*ходИте:хОдите, носИте:нОсите, возИте:вОзите* и т.п.).

Таким образом, без учета числовых форм межклассовая омонимия на уровне имя:глагол достаточно высока.

3.3. Омонимия между другими частями речи

Словообразование с сохранением формы слова (симметричный момент) при переходе из одной части речи в другую (асимметричный момент) получило в лингвистике ряд специальных названий: субстантивация, адвербиализация, адъективация, прономинализация и т.п. Эти термины можно бы заменить одним – омонимизация, так как ничего другого, кроме появления новых системно омонимичных форм, при этом не получается. Как бы "застывание" форм существительных при расщеплении функционального значения (вне зависимости – без предлога или с предлогом) – *верхом, днем, дома; с низу=снизу, с боку=сбоку* и т.п. – создает новые слова и в ряде случаев новые омонимы.

Этот процесс функционального перехода затрагивает существительные, прилагательные, глаголы и другие части речи. По этой причине такую разновидность омонимии можно также назвать функциональной. Около сотни существительных типа *запевала, приживал, вышибала* и других закономерно будут демонстрировать совпадение форм и несовпадение значений. По данным ОС, 259 существительных представляют субстантивированные прилагательные и причастия.

Вопросы омонимии наречий и существительных рассмотрены достаточно подробно в работах В.В. Виноградова [46], Ф. Абдурахмановой [5] и Л.А. Лебедевой [101], поэтому мы остановимся лишь на одном важном моменте, связанном с симметрией/асимметрией и конверсией.

По данным картотеки НИЛ ТиПЛ, модель "глагол + наречие" содержит 59 наречий, образованных от существительных, а обратная модель "наречие + глагол" – лишь 34. Эта количественная особенность говорит о том, что порядок слов требует определенного структурно-морфологического типа наречий и понятие левизны/ правизны в лингвистике еще ждет своего исследователя.

Особый вид омонимии представляют собой случаи так называемой конверсии (от лат. *conversio* – "обращение"), когда данное слово переходит в другую часть речи без изменения своего морфологического и фонетического состава, ср.: *зло* – краткое прилагательное, *зло* – существительное и *зло* – наречие. Все 3 слова имеют один корень, но они являются омонимами, так как это разные час-

ти речи с разным лексическим значением. Системный характер таких переходов очевиден.

Омонимия служебных слов достаточно высока. Этого и следовало ожидать, так как они многозначны, особенно предлоги. При отсутствии собственных парадигм они создают омонимические пары с такими же непарадигматическими формами (*да* – союз, частица), с несклоняемыми существительными (*до* – предлог и существительное) или с элементами парадигм (*мол* – частица и существительное). Эти совпадения в меньшей мере системны, исключая случаи развития функциональных значений (ср.: *раз* – существительное, наречие, союз и т.п.). Ввиду недостатка места мы не можем детально рассмотреть их как особую подсистему.

3.4. Омонимия имен нарицательных и имен собственных

В банке данных НИЛ теоретической и прикладной лингвистики имеется картотека фамилий, имен и отчеств, совпадающих с именами нарицательными и с прилагательными (более 2300). Из них – 1500 существительных нарицательных и около 800 фамилий, представленных прилагательными. Остальные части речи занимают незначительный объем. Реже отмечены фамилии, совпадающие с наречиями (*Бойко, Метко, Набок, Насухо, Нелено, Ничего, Подчас* и др.), еще реже – с союзами и частицами (*Ан, Ведь, Ежели, Коль, Либо, Ли*), числительными (*Один, Первый, Шестидесятый, Сороковой*). Глаголы чаще отмечены в повелительном наклонении (*Бей, Виляй, Дергай, Ключ, Кукуй, Лелей, Мигай, Погуляй, Полей, Разгони, Сей, Шугай*). Две фамилии совпали с междометиями (*Гей, Бух*).

Данный разряд слов представляет ещё одну разновидность омонимии, её можно назвать вторичной, когда у слова *штурм* появляется двойник *Штурм*, да еще сразу в двух вариантах (он и она), *машина:Машина, танин:Танин, шурин:Шурин* и им подобные. Здесь можно говорить об однородовой (имя существительное) и двухродовой (имя собственное) отнесенности. Это накладывает некоторые ограничения на словоизменение; так, слово *дрозд* мужского рода, а фамилия *Дрозд* принадлежит и мужчине и женщине, т.е. мужского и женского рода (в женском роде не склоняется).

Другой вид омонимии, возникающей в связи с именами собственными, можно назвать в рабочем порядке уплотняющей, когда на уже существующую омонимию накладывается значение фамилии: *ласка 1, ласка 2 и Ласка 3; кулак 1, кулак 2, Кулак 3; белка, белок, Белка; бостон 1, бостон 2, бостон 3, Бостон 4* (город) и *Бостон 5* (фамилия).

Из-за большого количества мы не можем представить все многообразие материала в анализе, приводя его лишь списком в Приложении. Ограничимся лишь беглыми замечаниями, хотя представляем, что этот постоянно растущий

класс омонимов заслуживает отдельной работы (полные списки см. в Приложении 5).

После имен нарицательных, служащих базой для создания фамилий или случайно совпадающих, наиболее обширный пласт омонимов дают фамилии на *-ов (-ев)*, совпадающие не с именительным, а с родительным падежом существительных во множественном числе: *Босяков, Дворников, Дьячков, Коржиков, Лоскутов, Муравейников* и тысячи других. Омнимичны они и с некоторыми притяжательными прилагательными.

Фамилии также можно объединять в словообразовательные гнезда. Самое большое состоит из 9-ти слов, самое маленькое – из 2-х: *Береза – Березка – Березовик – Березняк – Березовый; Горб – Горбик – Горбач – Горбун – Горбатый; Город – Городок – Городской – Загородная – Горожанин – Городничий* и т.п.

Среди фамилий можно выделить антонимические пары. Здесь преобладают прилагательные: *Большой – Малый, Толстый – Тонкий, Белый – Черный, Белобровый – Чернобровый, Белоус – Черноус, Штиль – Шторм, Бедняк – Богач, Бедный – Богатый* и т.п.

Такие исследователи, как А.М. Селищев, А.В. Суперанская и другие, отмечают, что при образовании фамилий сохраняются практически все основные особенности языковой системы от морфологии до словоизменения [Селищев 145; Суперанская 155]. Это своего рода микросистема словообразования, захватывающая и часть диалектной лексики: ср. *Корсак* (имя нарицательное *корсак* означает 'лиса'), *Мирошник* (мукомол), *Чигирь* (астраханское, крымское *чигирь* – 'водоподъемный снаряд') и т.п.

А словоизменение и словообразование, как мы не раз указывали, являются базой для возникновения симметро-асимметрий и омонимии.

3.5. Обобщение внутрисистемной языковой омонимии (внутриклассовая и межклассовая омонимия)

Части речи как классы слов в определенной степени имеют формальные показатели, на основании которых мы и говорим об их семантико-грамматическом значении как некоторых подмножеств целокупного множества словоформ русского языка.

Коль скоро имеется множественность классов (10), множественность категориально-позиционных значений и форм их выражения (несколько десятков грамматических позиций – лица, числа, падежа, рода, времени, вида и т.п.), множественность корневых гнезд (словообразовательных матриц, их – тысячи), то при множественности всех указанных типов может возникать и возникает омонимия.

Покажем только, сколько разных значений имеет у разных словоформ окончание *-А*:

некл-А

ед.ч. жен.р.

глагол.

прош.вр.

<i>стен-А</i>	ед.ч. жен.р.	сущ. неод.	им.п.
<i>сел-А</i>	ед.ч. ср.р.	сущ. неод.	род.п.
<i>дом-А</i>	мн.ч. муж.р.	сущ. неод.	им.п.
<i>дОм-А</i>	ед.ч. муж.р.	сущ. неод.	род.п.
<i>дОктор-А</i>	ед.ч. муж.р.	сущ. одуш.	род.п.
<i>дОктор-А</i>	ед.ч. муж.р.	сущ. одуш.	вин.п.
<i>доктор-А</i>	мн.ч. муж.р.	сущ. одуш.	им.п.
<i>светл-А</i>	ед.ч. жен.р.	прил.	краткое

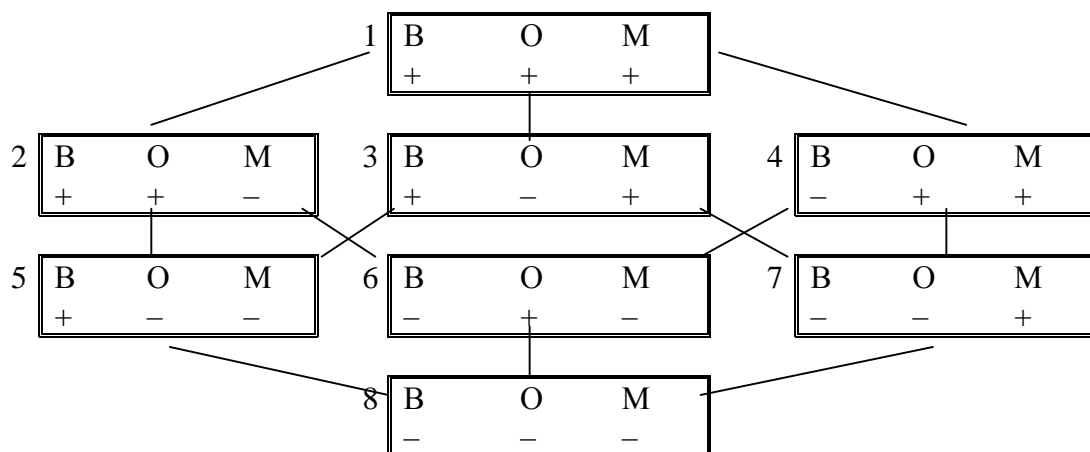
Кроме указанной множественности сугубо грамматической (словоизменение), добавляется множественность средств словообразования. Аффиксация, смена ударения и разное ударение, метафоризация, полисемизация еще увеличивают возможности омонимизации системы. Пополнение словаря за счет заимствований вносит в неё свой вклад.

Обозначив омонимию внутри только одной парадигмы для любой части речи как В, омонимию между парадигмами, но также одной части речи как О и омонимию между формами парадигм разных частей речи как М, построим обобщающую систему омонимии всех родов и видов.

Подсистема 8 по указанным признакам пуста. Она содержит весь корпус неомонимичных словоформ.

Подсистема 5 содержит омонимы внутрипарадигматические. Это максимально нагруженная подсистема, так как омонимия внутри парадигм существительных и прилагательных регулярна (*стол, свидание, свежесть* – не различают им. и вин. падежи и т.п.). Так же регулярна глагольная омонимия, не выходящая на межклассовый уровень: *любИте, держИте, влИте, кружИте, дрУжИте* и т.п.

Рис. 3.4. Обобщающая система омонимии

Подсистема 6 содержит омонимы, представляющие совпадение словоформ парадигм одного и того же класса: *петь:поить (пою), мнить:мять (мни)* или *ген:геном (геном), вол:воля (воле)* и т.д.

ния и словообразования) как факторов, создающих явление языковой омонимии.

О мощности более чем 1400 омоузлов, приводимых в Приложении 2, говорят следующие цифры: пересечение 2-х слов (1231), трех (135), четырех (42), пяти (7), шести (3), семи, восьми, девяти (по 2) и десяти слов – 1 случай. Суммарно омонимия, представленная таким образом, захватывает свыше 2700 лексем.

3.6. Межъязыковая омонимия (межсистемная)

Если в одной языковой системе существует омонимия, а в другой системе того же рода также существует омонимия (наши рассуждения пока относятся к близкородственным языкам, пользующимся одной графикой), то и между системами должна существовать межъязыковая, или межсистемная, омонимия. Эта гипотеза базируется: 1) на доказательстве внутрисистемной омонимии; 2) на Предложениях 24 и 25 ОТСУ.

Системный подход при анализе 2-х объектов-систем предполагает проявление "Закона соответствия и симметрии", выраженного в Предложениях 24, 25 ОТСУ [172: 90–93].

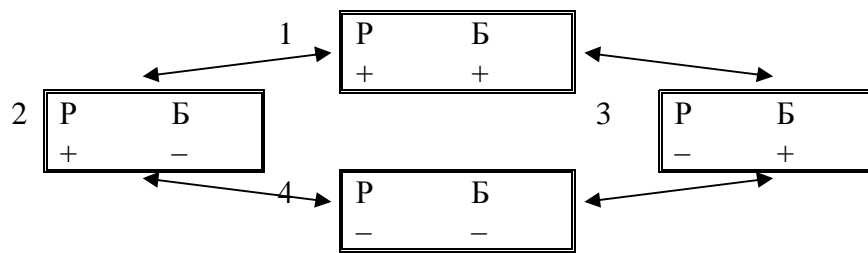
А именно: Между любыми двумя системами объектов-систем $S(1)$ и $S(2)$ возможны соотношения лишь следующих четырех видов:

1. $S(1)$ и $S(2)$ взаимно эквивалентны и симметричны;
2. в $S(1)$ есть собственная часть, эквивалентная и симметричная $S(2)$, а в $S(2)$ есть собственная часть, эквивалентная и симметричная $S(1)$;
3. в $S(1)$ есть собственная часть, эквивалентная и симметричная $S(2)$, но в $S(2)$ нет собственной части, эквивалентной и симметричной $S(1)$;
4. в $S(2)$ есть собственная часть, эквивалентная и симметричная $S(1)$, но в $S(1)$ нет собственной части, эквивалентной и симметричной $S(2)$.

Как пишет Ю.А. Урманцев, согласно теореме Кантора-Бернштейна, случай 2 сводится к случаю 1. Применительно к теории перевода, где имеются две системы (допустим, русский и белорусский языки), можно неэквивалентность и несимметричность представить в виде неадекватности и говорить о трех подсистемах функциональных и одной потенциальной. Обозначим русский язык как (Р), белорусский язык как (Б), плюс обозначает адекватность, минус – неадекватность (см. рис. 3.5.).

Подсистема 1 предполагает наличие какой-то единицы (слова, грамматической формы, модели) в обоих языках. Другими словами, между 2-мя системами имеется взаимно однозначное соответствие (идеальный случай, не вызывающий проблем), но при этом изоморфизм должен быть полным. Этому требованию соответствует определенная часть исконнославянской лексики.

Рис. 3.5. Межсистемная омонимия

Подсистема 2 показывает, что в русском языке имеется какая-то единица, а в белорусском языке нет ее аналога.

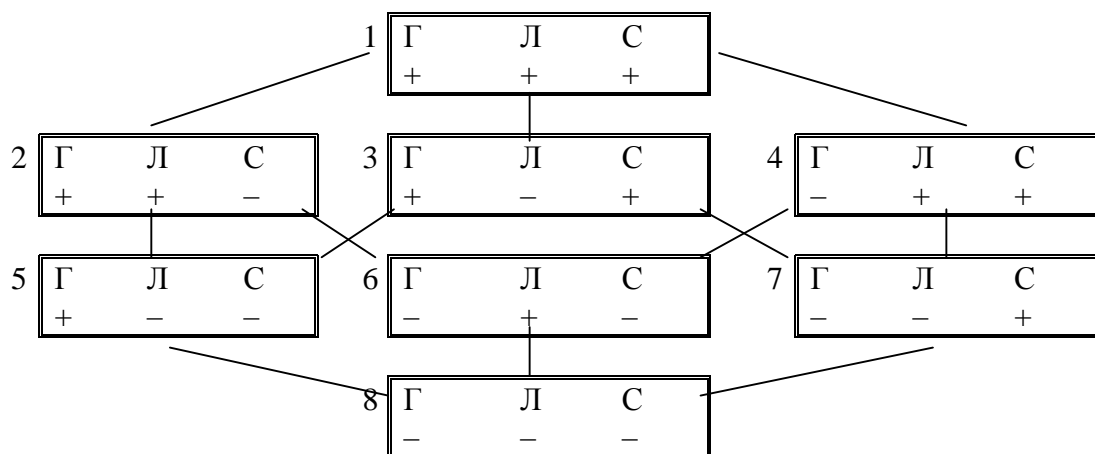
Подсистема 3 представляет антипод подсистемы 2: в белорусском языке есть какая-то единица, а в русском языке нет её аналога.

Подсистема 4 представляет любые другие два или более языков.

В случаях 2 и 3 автоматический перевод затруднен неадекватностью элементов двух систем. Детализируем системную неадекватность с учетом 3-х основных языковых разделов: грамматики, лексики и синтаксиса. Обозначим грамматический аспект как (Г), лексический как (Л) и синтаксический как (С). Тогда полносвязная система будет иметь вид трехмерного плюс-минусового куба, где плюс обозначает неадекватность, минус – адекватность по признакам, указанным буквами Г, Л, С.

Подсистема 8 представляет адекватные с 3-х указанных позиций возможности перевода, или взаимооднозначные единицы в 2-х языках. Итак, беспроблемная часть равна 1/8 всей системы.

Рис. 3.6. Грамматико-лексико-синтаксическая омонимия

Подсистема 5 представляет грамматическую неадекватность, или грамматическую омонимию 2-х родов: внутривидовую внутриязыковую и межвидовую внутриязыковую. С учётом 2-х языков теоретически возможны 4 типа неадекватности только в рамках грамматики.

Подсистема 6 представляет лексическую неадекватность, вызывающую описательный перевод, что исключает автоматизм, или создание адекватной лексической единицы одним из способов, вплоть до заимствования.

Подсистема 7 представляет синтаксическую неадекватность, связанную как с различными синтаксическими моделями, так и с идиомами в двух языках.

Подсистема 2 представляет грамматико-лексическую неадекватность в комбинаторике.

Подсистема 3 представляет грамматико-синтаксическую неадекватность как комбинаторику.

Подсистема 4 представляет комбинированную лексико-синтаксическую неадекватность.

Подсистема 1 представляет неадекватность сразу трех исходных признаков.

Практически все 7 подсистем представляют разные виды омонимии. Мы кратко проиллюстрируем лишь 3 подсистемы: две – низшего уровня (5 и 6) и одну – интегрированного (2).

Подсистема 6 представляет чисто лексические несоответствия, не осложненные грамматикой. Беглый сравнительный анализ лексики белорусского и русского языков обнаруживает большое количество слов, которые звучат одинаково или пишутся, но имеют разные значения. Это межъязыковые омонимы; их называют "мнимыми", "ложными друзьями" переводчика, потому что за знакомой формой слова скрыт незнакомый смысл.

Ср.:	бел.	<i>качка</i> – утка
		<i>краска</i> – цветок
	рус.	<i>качка</i> – волнение на море
		<i>краска</i> – краска

Подсистема 2 – подсистема грамматико-лексической неадекватности – представляет ситуацию, когда понятие одно и то же, но оно выражается разным грамматическим и лексическим способом, или, говоря языком симметрии, понятие симметрично и рефлексивно, а способы его выражения асимметричны и нереклексивны. Это уже качественно иной тип омонимии логического характера, он вызывает большие сложности при автоматическом переводе и определенные трудности перестройки автоматизма владения лексикой и грамматикой родного языка при овладении таким же автоматизмом при использовании неродного языка. Мы ограничиваемся только иллюстрациями типов:

1. средний – мужской (*число:лік, время:час* и т.п.);
2. средний – женский (*явление:з'ява, оружие:зброя* и т.п.);
3. женский – средний (*любовь:каханне, пшеница:збожжа*);
4. женский – мужской (*крыша:дах, ярмарка:кірмаш* и др.);
5. мужской – женский (*язык:мова, пол:падлога* и т.п.);
6. мужской – средний (*праздник:свята, воздух:наветра* и т.п.).

Причины сотен таких несовпадений – как лингвистические (выбор собственного исходного материала для создания слова), так и экстралингвистические: при заимствовании, когда ощущается нехватка слова и "средств" собственной системы не хватает, уже неважно, что заимствуется и в каком роде.

Подсистема 5 представляет следующие 6 типов несовпадений однокоренных слов, что создает межсистемную грамматическую омонимию: так, в русском языке *собака* относится к женскому роду, тогда как белорусское *сабака* – существительное мужского рода. При наличии 3-х родов может быть именно 6 типов несоответствий. Мы приводим примеры несовпадений лишь двух типов.

Причины такого явления просты: действие специфики белорусского языка при создании слов и освоении заимствованных слов, или фонетические и морфологические. Беглый анализ позволил обнаружить следующие случаи из шести возможных:

1. мужской – женский (*салат:салата, мухомор:мухамора, зал:зала, табак* (нюхательный): *табака, мат* (циновка):*мата, наводок:наводка, храп* (морда животного): *храна, заток:затока, ухаб:ухаба* и т.п.

2. женский – мужской (*медаль:медаль, пыль:пыль, боль:боль, туфля:туфель, фальшь:фальш* и др.).

Естественно, что списки далеко не полны, они лишь иллюстрируют тенденцию. Для выбора абсолютно всех родовых несоответствий необходима отдельная работа на объемах двух стотысячных словарей.

Причинами несовпадений этих типов слов являются:

1. отверждение мягких согласных на конце слов (ср.: *юфть* и *юхт, степь* и *стэп, насыть* и *насып* и т.п.);

2. использование разных суффиксов при создании слов (ср.: *муж-н-ы* и *мужн-асць; муж-еств-о* и *муж-еств-енн-ый*)

3. различные изменения при заимствованиях и источники заимствования (*шоссе* в польском "szosa" – женского рода, *чудо* – мужского рода "cud" и т.п.).

Обобщая эту главу, можно суммировать следующее: – доказано существование трех основных типов омонимии – внутрипарадигматической, между парадигмами одного и того же рода и междуклассовой. Внутри этих типов доказано существование разного рода межкуатегориальных подтипов. Эта омонимия приводит при сопоставлении с омонимией другой языковой системы к межсистемной, или межъязыковой, омонимии.

ГЛАВА 4. ОМОНИМИЯ НА УРОВНЕ СИНТАКСИСА

4.1. Количественный анализ омонимичных аббревиатур

Мы объединяем в этой главе омонимичные аббревиатуры и синтаксическую омонимию по той причине, что создание аббревиатур представляет собой сжатие словосочетаний (а они во всем многообразии моделей – предмет синтаксиса). Здесь словообразование как фактор создания омонимии приобретает новый статус – это синтаксическое словообразование. В работе "Язык как система" подобный процесс доказан как циклизация словообразования [см. 80: 144–147].

Если омонимия обычных слов русского языка изучена достаточно широко, то аббревиатурной омонимией и омонимией сокращений до сих пор практически не занимались. В работе Л.В. Малаховского, обобщившей почти тридцатилетний период исследований омонимии и содержащей много положительных моментов, об омонимии в аббревиации говорится в разделе возникновения омонимов бегло, всего на 2-х страницах, и иллюстрируется 3-мя примерами [109: 22–23], хотя можно при желании привести еще такие, как WAY = World Assosiation of Youth, WAS = Washington Academy of Scienses, WHO = World Health Organization, HEAT = high explosive antitank shell, BAR = Browning automatic rifle, ACT = Australian Capital Territory и ряд других, показывающих, что она затрагивает разные части речи и не так мала по объёму и разнообразию структур.

Предварительный просмотр русского материала показал, что омонимия присуща еще в большей степени всей системе сокращений. Материал отбирался методом сплошной выборки из "Словаря сокращений русского языка" [10] и составил 6913 единиц. От 17700 тысяч всех сокращений это почти 39 процентов. Столь высокий количественный параметр омонимичности этого разряда слов ещё раз подчеркивает неслучайный характер омонимии и её связь уже со словообразованием на базе сжатых словосочетаний.

Диалектическая взаимосвязь количества и качества позволяет нам начать описание омонимичных аббревиатур с количественно-качественной характеристики. В этом отношении предстоит выяснить и описать, хотя бы вкратце, следующие вопросы: а) минимальную и максимальную длину омонимичных аббревиатур; б) преобладание тех или иных омонимичных аббревиатур; в) преобладание моделей, сжимаемых в аббревиатуры.

Собранный материал позволил обнаружить следующее количественное распределение омонимичных аббревиатур в связи с длиной сокращенного слова в буквах: 1 буква – г. – год (314); 2 буквы – МБ = *местная батарея* (1812); 3 буквы – МКК = *международная китобойная комиссия* (4126); 4 буквы – СЭКБ = *специальное экспериментальное конструкторское бюро* (406); 5 букв – НИ-ИСТ = *научно-исследовательский институт санитарной техники* (124); 6 букв

– ВНИИСП = *Всесоюзный научно-исследовательский институт спиртовой промышленности* (69); 7 букв – НИКТИМП = *научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт местной промышленности* (18); 8 и более букв – ГОССТРОЙ = *Государственный комитет по делам строительства* (44).

Как видно из данных, однобуквенные сокращения представляют чуть больше 4% общего объема. Пик приходится на аббревиатуры из 3-х букв, далее идет уменьшение количества слов с увеличением длины сокращения. К сожалению, мы не располагаем данными по числу морфем в обычных словах, но почти аналогичную картину наблюдаем на уровне синтаксиса. Ядерные конструкции (двухэлементные) имеют количественный пик на 4-хэлементных, после чего встречаемость начинает падать и вырождается до единичных примеров. Это говорит об общей тенденции на разных уровнях порождения языковых единиц.

Омонимию создают в основном чистые сокращения, т.е. такие аббревиатуры, где каждое слово представлено одной буквой: АМС = *авиационная метеорологическая сводка, авиационная метеорологическая станция* и т.п. Но можно привести примеры, где нет соответствия: ГОССТРОЙ, ВАО = *государственное всесоюзное объединение авиационной промышленности*, кроме ВАО = *всесоюзное акционерное общество*.

Детальное рассмотрение всего материала невозможно на остающемся малом объеме, поэтому мы рассмотрим сжато лишь однобуквенные, двухбуквенные и трехбуквенные аббревиатуры (пик) как наиболее показательные в отношении структур и семантик.

4.1.1. Анализ одноэлементных омонимичных аббревиатур

В образовании одноэлементных аббревиатур отмечены 27 букв. Неполнота объяснима тем, что некоторые буквы (*ь, ъ, ы*) отсутствуют в начале слова, *ё* часто передается как *е*", *й* в начале слов отмечается редко. Данные о частях речи и моделях сжимаемых словосочетаний сведены в таблицу 7, в которой показана количественная и качественная нагруженность одноэлементных омонимичных сокращений (дан фрагмент, охватывающий 80 % всех данных, включающих сжатие существительных, прилагательных и сочетания "прилагательное + существительное").

Как видно из таблицы 7, нагруженность отдельных букв самая разнообразная – от 25 до 2 случаев. Приняв вероятностную плотность как $1/27$, равную 11 ($314:27=11$), видим, что первая пятерка букв превышает вероятность более чем в 2 раза, вторая превышает частично, третья практически соответствует вероятности. Остальные буквы уже менее вероятны. Эту закономерность мы детальнее покажем с примерами на 2-буквенных сокращениях.

Таблица 7

Омо- буква	К-во омонимов	Сущ.	Прил.	Прил.+ сущ.
П	25	14	3	4
К	24	12	4	2
М	24	12	6	2
С	23	13	4	3
Т	23	15	3	4
Д	22	12	4	2
Р	18	8	4	2
В	15	7	5	2
Б	14	10	2	–
Г	14	9	2	1
А	12	8	1	1
Л	12	6	2	1
Н	12	4	4	2
Ф	12	9	–	1
О	9	5	1	1
У	8	4	3	–
И	7	3	1	2
Ч	7	4	1	–
Ц	6	5	–	–
Х	5	2	1	2
Ш	5	3	–	1
Ж	4	2	2	–
З	4	3	1	–
Э	3	2	–	–
Щ	2	1	–	–
Ю	2	2	–	–
Я	2	1	–	–
	314	176	54	33

Из 3-х типов структур сжатия большая часть приходится на существительные, втрое меньше – на прилагательные и еще меньше – на словосочетания из них. Одна шестая часть (51) остается на другие части речи и менее регулярные структуры сжатия (их 9). Эта часть аббревиатур наименее синтаксична.

4.1.2. Анализ плотности (семантической омонимичности) сокращений из двух и более букв

Число 2-элементных аббревиатур по сравнению с 1-элементными возрастает почти в 6 раз. Такой прирост происходит оттого, что в сферу аббревиации включается уже 2 элемента, и в комбинаторике это в большей мере расширяет словообразовательные возможности, так как сжатию подвергается уже не отдельное слово, а, как правило, словосочетание.

Теоретически возможные аббревиатуры зададим декартовой матрицей, исходя из 27 букв, выявленных при анализе. При 27 буквах матрица будет иметь 729 клеток. При расчете вероятности заполнения мы можем задавать только равновероятные исходы (хотя знаем, что число слов, начинающихся на букву "П", явно больше, чем число слов на букву "Я". Это требует громоздких расче-

тов, мы берем самый простой вариант. При таком решении получаем величину вероятностного заполнения (число 2-элементных аббревиатур делим на число клеток $1812:729 = 2,4$).

Подсчёт реальных данных показал, что матрица заполнилась более чем на 47% (344 варианта омонимичных 2-буквенных аббревиатур). Это очень важный показатель. Уровень омонимии обычных слов с переходом на уровень синтаксиса в виде назывных комплексов-словосочетаний, сжимаемых до слова, не исчез, а, наоборот, увеличился. Слово, сжимаемое до буквы, представляет точечную симметрию в чистом виде и на этом уровне создает базу для омонимии. Вместе с тем мы приходим к новому показателю – плотности точечной симметрии. В алфавитной матрице есть пустоты и числа, превышающие равновероятный исход события. Алфавитная матрица не дает возможности вскрыть механизм увеличения плотности, поэтому программой мы оптимизировали матрицу по максимуму заполнений и минимуму пустот (см. матрицу 13). Рассмотрим этот симметризованный вариант.

Матрица читается следующим образом. Допустим, нас интересуют те аббревиатуры, где "Г" является первым элементом. В крайнем левом столбце находим эту букву и можем увидеть все вторые элементы в количественном выражении – ГП (4), ГС (7), ГК (8) и т.д. Если нас интересует то, в каких аббревиатурах "Г" является вторым элементом, мы, обращаясь к первой строке, находим нужную букву и просматриваем весь столбец – ПГ (7), СГ (4), КГ (5) и т.д. Числа предпоследней строки и предпоследнего столбца указывают на суммарное число аббревиатур с конкретной буквой, последняя строка и правый крайний столбец показывают число занятых в аббревиации букв.

Всю матрицу условно можно разделить на квадраты размерами 5 x 5. При таком делении будем иметь 25 полных квадратов и 11 прямоугольников размерами 2 x 5. Такое деление мы принимаем на основании того, что при анализе однобуквенных аббревиатур первые места заняли буквы П, К, М, С, Т. В этой матрице мы также обнаруживаем их в последовательности П, С, К, М, Т. При описании мы будем их условно называть левыми (ниже диагонали матрицы) и правыми (выше диагонали) по буквенным цепочкам.

Такое представление сразу позволяет говорить о ядре системы и периферии в виде слоев. Слой АДРБВ занимает три квадрата, слой ГОИНУ имеет 5 квадратов, слой ЛЭЗФЦ имеет 7 квадратов и т.д. Квадрат ПСКМТ представляет ядро. Его ядерность объясняется 3-мя показателями:

1) данные плотности в нем превышают величину 2,4 до 8 раз, при максимуме 25. Далее по слоям плотность снижается с удалением от ядра: в первом слое она в максимуме уже 21 при 4-х случаях плотности ниже вероятностной, во втором слое – 13 при 21-м случае плотности ниже вероятности, в третьем – 41 из 94 заполнений, в четвертом – 17 ниже из 34 заполнений и в последнем – 5 из 12;

2) нет пустот, т.е. взаимодействуют все буквы в качестве левых и правых элементов аббревиатур; далее по мере удаления от ядра от слоя к слою отмеча-

ется все большее число пустот, свидетельствующее о невзаимодействиях букв (мы отдаем отчет, что не взаимодействуют не сами буквы, а не связываются семантики слов, начинающихся с этих букв). В первом слое АДРБВ 1 пустота, в следующем ГОИНУ уже 22, в ЛЭЗФЦ 81 пустота из 175, в ШЮЯЖЕ – 34 из 175 и в последнем ЧХ из 110 возможных заполнений отмечено всего 12 с показателями плотности в пяти случаях ниже теоретически вероятного;

3) безразличие буквы к первой или второй позиции и взаимодействия с самой собой, т.е. есть ПС и СП, ПК и КП; КК, ...ТТ, тогда как в периферийных слоях есть один ЦП, нет ПЦ, есть ГЛ, нет ЛГ, после ОО нет других парных букв. Это доказывает положение Ю.А. Урманцева о левых, правых и лево-правых, или право-левых, объектах вообще [172] и В.А. Карпова об аналогичных лингвистических объектах [80].

Объясним существование ядра. Мы свели многообразие лексем, допустим, Обратного словаря (121532 единицы) к 27 инициальным подмножествам. При этом с позиции симметрии/асимметрии уничтожили конечную и линейную симметрии, совпавшие в точечной, или уменьшили симметричность системы на 2/3. Но оставшаяся точечная получила огромную плотность, что и видно на ядре. Сопоставив наши данные с данными ЧСЗ [182: 932], мы видим, что и в частотном словаре больше всего слов, начинающихся с П, С, далее В, Н, О, т.е. букв, в неявном виде представляющих слова с префиксами (*по-, при-, пере-, про-, пред-, с-, в-, воз-, вос-, не-* и т.п.). С точки зрения семантики оказались важны: М (*московский*), Л (*ленинградский*) – две столицы, Н (*научный*), К (*комитет, комиссия*), Ц (*центральный, центр*), Г (*город, городской*), С (*сельский, советский*), Р (*район, районный*), У (*учебный, управление, универсальный*), П (*промышленность, промышленный, проектный*) и другая употребительная лексика, создающая десятки тысяч употребительных словосочетаний.

Плотность омонимии можно показать на примере аббревиатуры ПР (21). Она отличается большим разнообразием структур сжатия: 1) *пароделатель-разравниватель*, 2) *плуг ротационный*, 3) *промышленный робот*, 4) *пескоразбрасыватель*, 5) *подвижная радиостанция*, 6) *полоса разрушения*, 7) *полоса руления*, 8) *произведение растворимости*, 9) *проходная сторона калибра*, 10) *прессовая посадка*. Оставшаяся часть сокращенных слов этой аббревиатуры обозначается на письме несколько иначе: *Пр.* – *приёмник*, *пр* – *пехотная рота*, *п/р* – *под руководством*, *п.р.* – *правая рука*, *пр.* – *правый*, *пр.* – *проезд*, *пр.* – *пролив*, *пр.* – *проспект*, *пр.* – *прочий*, *пр.* – *пруд*, *пр.-* *пулемётная рота*. Как видим, за структурой ПР (*пр., п.р., пр*) скрываются самые разные типы образований.

Матрица 13. Оптимизированная матрица нагруженности

	П	С	К	М	Т	А	Д	Р	Б	В	Г	О	И	Н	У	Л	Э	З	Ф	Ц	Ш	Ю	Я	Ж	Е	Ч	Х		
П	24	25	13	8	8	7	4	21	8	3	7	13	2	6	11	10	2	5	5	-	2	-	2	3	-	-	-	189	22
С	16	12	12	16	12	9	8	9	7	9	4	6	5	10	13	8	2	5	2	-	3	-	-	-	-	5	5	178	22
К	19	20	5	4	8	7	7	11	7	12	5	7	3	5	4	9	3	5	5	-	5	-	-	3	-	-	-	154	21
М	17	16	17	3	3	5	4	11	7	10	5	12	-	3	4	6	-	6	7	2	-	-	-	-	2	2	-	142	20
Т	9	13	12	6	8	4	3	8	9	7	5	9	3	7	11	-	5	2	3	-	2	-	-	2	-	2	-	130	21
А	11	6	8	5	11	5	5	3	6	6	4	12	-	5	5	3	-	5	2	4	6	-	-	2	4	-	-	118	21
Д	12	9	12	8	6	7	3	6	4	6	2	2	-	4	9	4	3	3	-	2	4	-	-	-	-	-	-	106	19
Р	12	14	8	5	12	2	8	4	4	8	3	4	-	8	7	2	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	104	16
Б	13	8	11	5	6	8	3	9	-	2	2	7	-	7	5	-	-	3	3	4	2	-	-	-	-	3	-	101	18
В	5	13	7	9	6	3	2	3	4	2	4	4	2	2	6	4	-	-	3	3	-	-	-	-	-	4	-	86	19
Г	4	7	8	2	-	4	5	13	5	3	4	5	3	2	4	5	-	2	-	-	2	-	-	-	-	-	-	78	17
О	13	10	7	4	4	2	2	3	4	5	3	2	2	2	2	-	-	3	3	-	-	-	-	-	-	-	-	73	18
И	5	7	6	4	3	4	-	3	-	6	4	-	-	2	-	3	2	-	2	-	-	-	-	3	3	-	-	57	15
Н	4	6	9	3	3	4	3	2	3	-	-	2	-	-	-	2	2	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	47	14
У	4	6	8	2	2	-	3	2	-	2	4	-	-	-	-	-	-	6	2	-	-	-	-	-	-	4	-	45	12
Л	7	8	7	-	3	3	5	2	2	2	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	43	11
Э	5	3	5	5	2	-	2	2	-	2	2	5	-	-	3	-	-	-	-	2	2	-	-	-	-	-	-	40	13
З	6	5	2	-	-	2	2	-	-	6	-	2	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	27	8
Ф	-	3	2	2	2	-	-	5	2	-	-	2	-	3	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	26	10
Ц	3	3	-	2	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	2	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	15	6
Ш	3	-	2	3	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13	5
Ю	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	2	-	-	-	8	4
Я	3	-	3	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	3
Ж	-	3	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	3
Е	-	-	-	-	-	-	3	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	2
Ч	-	-	3	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	2
Х	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	4	2
	195	199	169	95	102	76	74	124	75	95	58	98	22	66	90	58	19	52	40	19	28	-	2	15	9	27	5	1812	
	21	22	23	19	18	16	19	21	15	19	15	18	8	14	16	12	7	14	12	7	9	-	1	6	3	9	1		345

Так, если ПР есть нормальная аббревиатура от словосочетания *промышленный робот*, где каждая буква структуры представляет полное слово, то та же самая ПР, образованная от слова *пескоразбрасыватель*, рассматривается несколько по-другому. Такие слова, как *пролив*, *проспект*, представляют собой ещё один пласт в аббревиации, не относящийся ни к первому, ни ко второму примеру. Здесь же подчеркнём, что в матрице дано число всех разновидностей аббревиатур.

При числе 4126 трехбуквенных сокращений плотность омонимии по сравнению с двухбуквенными снижается, имея максимумом 7 значений: ВПО – 1) *внутрипочвенное орошение*, 2) *всесоюзное производственное объединение*, 3) *военизированная пожарная охрана*, 4) *военно-потребительское общество*, 5) *Всесоюзное палеонтологическое общество*, 6) *всесоюзное промышленное объединение*, 7) *Всесоюзная пионерская организация*.

Снижение плотности происходит, на наш взгляд, из-за расширения числа сжимаемых моделей. Однобуквенные аббревиатуры созданы по 12 моделям (мощных – 3), для создания двухбуквенных используются уже 69 (из них 39 – единичные). Трехбуквенные сокращения используют уже 210 моделей, что автоматически должно создавать разнообразие с меньшим числом совпадений. При создании 4-буквенных отмечено 80 моделей, но число сокращений уже снижается до 406 и повторяемость становится еще меньшей. Дальнейшее увеличение числа букв в сокращении приводит к вырождению омонимичности этого разряда слов, так как они практически становятся индивидуальными. Аналогичная закономерность убывания омонимичности в связи с длиной слова отмечена у обычных слов. Общим выводом может быть следующее – удлинение единицы в структурном отношении приводит к уменьшению омонимичности.

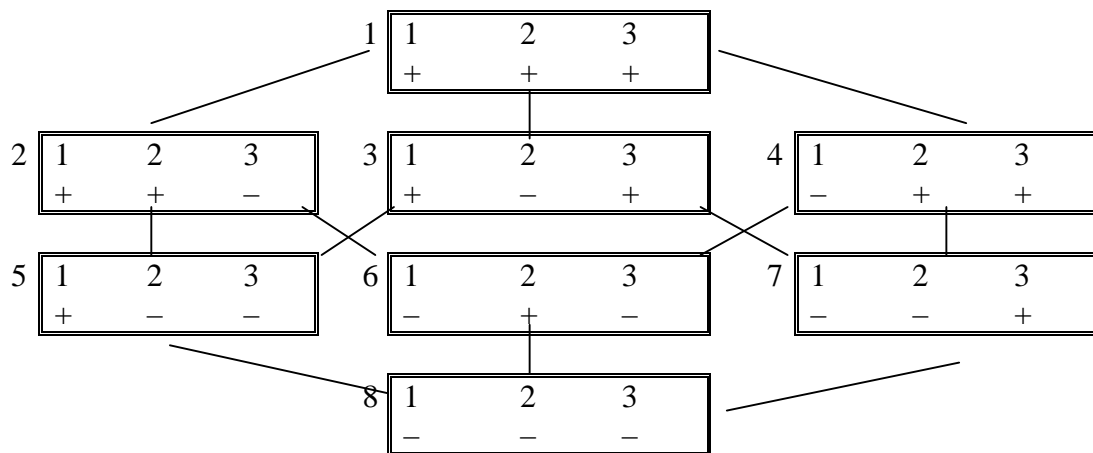
4.2. Пересечение/непересечение семантик в аббревиатурах

Омонимия аббревиатур позволяет выявить то, что нельзя обнаружить у обычных омонимов, – степень совпадения семантик элементов, составляющих аббревиатурное слово. Обозначим плюсом полное тождество семантики компонентов, составляющих аббревиатуру, а минусом обозначим семантико-грамматическое несовпадение; цифрами 1, 2, 3 обозначим элементы сжимаемого до нового слова словосочетания.

Мы попробовали показать это на аббревиатурах только одного буквенного подмножества, начинающихся с "М", и это нам удалось. Этот маленький эксперимент доказывает, что при использовании данных всего словаря результаты будут еще более впечатляющими.

Все 8 подсистем оказались непустыми. Таким образом, по пересечениям/непересечениям семантик мы получили 7 типов омонимичных аббревиатур.

Рис. 4.1. Семантическая омонимия

Подсистема 8 содержит примеры типа МОК = *Международный олимпийский комитет* и МОК = *Межправительственная океанографическая комиссия*. Синтаксическая модель одна, а наполнители-элементы по семантике полностью различны.

Подсистема 5 содержит аббревиатуры с совпадающим первым элементом типа МИЗ = *Московский институт землеустройства* и МИЗ = *Московский инструментальный завод*, модели сжатия разные.

Подсистема 6 содержит слова с совпадением второго элемента при одинаковых моделях типа МИД = *Международный институт документации* и МИД = *Московский институт декламации*.

Подсистема 7 содержит совпадающие по последнему элементу аббревиатуры при одинаковых моделях: МОК = *Московский областной комитет* и МОК = *Международный олимпийский комитет*.

Подсистема 2 имеет примером МФА = *Международная федерация актеров* и МФА = *Международная федерация по астронавтике*, совпадают первые два элемента, модели разные.

Подсистема 3 включает примеры, где совпадают семантики первого и третьего элементов при одинаковых моделях: ММП = *министерство местной промышленности* и ММП = *министерство металлургической промышленности*.

Подсистема 4 содержит примеры типа МГУ = *Московский государственный университет* и МГУ = *Мордовский государственный университет*. Чуть подробнее покажем на этой подсистеме, сколько там разных симметрий и асимметрий, чтобы продемонстрировать на триплетных кодах (а трехэлементная аббревиатура – это триплетный код, как коды барионов, генетический код, код многогранников и кристаллов) всю разрешающую мощь симметрии/асимметрии:

1. симметрия формы (упаковки) на буквенном уровне;
2. асимметрия значения целого комплекса со всеми ассоциативными связями (кончить МГУ в Москве и МГУ в Мордовии!);

3. симметрия сжимаемой модели;

4. точечная симметрия начальной буквы первого элемента, так как в другой подсистеме есть аббревиатура МГУ = *модуль группового управления* и МГУ = *мощная громкоговорящая установка*;

5. асимметрия семантик первого компонента и из-за нее асимметрия пункта 2;

6. симметрия двух остальных элементов аббревиатуры.

Здесь открывается новое направление исследования в виде точечно-конечной симметрии, так как буква представляет одновременно и точечно-конечную симметрию, и точечно-конечную асимметрию, что подчеркивает диалектику развития структур этого уровня слов.

Подсистема 1 представляет аббревиатуру, где каждый элемент рефлексивен сам себе, т.е. не омонимичен.

Отметим, что одна и та же аббревиатура по семантическим признакам может входить в разные типы из 7-и доказанных, т.е. аббревиатуры так же, как и обычные слова, создают омоузлы. Так, МОК входит в две омосистемы, триплетность позволяет теоретически предполагать, что максимумом пересечения могут на семантическом уровне быть узлы из 3-х единиц. Это определенное ограничение по сравнению с узлами из 8-и слов в максимуме у обычных словоформ. Здесь сказывается принадлежность лишь к 1, 2-м или 3-м частям речи (существительные, прилагательные, реже наречия), отсутствие форм изменения, т.е. явные причины вытормаживают процесс омонимизации. Но это тема отдельной детальной работы. Симметрия/асимметрия здесь задают новое направление анализа. Второй важный момент – равные модели имеют чаще равные семантические наполнители: в 5-и типах подсистем из 8-и совпадение семантик связывается с совпадением моделей. Можно утверждать, что такая взаимосвязанная симметрия способствует тиражированию объектов-систем этого рода (аббревиатур). Выводы работ В.П. Криндача и В.А. Карпова об этих неспецифических свойствах симметрии подтвердились на новом структурном материале [см. 98; 80].

Проверка других букв подтвердила наши предположения относительно увеличения наполнения подсистем. Примерами будут КИМ = *коэффициент использования металла* и *коэффициент использования материалов*, АМС = *автоматическая марсианская станция* и *автоматическая межпланетная станция*, МГА = *Международная геодезическая ассоциация* и *Международная гостиничная ассоциация*, ПАМ = *полковая артиллерийская мастерская* и *подвижная авиационная мастерская*, СРН = *сажалка рядовая навесная* и *сеялка рисовая навесная*, МОП = *Международное общество почвоведов* и *Международное объединение профсоюзов* и сотни им подобных.

Как показал анализ, все подсистемы оказались заполненными в разной степени. Эти различия говорят о том, что должны существовать причины, приводящие к такому состоянию омонимии на этом уровне. О вытормаживающей,

ограничительной функции семантики мы уже говорили при анализе двухэлементных сокращений. Попробуем искать дополнительные причины в структуре моделей, подвергающихся сжатию.

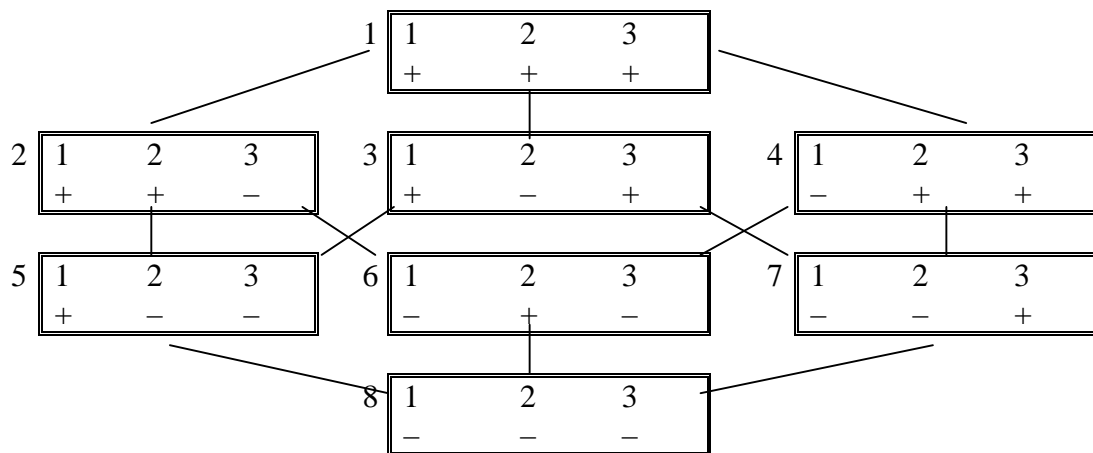
4.2.1. Пересечения/непересечения структурных элементов моделей сжатия

Аналогичным образом построим систему моделей трехсловных назывных словосочетаний, сжимаемых в аббревиатуру. Совпадение любого из структурных элементов модели по одному или в комбинаторике обозначим плюсом, несовпадение – минусом.

Все теоретически предсказанные 8 подсистем непусты. Это уже говорит о том, что гипотеза о связи семантик и моделей сжатия подтвердилась. Теперь посмотрим, какова эта связь: положительная или отрицательная. При условной положительной связи семантика должна способствовать пересечению элементов моделей, при отрицательной – выгораживать эти пересечения.

Подсистема 8 демонстрирует сжатие полностью различных моделей: ПБУ = *плавучая буровая установка* и ПБУ = *прибор большого увеличения*. Семантика наполнителей различна.

Рис. 4.2. Система синтаксической омонимии моделей

Ниша 5 содержит модели с совпадающим первым структурным элементом: ПМП = *планетарный механизм поворота* и ПМП = *полевая механизированная прачечная*. Семантика наполнителей различна.

Подсистема 6 демонстрирует совпадение среднего элемента модели при несовпадении крайних: ПМГ = *погрузчик малогабаритный грейферный* и ПМГ = *подвижная милицейская группа*. Семантика наполнителей различна.

Подсистема 7 содержит совпадающие лишь в третьем элементе модели: ПДС = *Палестинское движение сопротивления* и ПДС = *Партия демократического социализма*. Семантика наполнителей различна.

Ниша 2 демонстрирует более специфические случаи, когда совпадают структурные элементы модели и частично семантики: ПУН = *пункт управления и наведения* и ПУН = *пункт учета нефти*, ИФА = *институт физики и астрономии* и ИФА = *институт физики атмосферы*, КБП = *коэффициент биологического поглощения* и КБП = *кора больших полушарий головного мозга*. Семантика наполнителей совпадает и не совпадает.

Подсистема 3 содержит примеры типа ПТЭ = *правила технической эксплуатации* и ПТЭ = *Приборы и техника эксперимента*; из другого подмножества – ФОП = *Факультет общественных профессий* и ФОП = *Факультет организаторов производства*. Совпадает семантика первого элемента. Но среди 3-элементных аббревиатур на букву "П" мы не могли найти примера моделей такого кодового типа. Это уже означает некоторое вытормаживание семантикой, так как переход к иной букве автоматически выводит за пределы одной семантики и переход к другой.

Подсистема 4 содержит модели с несовпадающим первым элементом: ПДУ = *предельно допустимый уровень* и ПДУ = *производственное дорожное управление*. Семантика наполнителей различна.

Подсистема 1 показывает, что сжатию подвергаются идентичные модели: ПКП = *передовой командный пункт*, ПКП = *пехотный крупнокалиберный пулемет*, ПКП = *простейшая канатная переправа*. Семантика наполнителей различна. В другой модели удалось обнаружить и пересечение семантик: ПАМ = *подвижная артиллерийская мастерская*, ПАМ = *подвижная авиационная мастерская*, ПАМ = *полковая артиллерийская мастерская*.

Из примеров видно, что при разных, сходных или одинаковых моделях в 5-и случаях из 8-и отмечаются различные семантические наполнители. Эту ситуацию мы пока не беремся объяснить.

Связь модели и семантического наполнения можно определить следующим образом: одинаковые (симметричные) модели позволяют частично реализоваться и симметрии семантик (ср., например, ряд: БГУ, КГУ, ЛГУ, МГУ, ТГУ (*Тартусский, Ташкентский, Тбилисский, Томский, Туркменский, Тюменский, ...-ский государственный университет*)). Здесь уже может идти речь о своеобразной морфологии аббревиатур, сохраняющих семантику двух элементов. Это еще одно интересное направление для анализа.

Еще один важный момент. Одна и та же аббревиатура может структурными элементами пересекаться с самыми разными типами моделей; ср., например, КИП: 1) *кислородный изолирующий прибор*, 2) *комбинированный источник питания*, 3) *комплект измерительных приборов*, 4) *коэффициент использования площади*. В 1-м и 2-м примерах равны первые компоненты, во 2-м, 3-м и 4-м – последние, в 3 и 4 равны первый и третий. Данное явление представляет достаточно интересный феномен симметрии/асимметрии и требует дальнейшего более углубленного анализа. Мы же рассмотрим чисто синтаксические вопросы.

4.3. Анализ ядерных и расширенных моделей сжатия

Однобуквенные аббревиатуры, как мы указывали выше, в массе случаев несинтаксичны. Анализ показал, что среди одноэлементных структур чаще всего подвергаются сокращению существительные (176) и прилагательные вместе с причастиями (54), глагол (4), предлог (2). Из 314 сокращений на синтаксические сжатия остается 78 слов (около 25%).

Двухбуквенные аббревиатуры (1812) используют 69 моделей, но основной корпус создается за счет сжатия 5-6 наиболее употребительных моделей: "прил.+сущ." (965), одиночное существительное (348), "сущ. в им.п. + сущ. в род.п." (187), "сущ. + прил." (119), одиночное прилагательное (70), "прил. + прил." (21). Остальные модели используются реже (от 12 до единичных случаев).

Отметим, что трехбуквенные аббревиатуры могут представлять сжатие двусловной модели, ср. ТВ = *тропический воздух* и ГЗУ = *грозозащитное устройство*, ГЗУ = *грунтозаборное устройство*. В русском языке одно из самых распространённых свободных сочетаний (в художественных текстах и деловой прозе) – это сочетание "прилагательное + существительное", поэтому понятно существование большого количества аббревиатур, представляющих сжатие данных моделей.

Количество трехбуквенных структур в сравнении с другими представляет пик (4126). Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что три компонента аббревиатуры могут находиться в самых разнообразных связях между собой, что связано и с числом сжимаемых до аббревиатур моделей. Для экономии места мы даем их таблицей 8.

Как видно из таблицы 8, чаще всего сжатию среди омонимичных трёхбуквенных аббревиатур подвергается расширенная на одно прилагательное модель "прилагательное + существительное". На оставшиеся 184 модели приходится только 420 примеров.

Четырёхбуквенные аббревиатуры насчитывают уже 406 комплексов при наличии 80 моделей. Причём, 8 наиболее продуктивных моделей дают 288 примеров, на остальные 72 модели приходится 118 примеров.

Максимальная омонимическая плотность этого типа аббревиатур снижается в максимуме КГМИ (9): 1. *Карагандинский государственный медицинский институт*, 2. *Казанский ордена Трудового Красного Знамени государственный медицинский институт имени С.В. Курашова*, 3. *Казахский горно-металлургический институт*, 4. *Калининский государственный медицинский институт*, 5. *Кемеровский государственный медицинский институт*, 6. *Кишинёвский государственный медицинский институт*, 7. *Куйбышевский государственный медицинский институт имени Д.И. Ульянова*, 8. *Курский государственный медицинский институт*, 9. *Крымский государственный медицинский институт*.

институт. Далее ВНИИ (6), КГПИ (6), ВГПИ (5), НКТП (5), МГПИ (5), МГМИ, КСХИ (4), ОРПС, ПУРС, ПАБК (3) примера.

Пятибуквенные и более длинные омонимичные аббревиатуры и сокращения отмечаются уже реже. Плотность омонимии доходит до своего минимума 2, разнообразие моделей при этом растёт. Из этого факта можно сделать вывод, что удлинение аббревиатуры, представляющей расширенную модель словосочетаний, приводит к вырождению омонимии в силу неповторяемости (уникальности) как моделей сжатия, так и семантических наполнителей.

4.4. Качественный анализ омонимии аббревиатур

Наиболее употребляемые модели сжатия в трёхэлементной омонимичной аббревиации сведены в таблицу 8.

Таблица 8

№ п/п	Кол-во аббр.	Примеры модели и ее наполнения
1.	1059	АГС = артиллерийская громкоговорящая связь
2.	841	АРЗ = актинометрический радиозонд
3.	417	ВКП = внезапный контроль прохождения
4.	381	АДД = авиация дальнего действия
5.	295	выс. = выселки, высота
6.	223	бак. = Бакинский, бактериологический
7.	109	СРН = сажалка рядовая навесная
8.	84	МИР = Музей истории религии
9.	60	КРН = культиватор-растениепитатель навесной
10.	47	СКД = синтетический каучук дивиниловый
11.	39	мех. = механика, механический
12.	39	АДУ = автомобиль дымоудаления
13.	29	МАП = Министерство автомобильной промышленности
14.	23	МАК = Международная ассоциация по кибернетике
15.	21	СТО = Совет труда и обороны
16.	19	САМ = счётно-аналитическая машина
17.	17	ПАЗ = Павловский автобусный завод
18.	16	НРК = Народная республика Кампучия
19.	13	АЗУ = агрегат для ускоренного залуживания
20.	12	ГМП = главный пункт медицинской помощи
21.	11	СНТ = стабилизатор напряжения трансформаторный
22.	11	МАИ = Московский архитектурный институт
23.	10	вод. = водный, водонапорная башня
24.	10	ПММ = подвижная механическая мастерская
25.	10	СИМ = Сибирский научно-исследовательский институт металлов
Итого		3796

Качество составляющих аббревиатуру элементов связано с семантикой, поэтому это семантический анализ. Теоретически можно предположить, что аб-

бревиатуры могут быть омонимичны другим аббревиатурам, равно как и обычным словам. Тогда вроде бы имеем только 2 подсистемы. Это не совсем так. Обозначим аббревиатурное слово через (А), обычное несокращенное слово через (Н). Плюс будет означать омонимичность "среди, между", а минус ее отсутствие. Полная система омонимии из 4-х подсистем в виде симметрично-асимметричного квартета представлена на графе рис. 4.3.

Подсистема 4 означает существование неомонимичных слов. Эта подсистема необходима и не существует вне классификации, аббревиатуры существуют на фоне неаббревиатур, омонимия внутри подсистем и между подсистемами также может существовать только на фоне ее отсутствия.

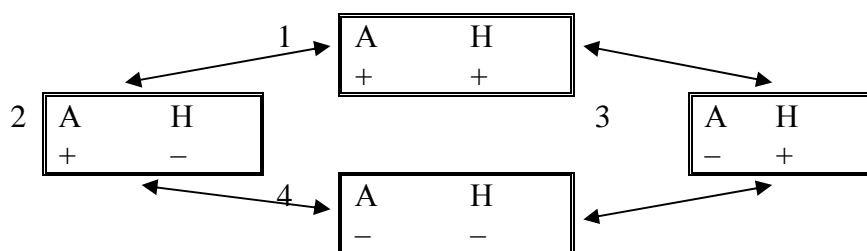

Рис. 4.3

Подсистема 2 означает существование омонимии среди аббревиатур. Она доказана на двухбуквенных и частично трехбуквенных аббревиатурах в начале раздела.

Подсистема 3 означает существование омонимии среди обычных слов. Она детально описана в предыдущих разделах.

Подсистема 1 означает существование омонимии между аббревиатурами и обычными словами.

Для одноэлементных аббревиатур выявление омонимии не составляет труда, так как здесь количество примеров на одну конкретную букву алфавита равняется количеству случаев омонимии этого размера. Для полноты представления семантических значений приведем все статьи одноэлементных аббревиатур, начинающихся с "П" (1–13) *паровоз, пеленг, песчаный* (грунт брода), *Петроград* (в библиографии), *планировщик, плиточный* (в маркировке угля), *плотная посадка, повышенный* (класс подшипников), *предложный падеж, приёмный калибр, промышленный паровоз, пуаз, для пустынных фонов* (при обозначении маскировочных средств) и с "п" (14–25) *падеж, параграф, переулок, пешка, пико...* (десятичная приставка к единицам измерения), *полк, полковой, посёлок, пуд, пункт, параположение заместителя, пьеза, пета...* (десятичная приставка к единицам измерения).

Определённый интерес представляет здесь омонимия, которая обусловлена тем, что отдельные буквы алфавита совпадают в русском языке с союзами и предлогами. Это буквы: А 12, И 7, О 9, С 23, К 24, В 15, У 8 (в сумме дают 98 омонимичных аббревиатур). Кроме омонимии с союзами и предлогами, отме-

чена омонимия типа: О – *орудие*, о – *осевой насос*; А – *азимут*, *ампер*, *анод* и т.п.

Начиная с двухбуквенных аббревиатур и далее, круг слов, создающий омонимичные отношения, расширяется, и сокращения начинают представлять расшифровку практически всех частей речи и разных типов сочетаний. Так, аббревиатура "ДА", совпадающая с частицей, расшифровывается следующими моделями: ДА = *дальняя авиация*, *Дегтярёва авиационный* (пулемёт), *дивизионная артиллерия*, *дизельное арктическое* (топливо), *доильный агрегат*, *дымообразующая аппаратура* и "да" = *дека...* (десятичная приставка к единицам измерения). Отмечены совпадения с местоимениями: ИМ = *импульсная модуляция*; предлогами: ОТ = *огневая точка*, *опрыскиватель тракторный*, *отбой тревоги*; существительными: ЯР = *ядерный резонанс*, ЯД = *ядовитый дымообразователь*, АД = *асинхронный двигатель*, *авиационный двигатель*, *артериальное давление*, *авиационная дивизия*, *артиллерийская дивизия* (всего 32 случая).

Размер сокращения в три буквы создает целые грамматико-семантические группы: ИМИ = *Ижевский механический институт*, ВАШ = *военная авиационная школа*, ВАС = *Восточноафриканское сообщество*, *Всероссийский астрономический союз*, ВАМ = *Всемирная ассамблея молодёжи*; СНА = *Союз народов Анголы*; СНУ = *стогометатель навесной универсальный*, *свеклоподъёмник навесной универсальный*; ПСА = *прореживатель свекловичный автоматический*, *профессиональные союзы Албании*, ПСУ = *приборы и системы управления*, *паросиловая установка*, ПСЕ = *партия социалистического единства*.

Появляются омонимичные совпадения с глаголами: ГАС = *гидроакустическая станция*, *главный авиационный склад*, *головной авиационный склад*; ПАЛ = *патологоанатомическая лаборатория*, пал. = *палата*; РВУ = *рыхлитель виброударный*, ТКУ = *траншеекопатель универсальный*; ТКИ = *температурный коэффициент индуктивности*. Отмечены совпадения с краткими прилагательными: БОС = *береговой отряд сопровождения*; СИВ = *союз исполнительное вече*; сер. = *серебро*, *серебряный*, *середина*, *серия* и др. Омонимичны трёхбуквенные аббревиатуры и с числительными: СТО = *система технического обслуживания*; СТА = *северное телеграфное агентство*.

Отмечена омонимия аббревиатур с междометиями и предлогами: ОГО = *орбитальная геофизическая обсерватория*; БИС = *большая интегральная схема*; ГОП = *горнообогатительное производство*, ЭКА = *Экономическая комиссия ООН для Африки*; ПРО = *противоракетная оборона*, НАД = *никотинамидадениндинуклеотид*.

Если у однобуквенных сокращений цифра совпадений с обычными словоформами равнялась 98, у двухбуквенных – 32, то у трёхбуквенных аббревиатур эта омонимия увеличивается до 214 примеров. Представлена она практически всеми частями речи, причём, существительные, местоимения и глаголы представлены разными формами.

Омонимия четырёхбуквенных аббревиатур с полными словами и словоформами по сравнению с трёхбуквенными снижается, видимо, по той причине, что: 1) количество четырёхбуквенных аббревиатур чуть не в 10 раз меньше, чем трёхбуквенных; 2) число компонентов сокращения растет и вступает в противоречие с системными способами создания обычных слов, так как омонимия здесь носит случайный характер. Отмечено 95 примеров совпадений. Представлена эта омонимия тоже всеми частями речи: БИНТ = *бюро иностранной науки и техники*; ИВАН = *Институт востоковедения Академии наук СССР*; ДОМА = *демократическая организация молодёжи Афганистана*; КАНУ = *Африканский национальный союз Кении*; ВРОС = *всесоюзная рисовая опытная станция*; НАМИ = *научно-исследовательский автомобильный и автомоторный институт*; СКОР = *Научный комитет по океаническим исследованиям* и т.п.

Омонимия аббревиатур и сокращений из 5 и более букв уже составляет 31 пример. Происходит вытормаживание создания совпадений семантик из-за огромного числа потенциальных и реальных моделей сжатия. Налицо переход к собственно синтаксису уже не ядерных, а расширенных моделей, что и обуславливает вырождение омонимии. Ситуации становятся настолько индивидуальными, что совпадения крайне редки. С другой стороны, происходит и вырождение самих аббревиатур большой длины, они становятся неудобными, так как необходимость сокращения какого-то словосочетания в целях экономии (экстралингвистический фактор) вступает в противоречие с фонетическими, морфологическими и грамматическими законами системы (лингвистический фактор). Отсюда редкость сокращений типа: ЛГАЛИ = *Ленинградский государственный архив литературы и искусства*.

4.5. Омонимия в рамках ядерных и расширенных текстовых моделей

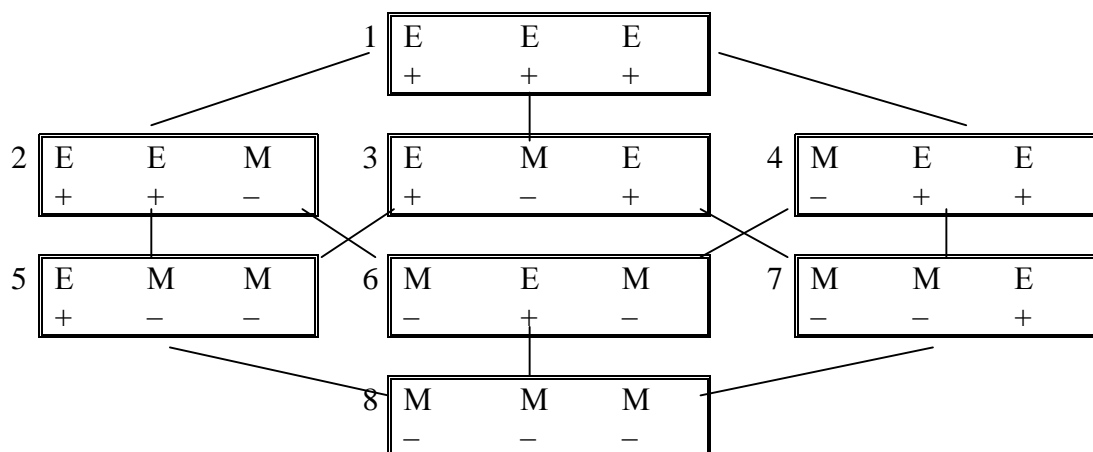
Существование омонимии на уровне словоформ должно провоцировать омонимию и на следующем уровне – уровне композиций словоформ (термином "композиция" мы пользуемся вслед за Ю.А. Урманцевым и В.А. Карповым как более общим по сравнению с терминами "словосочетание", "синтагма", "предложение" и др.). Анализ показал, что омонимия отмечается и на этом уровне, но имеет свои особенности. Регулярное неразличение форм именительного и винительного падежей у множества существительных всех родов (исключая одушевлённые существительные мужского рода и женского рода, оканчивающиеся на *-а*, *-я*) должно приводить к омонимии в композициях, представляющих субъект (деятеля) и объект действия, а также субъект с существительным-определением в родительном падеже: *Игры сменяют занятия, Приглашает клуб ветеранов*. Такое состояние предполагает достаточно сильную омонимию в указанных синтаксических конструкциях.

Компьютер лишён человеческой интуиции. Кроме того, в памяти не может содержаться информации об имевшей место некоторой ситуации, которая позволяла бы снять омонимию на входе. Получается неразрешимая задача. Но обращение к массиву данных по синтаксическим моделям банка данных лаборатории показывает, что проблема омонимии на уровне синтаксиса в определённой мере искусственная. На объеме свыше 4-х тысяч композиций, полученных сплошной выборкой, отмечен лишь 321 случай типа *Молодость обретает зрелость*, *Успех принёс подряд* и т.п.

Представляет интерес выяснение причин, вытормаживающих теоретически ожидаемую омонимию. Развивая идеи В.А. Карпова о существовании ограничивающих омонимию факторов [80: 226–227], для определения степени омонимичности построим куб с учетом форм числа у элементов модели. Единственное число обозначается "Е", множественное "М" (см. рис. 4.4).

С учетом того, что каждый элемент модели может принимать значение единственного и множественного числа (нельзя априорно наложить никаких ограничений), мы получим 8 комбинаторных подсистем.

Рис. 4.4. Система числовой омонимии в рамках модели

Согласование глагола с субъектом в числе оказывается формальным признаком вытормаживания или снятия омонимии, т.е. в шести случаях из 8 субъект и объект различаются через глагол. Таким образом, мы получили теоретические параметры омонимичности в данной модели: лишь в 2-х случаях ниши "EEE" и "MMM" может быть омонимия типа хрестоматийных примеров: *Мать любит дочь*, *Творчество рождает вдохновение*, *Молодость обретает зрелость* и т. п. Это составляет 25% всего наполнения модели. Но в реальности отмечен значительно меньший процент омонимии.

Материалы банка данных НИЛ теоретической и прикладной лингвистики по данной модели представляют все 6 вариантов порядка следования элементов, они даны по мере убывания количества в БД (С=субъект, П=предикат, О=объект).

Таблица 10

	СПО	ОПС	ПОС	ПСО	СОП	ОСП	Всего
Общее к-во	2731	751	250	150	135	17	4034
К-во омон.	74	9	10	9	13	2	321

Из таблицы видно, что конструкции с омонимичными субъектами и объектами составляют менее 10% от общего числа по всем исследуемым моделям. Нам следует оговорить тот факт, что наши данные с омонимичными субъектами и объектами являются конструкциями с формально омонимичными С и О, поэтому процент семантической омонимии будет ещё ниже. Основными грамматическими показателями, характеризующими омонимичные С и О, являются категории падежа, числа, рода и одушевлённости, причём все они тесно взаимосвязаны.

Так, если в конструкции мы находим множественное число у субъекта и объекта, то омонимичной эта конструкция будет только в том случае, если и субъект и объект неодушевлённые существительные: *Весы показывают калории, Леса охраняют поля*. В противном случае омонимия снимается. При одушевлённом С или О (но не С и О) омонимии С и О не будет, ср: *Новостройки зажигают огни* и *Строители зажигают огни*.

Таким образом, из теоретически возможных 25% омонимии в нишах ЕЕЕ и МММ одушевленность субъекта при неодушевленности объекта вытормаживает около 15% теоретически предполагаемой омонимии.

В категории рода теоретически возможно 9 комбинаторных двучленных сочетаний родов: 1) ММ, 2) ЖЖ, 3) СС, 4) МЖ, 5) МС, 6) ЖМ, 7) ЖС, 8) СМ, 9) СЖ. Для конструкций с омонимичными субъектом и объектом наиболее характерны первые три сочетания. Однако посмотрим, что мы имеем на практике. Все девять предполагаемых сочетаний встретились в материалах банка данных лаборатории. Наиболее частотными являются сочетания с мужским родом: М.р.+ М.р.; М.р.+ С.р.; М.р.+ Ж.р.

Преобладание сочетаний с субъектом и объектом в мужском роде можно объяснить следующими факторами: а. По данным "Частотного словаря" Э. Штейнфельдт, 46,8% существительных русского языка относятся к мужскому роду, поэтому сочетания со словами мужского рода наиболее частотны; б. В единственном и во множественном числе все неодушевлённые существительные мужского рода, которые не оканчиваются на *-а*, *-я*, не различают формы именительного и винительного падежей. Низкий уровень наполняемости двух других симметричных по категории рода сочетаний субъекта и объекта (ЖЖ, СС) объясняется следующими причинами: 1. Если и С, и О слова женского рода, то роль ограничителя омонимии играет категория склонения: только в третьем склонении именительный и винительный падежи существительных женского рода совпадают в единственном и во множественном числе (для оду-

шевлённых только в единственном), что сделало возможным такую омонимичную конструкцию, как *Мать любит дочь* или *Дочь любит мать*. Поскольку число существительных женского рода 3-его склонения значительно уступает количеству существительных этого рода в первом склонении, следовательно, этим фактом можно объяснить меньшую употребительность сочетаний, где субъект и объект слова женского рода (35,1 %); 2. Малочисленность наполнения сочетаний, где омонимичные С и О среднего рода, объясняется малочисленностью существительных среднего рода (15,5%).

Высокий уровень наполняемости С и О в сочетаниях (М + С) и (М + Ж) мы объясняем механизмом работы категории склонения: М + С влияние второго склонения (м.р. нулевая флексия, ср. р. *-o/-e*); М + Ж влияние первого склонения (ж.р. и м.р. на *-a/-я*).

Таковы основные параметры работы грамматических категорий в конструкциях с омонимичными субъектами и объектами. Однако, как указывалось выше, система языка не стремится иметь высокий процент совпадающих форм. Пользователь языка, видимо, подсознательно избегает омонимичных форм, так как реальная омонимия в конструкциях ниже теоретически возможной наполовину. По нашему мнению, омонимия здесь снимается следующими способами: 1. Механизм работы категорий рода, числа, падежа, одушевлённости оказывает тормозящее действие на использование омонимичных форм субъекта и объекта; 2. Семантика субъектов и объектов имеет прямую связь с управлением глагола, так как в конструкции глагол управляет только одним существительным, семантика которого позволяет определить его как субъект, например: *Новостройки зажигают огни. Штаб проверяет готовность*. Но ни в коем случае не наоборот; 3. Конструкции с омонимичными субъектами и объектами разграничиваются порядком слов с привлечением (2) способа. Таков, по нашему мнению, механизм сопротивления омонимии в системе языка.

Недостаток места не позволяет нам описать ряд других моделей, где омонимия возникает на базе омонимичных словоформ с совпадением других лексических и семантических значений: *Пришёл день мести, Только им одним, Пришли трактора, Цвета янтарной осени, На картуз, Родные сестры, Целую буханку, Денисова хочет покритиковать, Света ждала, Не прощается, Вы служите, Боевая награда матери, Покоряет фантазия мастера, Людям города дарить, По приказу ГТО не освоили, Вагоны стоят меньше, Мука с травяной мукой, Приветствует весь мир* и т.п.

Отметим лишь, что с увеличением длины модели нарастает её индивидуальность, так как при длине в 7 словоформ повторяемость моделей резко падает при увеличении их типологического разнообразия. Число же переменных наполнителей каждой грамматической позиции в модели возрастает, что приводит к уникальности отражения мира через конкретную модель.

4.6. Снятие омонимии в речи и на письме

Доказав пронизанность всей системы языка омонимией на разных уровнях и выяснив всевозможные разнородные количественно-качественные разновидности и типы омонимии, мы переходим к описанию системных способов её снятия.

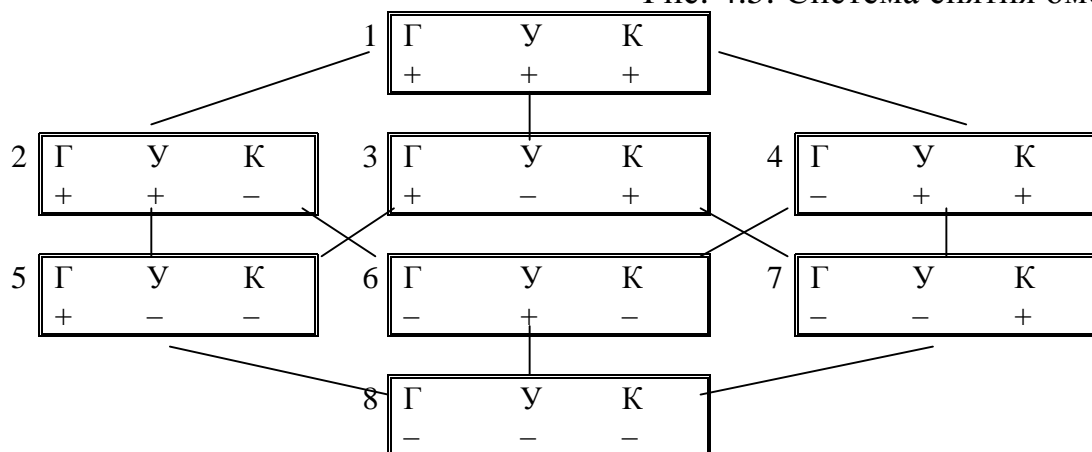
Исследователи этой проблемы отмечают три основных момента, вытормаживающих омонимию в письменных текстах: контекст, графику, ударение [88:92]. Но три этих способа в комбинаторике дают уже полную систему из 8-и вариантов снятия омонимии: графика (Г), ударение (У), контекст (К).

Подсистема 8 обязательная ниша, где: 1) омонимия не снимается; 2) снимается другими способами; 3) находятся неомонимичные слова.

Подсистема 5 представляет омонимы, различающиеся графикой: частично различие имен нарицательных и собственных в середине и в конце предложения или словосочетания (но не в начале).

Подсистема 6 содержит омонимы, различающиеся ударением. Этот активно действующий способ различает: вид глагола (*вЫсыпАть*, *нарЕзАть* и т.п.), падеж и число (*трАвы*, *вОды* и т.п.), семантику (*мУка*, *стОйка* и др.) и другие категориальные признаки. Отметим, что мы имеем в виду ударение в письменных текстах.

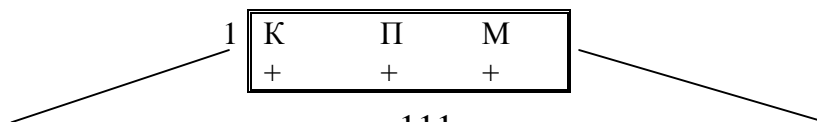
Рис. 4.5. Система снятия омонимии

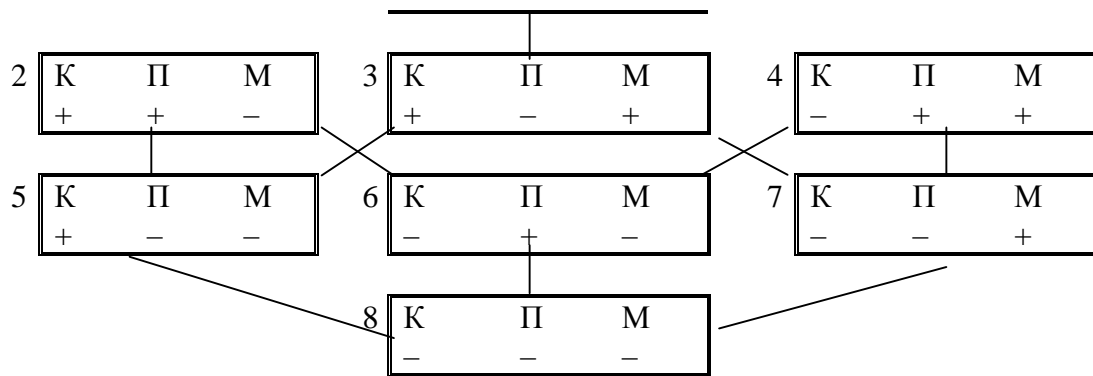

Подсистема 7 представляет контекст, вытормаживающий омонимию. Это может быть как собственно окружение слова, так и словарь предметной области, ограничивающий омонимию. Так, омонимы *хлопок* и *хлопок* вряд ли попадутся в рамках одной предметной области, а значит, и конкретного текста.

Подсистемы 2, 3, 4 и 1 представляют комбинаторные способы снятия омонимии. Таким образом, мы снова получили 7 способов снятия, связанные с семью же способами развития омонимии в системе [см. раздел Количественно-качественные изменения в системе].

Рис. 4.6

Теперь представим детально, как работает ударение. Класс (часть речи) обозначим через "К", позицию через "П" и корневую матрицу через "М".

1. Различаются: *ОтрУб*, *засыПнАть*, *гАвАнский*; не различаются: *полька*, *финка* и подобные;
2. Различаются: *АтлАс*, *УжИн*; не различаются: *однотонный*, *засыпать* (спать) и *засыпать* (сыпать) и т.п.;
3. Различаются: *трАвы:травЫ*, *сЕлите:селИте*; не различаются: *мышь*, *лирика*, *дали*, *ели* и многие другие словоформы;
4. Различаются: *вОлОк*, *мАстерская*; не различаются: *запевала*, *часовой*, *кондитерская* и т.п.;
5. Различаются: *нАрЫ*, *чУмА*; не различаются: *кода*, *бука* и т.п.;
6. Различаются: *дОрОги*, *намОлОт*; не различаются: *трону*, *распил*, *пух*, *надел*, *простой* и др.;
7. Различаются: *пОдАть*, *прОнАсть*; *пОчЕсть*; *дОмА*; не различаются: *тепло*, *зло*, *добро*, *отцов*, *трут* и т.п.
8. Различаются: *сОльЮ*, *пОлзАла*; не различаются: *при* (предлог *при* и и повелительное наклонение от *переть*), *жало* (от *жалить* и *жать*) и другие.

Как видно из примеров, ударение частично снимает, частично не снимает омонимию во всех 8-ми подсистемах, что говорит о том, что, кроме ударения, должны существовать и другие способы снятия омонимии.

Если рассмотреть омонимию с точки зрения порождения и восприятия текста, то можно отметить следующие моменты:

- а) для говорящего и пишущего омонимии нет, если автор специально не хочет использовать омонимы в каких-то своих целях (двусмысленность, шутка и т.п.);
- б) для слушающего и читающего омонимии почти нет, так как ударение, контекст снимают практически все омонимичные ситуации;
- в) при машинной обработке текстов и при машинном переводе омонимия возрастает, так как при двух системных омонимиях возникает еще и межсистемная омонимия, описанная выше.

4.6.1. Проблема омонимии на входе и выходе ЭВМ

Использование естественного языка в интеллектуальных системах ставит перед исследователями и разработчиками множество серьезных задач. Одной из таких задач является проблема омонимии от уровня словоформ до уровня синтаксиса. При обработке словоформы на входе ЭВМ это создает большие помехи и ставит задачу выбора словоформ [см. 61: 38].

Авторы монографии "Языковые средства автоматизированных информационных систем" (считающие, что в машинном словаре основы и окончания должны быть отдельными) отмечают: "Проверка основы и окончания слова на совместимость позволяет в основном преодолеть трудности морфологического анализа, связанные с омонимией основ слов. Однако при этом остается неразрешенной такая омонимия основ слов, которая может привести к совпадению некоторых форм различных слов. Например, у слов *техник* и *техника* совпадают несколько форм единственного и множественного числа, и вне контекста по одной форме слова нельзя определить, о каком слове идет речь. Такого рода омонимия может быть разрешена только средствами синтаксического анализа, а в некоторых случаях потребуются и семантический анализ контекста" [32: 153].

Межкорневая, или лексическая, омонимия частично снимается при создании словарей предметной области тем, что определенная часть таких омонимов распределяется по разным словарям (ср.: *проказа* 'шалость' и *проказа* 'болезнь', *каток* 'место для катания' и *каток* 'машина' и т.п.).

При снятии грамматической омонимии на входе единственным на сегодня средством является анализ окружения омонимической словоформы и создание лакмус-контекстов, приводящих к однозначному выбору нужного слова.

Наиболее надежным способом снятия омонимии в двух языках в плане грамматическом и лексическом является, по нашему мнению, системное кодирование. Системный характер кода представляет следующие характеристики: 1. Код должен быть экономным и в то же время избыточным, таким кодом является система-язык. Так, в слове *систем-ами* 3 последние буквы кодируют творительный падеж, множественное число, указывают на твердую основу (при мягкой было бы *-ями*), но скрывают признак рода при этой экономии. Система глагола в прошедшем времени избыточна: *она пришла, он пришел, оно пришло* (указание на род и в глаголе, и в местоимении или в существительном). А в настоящем времени, в повелительном наклонении недостаточна (ср.: *Я иду, ты сходи* и т.п., где нельзя определить род). 2. Код должен снимать омонимию, т.е. быть однозначным; 3. Код должен быть простым и в то же время сопряженным, что сообщает экономичность коду.

Так, если в коде глагольного управления глаголов *видеть* и *стоять* будет упакована информация о том, что первый управляет винительным падежом, а в коде второго такой информации не зашито, то обращение к коду управления позволит в композиции *вижу стол* присвоить слову *стол* код винительного па-

дежа, а в композиции *стоит стол* код именительного падежа, что обеспечит на выходе правильное перекодирование и их смысловую обработку.

Аналогичное кодирование прилагательных, предлогов, местоимений, числительных, учитывающее согласование, управление и примыкание как основные типы связей, позволяет надеяться на успешное решение этой проблемы, находящейся на данном этапе в стадии научной проработки.

В рамках работ по использованию языка в интеллектуальных системах В.А. Карповым был разработан такой код на базе симметрии/асимметрии. Он имеет вид матрицы, читаемой по строкам и столбцам (матрица 14).

1) код состоит из трех символов;

2) первый символ обозначает часть речи, его нет в матрице: глагол = 2, краткое страдательное причастие = 6, наречие = 4, существительное = 1, местоимение = 3, прилагательное = 7, числительное = 0, предлог = 9, союз = 5, частица = 8;

3) два других символа кодируют грамматические позиции рода, числа, падежа для существительных, прилагательных, причастий. Для глаголов род, время, лицо. Для местоимений падеж, род, лицо, число.

4) первый символ 6 после кода глагола как части речи означает прошедшее время, символ 7 настоящее время и символ 8 будущее время, символ 9 повелительное наклонение. Второй символ означает лицо и число. Вторые нечетные символы везде означают единственное число, четные символы множественное число.

Матрица 14

	И.	Р.	Д.	В.	Т.	П.	Пр. в.	Наст. в.	Буд. в.	Пов. н.
я	01	11	21	31	41	51	61	71	81	91
ты	03	13	23	33	43	53	63	73	83	93
он	05	15	25	35	45	55	65	75	85	95
она	07	17	27	37	47	57	67	77	87	97
оно	09	19	29	39	49	59	69	79	89	99
мы	02	12	22	32	42	52	62	72	82	92
вы	04	14	24	34	44	54	64	74	84	94
они	06	16	26	36	46	56	66	76	86	96
	08	18	28	38	48	58	68	78	88	98
	00	10	20	30	40	50	60	70	80	90

Предлоги, управляющие только одним падежом, берут код соответствующего падежа: 9-1 родительного, 9-2 дательного, 9-3 винительного, 9-4 творительного, 9-5 предложного. Многопадежные предлоги требуют специального кодирования.

Первые символы при чтении по вертикали кодируют 6 падежей (от 0 до 5), три времени и одно наклонение (с 6 до 9). Вторые символы при чтении по горизонтали кодируют лицо, род, число для местоимений и глаголов; число и род

для существительных, прилагательных и причастий. Две последних строки и часть столбцовых клеток матрицы еще пусты, этими кодами можно кодировать еще некоторые сложные позиции.

Матрица кода позволяет однозначно закодировать местоимения, прилагательные, существительные, причастия и глаголы так, что грамматическая, межклассовая и внутриклассовая, внутрипарадигматическая и межпарадигматическая внутри одного класса омонимии снимаются кодом. Особенно это хорошо в случаях согласования в роде, в роде и числе, в роде, числе и падеже.

Примеры на согласование:

<i>получена новая книга</i>	6-07 7-07 1-07
<i>Мы получили новую книгу</i>	3-02 2-62 7-37 1-37
<i>Они получают новую книгу</i>	3-06 2-86 7-37 1-37

Примеры на снятие омонимии:

<i>получены новые книги</i>	6-06 7-06 2-06	снята омонимия
<i>нет новой книги</i>	нет 7-17 1-17	именит.мн.: род. ед.
<i>в банке нет денег</i>	в 1-55 нет 1-16	снята лексическая
<i>в банке лежит чай</i>	в 1-57 2-75 1-05	разнородовая омонимия

Приравнивание притяжательного местоимения к прилагательному позволяет снять наиболее частую омонимию родительный: винительный личных местоимений против всех падежей притяжательных местоимений типа *его*, *её*.

<i>нет его</i>	нет 3-15
<i>я вижу его</i>	3-012-71 3-35
<i>я вижу его книгу</i>	3-012-71 7-35 1-37
<i>это цифра три</i>	это 1-07 0-07
<i>ты не три кожу</i>	3-03 не 2-93 1-37
<i>прибавь два к трём</i>	2-930-39 к 0-29
<i>мы не трём кожу</i>	3-02 не 2-72 1-37

Основные выводы этой главы сводятся к следующим положениям:

- создание аббревиатур имеет семантико-синтаксический характер и приводит к омонимизации языковой системы;
- омонимия на уровне словоформ предполагает омонимию на следующем уровне словосочетаний, что является сильной помехой при использовании языка в ЭВМ;
- грамматическое кодирование способно снять омонимию на входе и выходе ЭВМ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проделанной работы, отметим, что мы рассматриваем её как предварительный этап и как базу для более углубленного анализа и осмысления проблемы. В процессе работы логико-математическим путем были доказаны следующие положения.

1. Связи омонимии как феномена с языковыми процессами: а) словообразованием во всех видах от аффиксации до аббревиации и словосложения; б) словоизменением; в) заимствованием.

Этот факт опровергает существующие мнения о том, что омонимия является чем-то "инородным", неестественным в системе языка или носит случайный характер. В ряде случаев это так, но при создании аббревиатур мы идем сознательно на сжатие информации.

2. Связи омонимии со всеми основными грамматическими категориями, а именно: а) категорией рода; б) категорией числа; в) категорией падежа; г) категорией одушевленности/неодушевленности; д) категорией времени; е) категорией лица; ж) категорией вида и другими.

Все эти связи свидетельствуют о том, что омонимия пронизывает языковую систему и является своего рода "склеивающим" материалом, связывающим парадигмы одной и разных частей речи.

3. Связи со статикой и динамикой системы, подчеркивающие медленный, но постоянный рост числа омоформ и уплотнение омоузлов, что говорит о непрекращающемся процессе омонимизации системы.

4. Уровневый характер омонимии, свидетельствующий о том, что омонимия существует: а) на уровне минимальных знаков (звуков, фонем, букв); б) на морфемном уровне от грамматических до словообразовательных морфем; в) на уровне лексем как однокоренных, так и разнокоренных; г) на синтаксическом уровне.

Этот факт показывает, что существование иерархо-неиерархической языковой системы (а, видимо, и любой другой) не может обойтись без омонимии как разновидности изо-полиморфизма.

5. Связи с лингвистическим и экстралингвистическим факторами. Омонимия уровня словоформ или лексем служит базой для развития омонимии следующего уровня, а именно словосочетаний, композиций, сжимаемых при аббревиации до уровня нового слова. Омонимия среди аббревиатур достаточно велика. Это показывает, что при создании аббревиатур детерминизм ситуации как толчка для совершения акта номинации вступает во взаимодействие с детерминизмом языка-системы. В результате этого взаимодействия наступает относительная гармония экстралингвистического и лингвистического факторов.

Этот анализ связывает омонимию как предмет исследования с другой областью синтаксисом, так как сжатию-аббревиации подвергаются чаще всего определенные модели. Вторым важным моментом является то, что подобное сжа-

тие имеет базой взаимодействие 2-х факторов: экстралингвистического и лингвистического. В единицу времени нам нужно произнести/написать все большее число отражаемых единиц мира. Это взаимодействие носит характер известного закона "экономии речевых усилий".

6. Связи возникновения омонимии с проявлением изменений у элементов системы в количественном, качественном и относительном планах. Было доказано, что омонимия порождается всеми семью системными преобразованиями, что полностью соответствует требованиям законов и Предложений ОТСУ.

В процессе работы были представлены в виде графов-классификаций (двухмерные и трехмерные плюс-минусовые кубы) три следующих основных разновидности омонимии, представляющих оппозиции с последующим детальным рассмотрением: 1) внутрикласовая:межкласовая;

2) однопозиционная:разнопозиционная;

3) однокоренная:разнокоренная.

При детализации были рассмотрены внутривидовая и межвидовая омонимия, оппозиция категорий одушевленности/неодушевленности как факторов омонимизации. Сделанные классификации доказывают относительную полноту системы в плане отражения процесса омонимизации языка-системы.

Все эти доказательства стали возможными благодаря последовательному приложению теоретических и методологических положений ОТСУ. С их помощью омонимия как феномен была выведена за рамки "чисто" языковых явлений и были доказаны следующие общесистемные связи:

1. Омнимии и симметрии/асимметрии. Омнимия, или квазисимметрия, пронизывает все уровни языка-системы и на каждом уровне степень омнимичности достаточно велика. Теоретически возможный предел омнимичности имеет размер 25 процентов от всех элементов уровня. Практически омнимия никогда не достигает этого предела, он всегда имеет чуть меньшие параметры, так как в системе языка есть ряд способов, вытормаживающих омнимию.

2. Омнимии и других неязыковых систем. Омнимия не является специфическим языковым явлением. Трактующаяся как изо-полиморфизм или полиморфизм, она имеет общесистемный характер и должна обнаруживаться во всех системах, характеризующихся двумя признаками: *формой*, понимаемой достаточно широко от внешнего вида, объема ... до конкретных кристаллов, имеющих одинаковое число граней, вершин и ребер, но из-за разных углов со вмещения граней имеющих разную форму (свой закон композиции) и *содержанием* (от языкового значения, смысла до множества свойств конкретных кристаллов, связанных именно с формой).

3. Омнимии и динамической изомерии. Связь этих фундаментальных явлений языка-системы заключается в том, что существование омнимии представляет собой толчок к тому, чтобы она не являлась "помехой к пониманию" в системе, "патологией" языка, "смертельной раной" языка, "дефектом" языка [по Гвоздеву и Реформатскому]. Динамическая акцентуальная и интонационная

изомерия заключается как раз в смене ударения или интонации, что и приводит частично к снятию омонимии и правильному смысловому различению при устном общении.

4. Омонимии и языковой конвергенции/дивергенции. Словоизменение и словообразование, представляющие внутриязыковую дивергенцию, приводят к омонимии как совпадению, сближению в формальном плане, а это и есть конвергенция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В.И.* Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // В кн: Лексикографический сборник, вып. IV. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – С. 71 – 76.
2. *Абаев В.И.* О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания № 3. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – С. 31 – 43.
3. *Абаев В.И.* К семантике глаголов с основным значением "делать" // Вопросы языкознания N 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1988. – С. 34 – 43.
4. *Абдурахманова Н.А.* Лексико-семантические группы переходных глаголов и проблемы омонимии // В кн.: Лингвистические исследования 1980: Анализ синтаксических единиц. – М.: Просвещение, 1980. – С. 3 – 11.
5. *Абдурахманова Ф.К.* Функциональная транспозиция и омонимия в современном русском языке (на материале существительных и наречий): Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01.// Тверской гос. ун-т. – Тверь, 1992. – 21 с.
6. *Аванесов Р.И.* Русская и диалектная фонетика. – М.: Просвещение, 1974. – 287 с.
7. *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. – М.: Просвещение, 1984. – 383 с.
8. *Авдеев К.П.* Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // В кн.: Лексикографический сборник, вып. IV. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – С. 82 – 84.
9. *Александров П.С.* Введение в теорию множеств и общую топологию. – М.: Наука, 1977. – 367 с.
10. *Алексеев В.И., Гозман И.Н., Сахаров Г.В.* Словарь сокращений русского языка. – М.: Русский язык, 1983. – 486 с.
11. *Амосова Н.Н.* О синтаксическом контексте // В кн. Лексикографический сборник, вып 5. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1962. – С. 34 – 45.
12. *Аникин А.Е.* Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. – 125 с.
13. *Аничков И.Е.* Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // В кн.: Лексикографический сборник, вып. IV. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – С. 68 – 69.
14. *Аничков И.Е., Саакянц В.Н.* Методика преподавания английского языка в средней школе. – М.–Л.: Просвещение, 1966. – 248 с.
15. *Апресян Ю.Д.* Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля // В кн.: Лексикографический сборник. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1962. – С. 52 – 72.
16. *Апресян Ю.Д.* К вопросу о структурной лексикологии // Вопросы языкознания N 3. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – С. 38 – 46.

17. *Апресян Ю.Д.* Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления) // Вопросы языкознания N 5. – М.: Наука, 1965. – С. 51 – 66.
18. *Апресян Ю.Д.* и др. Восемь словарных статей толково-комбинаторного словаря русского языка. – М.: Институт русского языкознания АН СССР, 1970. – 31 с.
19. *Апресян Ю.Д.* и др. Девятнадцать словарных статей толково-комбинаторного словаря русского языка. – М.: Институт русского языкознания АН СССР, 1972. – 48 с.
20. *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1966. – 296 с.
21. *Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П.* Многозначность и омонимия. –Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. – 131 с.
22. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 296 с.
23. *Ахманова О.С.* и др. О точных методах исследования языка. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1961. – 162 с.
24. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
25. *Ахманова О.С.* Словарь омонимов русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – 448 с.
26. *Ахтямов М.Х.* Проблемы омонимии в современном башкирском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 // Институт восточных языков при Московском Ордена Ленина и Ордена Трудового Красного знамени государственном университете им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1985. – 20 с.
27. *Ахтямов М.Х.* Словарь омонимов башкирского языка. – Уфа: Книжное изд-во, 1966. – 143 с.
28. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – С. 189 – 209.
29. *Балли Ш.* Французская стилистика. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – С. 70 – 90.
30. *Баранцев Р.Г.* Системные триады и классификация // В сборнике: Теория и методология. – М.: Наука, 1983. – С. 81 – 89.
31. *Белокриницкая С.С.* Различные типы омонимии и способы их различения при машинном переводе // Вопросы языкознания N 2. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. – С. 97 – 101.
32. *Белоногов Г.Г., Кузнецов В.А.* Языковые средства автоматизированных информационных систем. – М.: Наука, 1983. – 287 с.
33. *Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г.* Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. – М.: Знание, 1969. – 48 с.

34. *Благовещенский О.В.* Заметки об омонимах и их подаче в словарях // Вопросы языкознания N 6. – М.: Изд-во АН СССР, 1973. – С. 120 – 126.
35. *Блумфилд Л.* Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
36. *Броун В.В.* Некоторые вопросы омонимии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 // Тбилисский гос. ун-т им. Сталина. – Тбилиси, 1958. – 22 с.
37. *Будагов Р.А.* Закон многозначности слова // Русская речь N 3. – М.: Наука, 1972. – С. 132 – 140.
38. *Будагов Р.А.* Очерки по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 280 с.
39. *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. – М.: Просвещение, 1965. – 492 с.
40. *Булаховский А.А.* Из жизни омонимов // В сборнике "Русская речь", т. 3. – Л.: "Academia", 1928. – С. 47 – 60
41. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. – Минск: Мастацкая літаратура, 1988. – С. 316, 334, 342, 350, 374, 407, 538, 547, 562, 600.
42. *Вардуль И.Ф.* Место семантики в лингвистическом описании // В кн.: Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974. – С. 12 – 24.
43. *Вардуль И.Ф.* Основы описательной лингвистики (синтаксис и супрасинтаксис). – М.: Наука, 1977. – 352 с.
44. *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка // В кн.: Новое в лингвистике, вып. N 5. – М.: Прогресс, 1970. – С. 163 – 249.
45. *Виноградов В.В.* Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания, N 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 3 – 17.
46. *Виноградов В.В.* Исследования по русской грамматике (Избранные труды). – М.: Наука, 1975. – 559 с.
47. *Виноградов В.В.* История русского литературного языка (Избранные труды). – М.: Наука, 1978. – 320 с.
48. *Виноградов В.В.* О грамматической омонимии в современном русском языке // В кн.: Исследования по русской грамматике (Избранные труды). – М.: Наука, 1975. – С. 13 – 32.
49. *Виноградов В.В.* Основные типы лексического значения слова // Вопросы языкознания N 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 3 – 29.
50. *Виноградов В.В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Вопросы языкознания N 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 80 – 94.
51. *Галкина-Федорук Е.М.* К вопросу об омонимах в русском языке // Русский язык в школе N 3. – М.: Учпедгиз, 1954. – С. 14 – 19.
52. *Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык, ч. 1. – М.: Просвещение, 1967. – С. 90 – 106.
53. *Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
54. *Гинзбург Е.Л.* Одноименность однокоренных производных // В кн.: Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1978. – С. 34 – 176.
55. *Гинзбург Е.Л.* Словообразование и синтаксис. – М.: Наука, 1979. – 262 с.

56. *Гладкий А.В.* Лекции по математической лингвистике для студентов НГУ. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1966. – 189 с.
57. *Гладкий А.В., Мельчук И.А.* Элементы математической лингвистики. – М.: Наука, 1969. – 192 с.
58. *Гладкий П.И.* Лексическая омонимия имен существительных в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 // АН УССР Отделение литературы, языка и искусствоведения. – Киев, 1967. – 21 с.
59. *Головин Б.Н.* Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1983. – С. 232.
60. *Головин Б.Н.* Омонимия в современном русском литературном языке // В кн.: Вопросы преподавания современного русского языка в вузе / Материалы Горьковской межвузовской лингвистической конференции (апрель 1958). – Горький: Горьковский гос. ун-т, 1960. – С. 67 – 73.
61. *Головня А.И.* Проблема омонимии на входе и выходе ЭВМ // Актуальные проблемы компьютерной лингвистики: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. – Тарту, 1990. – С. 154.
62. *Головня А.И.* Концептуальное поле омонимии // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Материалы межведомственной научно-теоретической конференции. Вып. 1, ч. 2. – Харьков-Сочи, 1991. – С. 427 – 428.
63. *Головня А.И.* Метод интенсификации при преподавании медицинской терминологии // "Формы и методы интенсификации учебного процесса при обучении иностранных студентов русскому языку". Тез. доклад. международной конференции, ч. 2. – Минск, 1995. – С. 35 – 36.
64. *Грабчиков С.М.* Межъязыковые омонимы и паронимы. – Минск: Издательство БГУ, 1980. – 216 с.
65. *Грачева О.А.* Граммемный анализ русских флексий (Разграничение грамматической омонимии и полифункциональности) // Филологические науки N 3. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 41 – 49.
66. *Гусев В.Д., Титкова Т.Н.* Алгоритм вычисления совместного частотного спектра двух текстов // В кн.: Структурный анализ символьных последовательностей (Вычислительные системы, вып. 101). – Новосибирск: Институт математики СО АН СССР, 1984. – С. 22 – 34.
67. *Гяч Н.В.* К вопросу о генетических истоках аббревиатур // Филологические науки N 3. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 178 – 188.
68. Дискуссия по вопросам омонимии // В кн.: Лексикографический сборник, вып. 4. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – С. 35 – 112.
69. *Emerson O.F.* The History of the English Language. – New-York, 1935. – P. 138 – 140.

70. *Jagger J.H.* Modern English. – London, 1925. – P. 70 – 71.
71. *Jespersen O.* Monosyllabism in English, *Linguistica*. – Copengagen, 1933. – P. 405 – 406.
72. *Жирков Л.И.* Границы применения машинного перевода // Вопросы языкознания N 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 121 – 124.
73. *Задорожный М.И.* О границах полисемии и омонимии. – М.: Издательство Московского университета, 1971. – 71 с.
74. *Звегинцев В.А.* Семасиология. – М.: Изд-во Московского университета, 1957. – 321 с.
75. *Звегинцев В.А.* Язык и общественный опыт (К методологии генеративной лингвистики) // В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М.: Наука, 1970. – С. 281 – 306.
76. *Ильиш Б.А.* Современный английский язык: Теоретический курс. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – 347 с.
77. *Калугина В.В.* Словарь ложной омонимии флексий русского языка. – Кишинев: Изд-во "Картя Молдовеняске", 1965. – 282 с.
78. *Карнов В.А.* К вопросу о беспредложных сочетаниях имен существительных в современном болгарском языке // Български език, N 3. – София, 1969. – С. 271 – 280.
79. *Карнов В.А.* Теория симметрии и периодическая система многогранников // Международная конференция "Пространственные группы симметрии и их современное развитие": Тезисы докладов конференции. – Ленинград, 1991. – С. 154.
80. *Карнов В.А.* Язык как система. – Минск: Вышэйшая школа, 1992. – 302 с.
81. *Карнов В.А.* Изоморфизм двух систем (междисциплинарный синтез на базе системного подхода) // Веснік БДУ, сер. 3, N 3. – Мінск: Выд. Універсітэцкае, 1994. – С. 26 – 30.
82. *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85 – 90.
83. *Каштанов Арнольд* Эпидемия счастья. – Минск: Мастацкая літаратура, 1986. – С. 21, 81, 132, 140, 150, 151, 156, 157, 159, 169, 193, 194, 197, 207, 209, 218.
84. *Kennedy A.G.* Current English. – New-York, 1935. – P. 407 – 408.
85. *Ким О.М.* Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. – Ташкент: Изд-во "ФАН" Узбекской ССР, 1978. – 228 с.
86. *Киреев А.А.* К изучению омонимов в школе // Русский язык в школе N 3. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 64 – 66.
87. *Кирсанов Семен* Собрание сочинений в четырех томах, т.1. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 481.

88. *Колесников Н.П.* Культура письменной речи: (Устранение омонимии в предложении). – Ростов н/Д.: Издательство Ростовского университета, 1987. – 98 с.
89. *Колесников Н.П.* Синтаксическая омонимия в простом предложении. – Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1981. – 145 с.
90. *Колесников Н.П.* Словарь омонимов русского языка. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. – 632 с.
91. *Колшанский Г.В.* О формализации контекста // В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика N 5. – М.: I-ый Московский гос. институт иностранных языков, 1961. – С. 45 – 50.
92. *Колшанский Г.В.* О природе контекста // Вопросы языкознания № 4. – М.: Изд-во АН СССР. – С. 45 – 50.
93. *Комолова З.П.* Семантическая мотивированность прагмонимов // В кн.: Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974. – С. 333 – 339.
94. К обсуждению вопроса об омонимах (обзор статей, поступивших в редакцию) // Вопросы языкознания N 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 45 – 50.
95. *Коптилов В.В.* О формальном разграничении омонимии и полисемии // В кн.: Прикладная лингвистика и машинный перевод. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1962. – С. 76 – 78.
96. *Корчагина Т.И.* Омонимия в современном японском языке. – М.: Издательство МГУ, 1984. – 164 с.
97. *Красикова Т.И.* Историческое развитие омонимии в английском языке: Монография. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1984. – 135 с.
98. *Криндач В.П.* Симметрия и вероятность // В кн.: Принцип симметрии. – М.: Наука, 1978. – 398 с.
99. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
100. *Лаврененко А.В.* Полнота/неполнота лингвистического универсума на разных уровнях: Дисс... канд. филол. наук: 10.02.19. – Минск, 1993. – 205 с.
101. *Лебедева А.А.* Наречия с несвободной сочетаемостью в русском языке // Вопросы семантики. – Калининград: Калининградский Гос. ун-т, 1984. – С. 133 – 137.
102. *Лекомцев Ю.К.* Гипотеза и формальный язык описания // В кн.: Гипотеза в современной лингвистике. – М.: Наука, 1980. – С. 142–183.
103. *Лекомцев Ю.К.* Введение в формальный язык лингвистики. – М.: Наука, 1983. – 261 с.
104. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. ПСС, т. 18. – М.: Изд-во политической литературы, 1980. – С. 7 – 384.
105. *Липатов А.Т.* Омонимия и аббревиация // Филологические науки N 3. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 50 – 55.
106. *Липатов Е.П.* Теория графов и ее применение: Математика и кибернетика. – М.: Изд-во "Знание", 1986. – 32 с.

107. *Малаховский Л.В.* О возможностях сравнительно-типологического исследования омонимии (к вопросу о семантических универсалиях) // В кн.: Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974. – С. 272 – 278.
108. *Малаховский Л.В.* Соотношение графической и фонетической дифференциации омонимов в современном английском языке // В кн.: Лингвистические исследования. – Л.: Институт языкознания АН СССР, 1970. – С. 125 – 140.
109. *Малаховский Л.В.* Теория лексической и грамматической омонимии. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. – 238 с.
110. *Маслов Ю.С.* Омонимы в словарях и омонимия в языке (к постановке вопроса) // Вопросы теории и истории языка: Сборник в честь профессора Б. А. Ларина. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. – С. 128 – 202.
111. *Маслов Ю.С.* Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет // Ученые записки Тартуского ун-та, вып. 434. Вопросы русской аспектологии. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1977. – С. 23 – 46.
112. Машинный фонд русского языка: Идеи и суждения. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
113. *Мельничук А.С.* Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма // В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М.: Наука, 1970. – С. 38 – 69.
114. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей "СМЫСЛ – ТЕКСТ". – М.: Наука, 1974. – 316 с.
115. *Міхневіч А.Я.* Сінтаксічна непадзельныя словазлучэнні ў беларускай мове (Трансфармацыйны аналіз). – Мінск, Навука і тэхніка, 1965. – 114 с.
116. *Нагибин Юрий Берендеев* лес. – М.: Советский писатель, 1978. – С. 21, 40, 60, 61, 65, 66, 67, 74, 96, 110, 151, 152, 182, 245, 248, 249.
117. *Новиков Л.А.* К проблеме омонимии. Омонимия имен существительных в современном русском языке, возникающая в результате полисемии и связанная с категорией числа // В кн.: Лексикографический сборник, вып. 4. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1974. – С. 93 – 102.
118. *Новиков Л.А.* Об одном из способов разграничения полисемии и омонимии // Русский язык в школе N 3. – М.: Учпедгиз, 1960. – С. 10 – 14.
119. Обратный словарь русского языка. – М. Советская энциклопедия, 1974. – 944 с.
120. *Овчинников Н.Ф.* Принципы сохранения. – М.: Наука, 1966. – 231 с.
121. *Овчинников Н.Ф.* Симметрия закономерность природы и принцип познания // В кн.: Принцип симметрии. – М.: Наука, 1978. – С. 5–46.
122. *Овчинников Н.Ф.* Структура и симметрия // В кн.: Системные исследования. – М.: Наука, 1969. – С. 111 – 121.
123. *Овчинников Н.Ф.* Тенденция к единству науки: познание и природа. – М.: Наука, 1988. – 268 с.

124. *Ogata H. and Inglott R. Y.* Dictionary of the English Homonyms, Pronouncing and Explanatory. – Tokyo, 1941. – P. 12 – 16.
125. *Ожегов С.И.* Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // В кн.: Лексикографический сборник, вып. IV. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – С. 69 – 71.
126. Ошибки, связанные с внутриязыковой и межъязыковой омонимией // Исследование частотности лексики и синтаксиса белорусского языка для создания программы автоматизированного контроля знаний учащихся: Научно-технический отчет о НИР; руководитель В. А. Карпов; РК 19942337. – Минск, 1994. – С. 70 – 83.
127. *Палевская М.Ф.* Омонимия как следствие лексикализации отдельных грамматических форм и перехода слов из одной части речи в другую // Русский язык в школе N 3. – М.: Учпедгиз, 1960. – С. 15 – 19.
128. *Пассек В.В.* К омонимии словоизменительных суффиксов (окончаний) в английском языке // Вопросы языкознания N 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 68 – 75.
129. *Пащенко Н.А.* Об одном подходе к проблеме снятия омонимии при автоматической обработке текстов на естественных языках // НТИ N 4, сер. 2 Информационные процессы и системы. – М.: Всесоюзный институт научной и технической информации, 1967. – С. 13 – 18.
130. *Перебейнос В.И.* Об использовании структурных методов для разграничения значений многозначного глагола // Вопросы языкознания N 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 56 – 61.
131. *Петренко М.Г.* Явление омографии в современном русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01. / Одес. Гос. ун-т им. И.И. Мечникова. – Одесса, 1987. – 16 с.
132. *Петров Ю.А.* Методологические вопросы анализа научного знания. – М.: Высшая школа, 1977. – 226 с.
133. *Пиотровский Р.Г.* Структурные схемы и типологическая классификация диалектов // В кн.: Вопросы теории и истории языка. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – С. 236 – 252.
134. *Поспелов Г.С.* Искусственный интеллект – основа новой информационной технологии. – М.: Наука, 1988. – 280 с.
135. *Прилежаева М.П.* Удивительный год. – Киев: Радянська школа, 1987. – С. 9, 29, 39, 45, 79, 95, 103, 121, 126, 146, 175, 187, 206, 187, 206, 214, 221, 253.
136. *Пророкова В.М.* Некоторые особенности омонимии в немецком языке // Вопросы языкознания N 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 76 – 79.
137. *Ракова А.А.* Словообразовательная омонимия имен на *-ник* в истории русского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ростовский ун-т. – Ростов н/Д., 1984. – 20 с.

138. *Ревзин И.И.* Структура языка как моделирующей системы. – М.: Наука, 1978. – 286 с.
139. *Резникова Е.Я.* К вопросу о развитии и изменении значений слова // В кн.: Процессы развития в языке. – М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1959. – С. 144 – 173.
140. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. – М.: Госуд. учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1960. – 432 с.
141. *Ревзин А.А.* Структура языка как моделирующей системы. – М.: Наука, 1978. – 286 с.
142. *Рихтер Г.И.* Вопросы классификации омонимов в русском языке // Филологические науки № 1. – М.: Высшая школа, 1961 – С. 24 – 31.
143. *Ровдо И.С.* Межъязыковая омонимия в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма: Автореф. дис... канд. филол. наук:10.02.01 // Белорусский гос. ун-т. – Минск, 1980. – 19 с.
144. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. – М.: Правда, 1984. – С. 52, 62, 79, 107, 115, 124, 144, 149, 152, 153, 159, 190, 194, 199, 213, 231.
145. *Селищев А.М.* Смена фамилий и личных имен // Ученые записки Тартуского университета № 5, вып. 284. – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1971. – С. 494 – 500.
146. *Сидоров В.Н.* Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // В кн.: Лексикографический сборник, вып. IV. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – С. 79 – 80.
147. *Смирницкий А.И.* Значение слова и его семантика // Вопросы языкознания № 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 112 – 116.
148. Система грамматического кодирования и проблема снятия омонимии // Разработать универсальный интерфейс для общения пользователя на русском языке с базами знаний различных предметных областей на основе машинной модели русского языка, включающей словарное обеспечение, сопряженное с системой синтаксического и семантического анализа текстов русского языка: Научно-исследовательский отчет о НИР; руководитель В.А. Карпов; РК 01910011247. – Минск, 1993. – С. 18 – 24.
149. Системный анализ омонимии // Разработка теоретических основ и концепций представления знаний на естественном языке для реализации баз знаний: Научно-технический отчет о составной части НИР; руководитель работы В. А. Карпов; РК 018900755135. Госномер 03900027220, Ч. 1 и 2. – Минск, 1989. – С. 95 – 104.
150. *Skeat W.* An Etymological Dictionary of English Language. – Oxford, 1958. – P. 3 – 18.
151. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с.

152. *Соболева П.А.* Словообразовательная структура слова и типология омонимов // В кн.: Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1978. – С. 5 – 33.
153. *Соболева П.А.* Словообразовательная полисемия и омонимия. – М.: Наука, 1980. – 294 с.
154. *Сосюр Ф.* Курс общей лингвистики // В сборнике: Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31 – 285.
155. *Суперанская А.В., Сулова А.В.* Современные русские фамилии. – М.: Наука, 1981. – 176 с.
156. *Стюарт Ян* Концепции современной математики. – Минск: Вышэйшая школа, 1980. – 384 с.
157. *Супрун А.Е.* О типах лексических омонимов в системе славянских языков // В кн.: Сборник ответов на вопросы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 33 – 35 .
158. *Супрун Н.И.* Омонимы в речи // Ученые записки Горьковского государственного педагогического института иностранных языков, вып. 32. – Горький, 1967. – С. 195 – 207.
159. *Супрун Н.И.* Омонимия и ее соотношение с полисемией в современном немецком языке (на материале безаффиксных глаголов): Автореф.дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 // Калининский гос. пед. ин-т имени М. И. Калинина. – Калинин, 1969. – 22 с.
160. *Тарасов Л.В.* Этот удивительно симметричный мир. – М.: Просвещение, 1982. – 172 с.
161. *Тимофеева М.К.* Об одном применении метода автоматической реконструкции грамматик // В кн.: Структурный анализ символьных последовательностей (Вычислительные системы, вып. 101). – Новосибирск: Ин-т математики СО АН СССР, 1984. – С. 35 – 43.
162. *Толмачева З.А.* Образование омонимов путем распада полисемии // Русский язык в школе N 4. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 28 – 33.
163. *Трнка Б.* Замечания об омонимии. Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 272 – 276.
164. *Тышлер И.С.* К вопросу о судьбе омонимов // Вопросы языкознания N 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 80 – 84.
165. *Тышлер И.С.* К разграничению полисемии и омонимии // Филологические науки N 6. – М.: Высшая школа, 1963. – С. 142 – 149.
166. *Тышлер И.С.* О проблемах омонимии в английском языке: Дис... канд. фил. наук: 10.01.02. – Москва, 1966. – 205 с.
167. *Тэффи Н.А.* Юмористические рассказы. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 58, 118, 143, 159, 175, 210, 243, 249, 262, 267, 284, 308, 318, 336, 337, 340.
168. *Тюхтин В.С.* О подходах к построению общей теории систем // В кн.: Системный анализ и научное знание. – М.: Наука, 1978. – С. 42 – 59.

169. *Тюхтин В.С.* Отражение, системы, кибернетика. – М.: Наука, 1972. – 256 с.
170. *Уемов А.И.* Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития // В сб.: Системный анализ и научное знание. – М.: Наука, 1978. – С. 95 – 142.
171. *Ульман С.* Семантические универсалии // В кн.: Новое в лингвистике, вып. 5. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250 – 299.
172. *Урманцев Ю.А.* Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // В кн.: Система. Симметрия. Гармония. – М.: Мысль, 1988. – С. 38 – 123.
173. *Урманцев Ю.А.* Симметрия природы и природа симметрии. – М.: Мысль, 1974. – 230 с.
174. *Урманцев Ю.А.* Эволюционика. – Пушкино, 1988. – 78 с.
175. *Уткина Е.А.* По поводу явления омонимии в английском языке // В кн.: Процессы развития в языке. – М.: Изд-во ВПШ И АОН ЦК КПСС, 1959. – С. 115 – 124.
176. *Фалькович М.М.* К вопросу об омонимии и полисемии // Вопросы языкознания N 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 85 – 88.
177. *Филин Ф.П.* О некоторых философских вопросах языкознания // В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М.: Наука, 1970. – С. 7 – 24.
178. *Филин Ф.П.* Историческая лексикология // В кн.: Теория и практика русской исторической лексикологии. – М.: Наука, 1984. – С. 9 – 22.
179. *Хаматова А.А.* Омонимия в современном китайском языке: Учебное пособие. – Владивосток: ДВГУ, 1981. – 127 с.
180. *Цехмистро В.З.* К вопросу о единстве знания // В кн.: Материалистическая диалектика и частные науки. – Л.: Наука, 1976. – С. 77 – 85.
181. *Цытышева М.Е.* К вопросу о разграничении полисемии и омонимии // В кн.: Вопросы романо-германской филологии. – Ташкент: ФАН, 1967. – С. 59 – 66.
182. Частотный словарь русского языка. / Под редакцией Л.Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977. – 935 с.
183. *Чернявский В.С., Лахути Д.Г., Федоров Е.П.* Автоматическое построение фрагментов алгоритма перевода омонимов для пусковой системы "ПУСТО НЕПУСТО 2" // НТИ, сер. 2, N 6, Информационные процессы и системы. – М.: Всесоюзный институт научной и технической информации, 1970. – С. 59 – 66.
184. *Чужанова Н.А.* Об одном способе генерации языковых процессоров // В кн.: Структурный анализ символьных последовательностей (Вычислительные системы, вып. 101). – Новосибирск: Ин-т математики СО АН СССР, 1984. – С. 45 – 55.

185. *Шайкевич А.Я.* О принципах классификации омонимов // В кн.: Процессы развития в языке. – М.: ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1959. – С. 25 – 143.
186. *Шайкевич А.Я., Абдуазизов А.А., Гурджијева Е.А.* Введение в языкознание. – Ташкент: Укитувкги, 1989. – 311 с.
187. *Шайкевич А.Я.* Гипотезы о естественных классах и возможность количественной таксономии в лингвистике // В кн.: Гипотеза в современной лингвистике. – М.: Наука, 1980. – С. 319 – 357.
188. *Шайкевич А.Я.* Источники лексической омонимии в германских языках: Автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.01.02 // Моск. гос. пединститут имени В. И. Ленина. – М., 1962. – 20 с.
189. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 328 с.
190. *Шаумян С.К.* О сущности структурной лингвистики // Вопросы языкознания N 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 38 – 54.
191. *Шафрановский И.И., Алявдин В.Ф.* Краткий курс кристаллографии. – М.: Высшая школа, 1984. – 119 с.
192. *Шендельс Е.И.* О грамматической полисемии // Вопросы языкознания N 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 47 – 55.
193. *Шрейдер Ю.А.* Систематика, типология, классификация // В кн.: Теория и методология биологических классификаций. – М.: Наука, 1983. – С. 90 – 100
194. *Штейнфельдт Э.А.* Частотный словарь современного русского литературного языка. – Таллин: Типография "Юхисэлу", 1963. – 316 с.
195. *Шумилов Н.Ф.* К вопросу о разграничении полисемантизма и омонимии // Русский язык в школе, N 3. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 32 – 35.
196. *Щетина Т.С.* О регулярной многозначности прилагательных // Филологические науки N 3. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 56 – 59.
197. *Эман Эмиль* Об омонимии в немецком языке // Вопросы языкознания N 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 117 – 124.
198. *Ярцева В.Н.* Количественные и качественные изменения в языке // В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М.: Наука, 1970. – С. 70 – 87.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ, ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	9
1.1. Очерк этапов развития воззрений на омонимию.....	9
1.2. Общие принципы классификации омонимов	15
1.3. Насыщенность текста омонимическими формами.....	20
1.4. Проблема подачи полисемии и омонимии в современных толковых словарях	23
1.5. Представление омонимов в словарях омонимов	26
ГЛАВА 2. ОМОНИМИЯ КАК СИСТЕМНОЕ ЯВЛЕНИЕ	29
2.1. Общие предпосылки. Полнота/неполнота лингвистического универсума	29
2.1.1. Аппарат представления материала и анализа.....	31
2.1.2. Установление объекта анализа и описания	35
2.2. Концептуальное поле омонимии	37
2.2.1. Связь омонимии с симметрией/асимметрией.....	40
2.3. Причины появления омонимии	47
2.3.1. Изменения в системе языка и изменения в системе омонимии.....	52
2.3.2. Омонимия и дивергенция/конвергенция	57
2.3.3. Омонимия и рефлексивность.....	58
2.4. Место омонимии в языке-системе.....	59
2.4.1. Структурно-морфологическая сторона омонимии.....	62
2.5. Общая классификация омонимов в письменных и устных текстах	64
ГЛАВА 3. ВНУТРИКЛАССОВАЯ, МЕЖКЛАССОВАЯ И МЕЖСИСТЕМНАЯ ОМОНИМИЯ	69
3.1. Внутриклассовая омонимия существительных.....	69
3.1.1. Межкатегориальная омонимия (родовая).....	70
3.1.2. Род, одушевленность и омонимия.....	73
3.1.3. Обобщение омонимии существительных	75
3.2. Межклассовая омонимия	77
3.2.1. Межклассовые пересечения разнокоренных и однокоренных слов....	79
3.2.2. Омонимия существительного и глагола	81
3.3. Омонимия между другими частями речи	83

3.4. Омонимия имен нарицательных и имен собственных	84
3.5. Обобщение внутрисистемной языковой омонимии (внутриклассовой и межклассовой).....	85
3.6. Межъязыковая омонимия (межсистемная).....	88
ГЛАВА 4. ОМОНИМИЯ НА УРОВНЕ СИНТАКСИСА.....	92
4.1. Количественный анализ омонимичных аббревиатур	92
4.1.1. Анализ одноэлементных омонимичных аббревиатур	93
4.1.2. Анализ плотности (семантической омонимичности) сокращений из 2-х и более букв.....	94
4.2. Пересечение/непересечение семантик в аббревиатурах	98
4.2.1. Пересечение/непересечение структурных элементов моделей сжатия.....	101
4.3. Анализ ядерных и расширенных моделей сжатия.....	103
4.4. Качественный анализ омонимии аббревиатур.....	104
4.5. Омонимия в рамках ядерных и расширенных текстовых моделей	107
4.6. Снятие омонимии в речи и на письме.....	111
4.6.1. Проблема омонимии на входе и на выходе ЭВМ.....	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	116
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	119

Научное издание

ОМОНИМИЯ КАК СИСТЕМНАЯ КАТЕГОРИЯ ЯЗЫКА

Монография

В авторской редакции

Компьютерная верстка *А. К. Карнова*

Подписана к печати _____. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. _____. Усл. – изд. л. _____. Тираж 100 экз. Зак.

Белорусский государственный университет
Лицензия ЛВ № 315 от 14.07.98.
220050, Минск, проспект Независимости, 4

Напечатана в издательском центре БГУ.
Лицензия ЛП № 284 от 21.05.98.
220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.